

ISSN 2518-7236

№ 3(87)/2017

ТАРИХ. ФИЛОСОФИЯ сериясы
Серия ИСТОРИЯ. ФИЛОСОФИЯ
HISTORY. PHILOSOPHY Series

ҚАРАҒАНДЫ
УНИВЕРСИТЕТІНІҢ
ХАБАРШЫСЫ

ВЕСТНИК
КАРАГАНДИНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

BULLETIN
OF THE KARAGANDA
UNIVERSITY

ISSN 2518-7236

Индексі 74621

Индекс 74621

**ҚАРАҒАНДЫ
УНИВЕРСИТЕТІНІҢ
ХАБАРШЫСЫ**

ВЕСТНИК
КАРАГАНДИНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

BULLETIN
OF THE KARAGANDA
UNIVERSITY

ТАРИХ. ФИЛОСОФИЯ сериясы

Серия ИСТОРИЯ. ФИЛОСОФИЯ

HISTORY. PHILOSOPHY Series

№ 3(87)/2017

Шілде–тамыз–қыркүйек
29 қыркүйек 2017 ж.

Июль–август–сентябрь
29 сентября 2017 г.

July–August–September
September, 29, 2017

1996 жылдан бастап шығады
Издается с 1996 года
Founded in 1996

Жылына 4 рет шығады
Выходит 4 раза в год
Published 4 times a year

Қарағанды, 2017
Караганда, 2017
Karaganda, 2017

Бас редакторы

ЖМ ХҒА академигі, заң ғыл. докторы, профессор
Е.Қ.Көбеев

Бас редактордың орынбасары **Х.Б.Омаров**, ҚР ҰҒА корр.-мүшесі,
техн. ғыл. д-ры, профессор

Жауапты хатшы **Г.Ю.Аманбаева**, филол. ғыл. д-ры,
профессор

Редакция алқасы

Б.И.Карипбаев,	ғылыми редактор филос. ғыл. д-ры (Қазақстан);
Б.Е.Колумбаев,	филос. ғыл. д-ры (Қазақстан);
Р.М.Жумашев,	тарих ғыл. д-ры (Қазақстан);
В.В.Козина,	тарих ғыл. д-ры (Қазақстан);
В.С.Батурын,	филос. ғыл. д-ры (Қазақстан);
З.Г.Сактаганова,	тарих ғыл. д-ры (Қазақстан);
Ж.С.Сыздыкова,	тарих ғыл. д-ры (Ресей);
Б.А.Амирова,	психол. ғыл. д-ры (Қазақстан);
А.Н.Джумагельдинов,	PhD (Франция);
В.И.Разумов,	филос. ғыл. д-ры (Ресей);
Н.А.Головин,	әлеум. ғыл. д-ры (Ресей);
Р.М.Зиязетдинов,	тарих ғыл. д-ры (Ресей);
Б.Н.Кылышбаева,	әлеум. ғыл. д-ры (Қазақстан);
А.К.Жолдубаева,	филос. ғыл. д-ры (Қазақстан);
Ш.М.Мухтарова,	пед. ғыл. д-ры (Қазақстан);
Кристиан-Раду Кереджи,	PhD (Румыния);
В.С.Агаджанян,	әлеум. ғыл. д-ры (АҚШ);
Р.М.Шукуров,	тарих ғыл. д-ры (Ресей);
В.Г.Рыженко,	тарих ғыл. д-ры (Ресей);
Ф.Н.Зиатдинова,	пед. ғыл. канд. (Ресей);
К.С.Алдажуманов,	тарих ғыл. канд. (Қазақстан);
Г.М.Смагулова,	тарих ғыл. канд. (Қазақстан);
С.Б.Стамбулов,	жауапты хатшы PhD (Қазақстан)

Редакцияның мекенжайы: 100028, Қазақстан, Қарағанды қ., Университет к-сі, 28

Тел.: (7212) 77-03-69 (ішкі 1026); факс: (7212) 77-03-84.

E-mail: vestnick_kargu@ksu.kz. Сайт: vestnik.ksu.kz

Редакторлары

И.Д.Рожнова, Ж.Т.Нурмуханова

Компьютерде беттеген

Қ.Г.Қалел

Қарағанды университетінің хабаршысы. «Тарих. Философия» сериясы.

ISSN 2518-7236.

Меншік иесі: «Академик Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті» РММ.

Қазақстан Республикасының Мәдениет және ақпарат министрлігімен тіркелген. 23.10.2012 ж.
№ 13105–Ж тіркеу куәлігі.

Басуға 28.09.2017 ж. қол қойылды. Пішімі 60×84 1/8. Қағазы офсеттік. Көлемі 11,37 б.т.
Таралымы 300 дана. Бағасы келісім бойынша. Тапсырыс № 98.

Е.А.Бөкетов атындағы ҚарМУ баспасының баспаханасында басылып шықты.
100012, Қарағанды қ., Гоголь к-сі, 38. Тел. 51-38-20. E-mail: izd_kargu@mail.ru

Главный редактор
академик МАН ВШ, д-р юрид. наук, профессор
Е.К.Кубеев

Зам. главного редактора **Х.Б.Омаров**, чл.-корр. НАН РК,
д-р техн. наук, профессор

Ответственный секретарь **Г.Ю.Аманбаева**, д-р филол. наук, профессор

Редакционная коллегия

Б.И.Карипбаев,	научный редактор д-р филос. наук (Казахстан);
Б.Е.Колумбаев,	д-р филос. наук (Казахстан);
Р.М.Жумашев,	д-р ист. наук (Казахстан);
В.В.Козина,	д-р ист. наук (Казахстан);
В.С.Батурин,	д-р филос. наук (Казахстан);
З.Г.Сактаганова,	д-р ист. наук (Казахстан);
Ж.С.Сыздыкова,	д-р ист. наук (Россия);
Б.А.Амирова,	д-р психол. наук (Казахстан);
А.Н.Джумагельдинов,	PhD (Франция);
В.И.Разумов,	д-р филос. наук (Россия);
Н.А.Головин,	д-р соц. наук (Россия);
Р.М.Зиязетдинов,	д-р ист. наук (Россия);
Б.Н.Кылышбаева,	д-р соц. наук (Казахстан);
А.К.Жолдубаева,	д-р филос. наук (Казахстан);
Ш.М.Мухтарова,	д-р пед. наук (Казахстан);
Кристиан-Раду Кереджи,	PhD (Румыния);
В.С.Агаджанян,	д-р соц. наук (США);
Р.М.Шукуров,	д-р ист. наук (Россия);
В.Г.Рыженко,	д-р ист. наук (Россия);
Ф.Н.Зиатдинова,	канд. пед. наук (Россия);
К.С.Алдажуманов,	канд. ист. наук (Казахстан);
Г.М.Смагулова,	канд. ист. наук (Казахстан);
С.Б.Стамбулов,	ответственный секретарь PhD (Казахстан)

Адрес редакции: 100028, Казахстан, г. Караганда, ул. Университетская, 28
Тел.: (7212) 77-03-69 (внутр. 1026); факс: (7212) 77-03-84.
E-mail: vestnick_kargu@ksu.kz. Сайт: vestnik.ksu.kz

Редакторы

И.Д.Рожнова, Ж.Т.Нурмуханова

Компьютерная верстка

Қ.Г.Қалел

Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия».
ISSN 2518-7236.

Собственник: РГП «Карагандинский государственный университет имени академика Е.А.Букетова».
Зарегистрирован Министерством культуры и информации Республики Казахстан. Регистрационное
свидетельство № 13105–Ж от 23.10.2012 г.

Подписано в печать 28.09.2017 г. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Объем 11,37 п.л. Тираж 300 экз.
Цена договорная. Заказ № 98.

Отпечатано в типографии издательства КарГУ им. Е.А.Букетова.
100012, г. Караганда, ул. Гоголя, 38, тел.: (7212) 51-38-20. E-mail: izd_kargu@mail.ru

© Карагандинский государственный университет, 2017

Main Editor

Academician of IHEAS, Doctor of Law

Ye.K.Kubeyev

Deputy main Editor **Kh.B.Omarov**, Corresponding member of NAS RK,
Doctor of techn. sci., Professor
Responsible secretary **G.Yu.Amanbayeva**, Doctor of phylol. sciences, Professor

Editorial board

B.I.Karipbaev,	Science editor Doctor of philosophical science (Kazakhstan);
B.E.Kolumbaev,	Doctor of philosophical science (Kazakhstan);
R.M.Zhumashev,	Doctor of historical science (Kazakhstan);
V.V.Kozina,	Doctor of historical science (Kazakhstan);
V.S.Baturin,	Doctor of philosophical science (Kazakhstan);
Z.G.Saktaganova,	Doctor of historical science (Kazakhstan);
Zh.S.Syzdykova,	Doctor of historical science (Russia);
B.A.Amirova,	Doctor of psychological science (Kazakhstan);
A.N.Dzhumageldinov,	PhD (France);
V.I.Razumov,	Doctor of philosophical science (Russia);
N.A.Golovin,	Doctor of social science (Russia);
R.M.Ziyazetdinov,	Doctor of historical science (Russia);
B.N.Kylyshbaeva,	Doctor of social science (Kazakhstan);
A.K.Zholdubaeva,	Doctor of philosophical science (Kazakhstan);
Sh.M.Mukhtarova,	Doctor of pedagogical science (Kazakhstan);
Christian-Radu Chereji,	PhD (Romania);
V.S.Aghajanian,	Doctor of social science (USA);
R.M.Shukurov,	Doctor of historical science (Russia);
V.G.Ryzhenko,	Doctor of historical science (Russia);
F.N.Ziatdinova,	Candidate of pedagogical science (Russia);
K.S.Aldazhumanov,	Candidate of historical science (Kazakhstan);
G.M.Smagulova,	Candidate of historical science (Kazakhstan);
S.B.Stambulov,	Secretary PhD (Kazakhstan)

Postal address: 28, University Str., 100028, Karaganda, Kazakhstan

Tel.: (7212) 77-03-69 (add. 1026); fax: (7212) 77-03-84.

E-mail: vestnick_kargu@ksu.kz. Web-site: vestnik.ksu.kz

Editors

I.D.Rozhnova, Zh.T.Nurmukhanova

Computer layout

K.G.Kalel

Bulletin of the Karaganda University. «History. Philosophy» series.

ISSN 2518-7236.

Proprietary: RSE «Academician Ye.A.Buketov Karaganda State University».

Registered by the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan. Registration certificate No. 13105–Zh from 23.10.2012.

Signed in print 28.09.2017. Format 60×84 1/8. Offset paper. Volume 11,37 p.sh. Circulation 300 copies. Price upon request. Order № 98.

Printed in the Ye.A.Buketov Karaganda State University Publishing house.

100012, Kazakhstan, Karaganda, Gogol Str., 38, Tel.: (7212) 51-38-20. E-mail: izd_kargu@mail.ru

МАЗМҰНЫ

ТАРИХ

<i>Абдрахманова Қ.Қ., Жұмабеков Ж.А.</i> Қазақстандағы түрік диаспорасының тарихы: өткені және бүгіні.....	8
<i>Бейсенбекова Н.А., Шотбакова Л.К., Стамбулов С.Б.</i> XX ғасырдың басындағы халықаралық жағдай және Алаш зиялылары	15
<i>Қасенов Е. Б., Сыздық Б.К.</i> XX ғасырдың басындағы Ресей империясындағы ұлт-азаттық қозғалыстарға Түркияның ықпалы жөнінде	19
<i>Гнедаш А.А., Резвушкина Т.А.</i> Ресей мен Қазақстандағы гендерлік теңдіктің ұлттық тетіктері: акторлар, деңгейлер, институционалды ресурстар	25
<i>Орынбекова Р.Ж., Өскембаев Қ.С.</i> 1916 жылғы бүкілхалықтық көтеріліс: тарихнамалық шолу	32
<i>Сактаганова З.Г., Сыздыкова Ж.С., Карсакова Г.Б.</i> Ақмола губерниясының тарихынан: 1920-шы жылдардың басындағы аштықтың себептері мен салдары	37
<i>Шотбакова Л.К., Бейсенбекова Н.А., Смағұлова Г.М., Попов Ю.Г.</i> Отандық өлкетанудың қалыптасу мен дамуының тарихынан.....	45
<i>Бабаев Э.А.</i> Христиан дінін қабылдаған ежелгі түрік тайпалары туралы.....	53

ФИЛОСОФИЯ

<i>Никовская Л.И., Батулин В.С.</i> Құқықтық қатынастардағы медиацияны қолданудың рөлі мен ерекшеліктері	59
<i>Жүсіпова Б.Ж.</i> Миф шығармашылығындағы өзгерістер	67
<i>Солощенко П.П., Дюсалинова Б.К., Караконисова С.Г.</i> Акмеологиялық зерттеулер шеңберіндегі уақыттың философиялық пайымдалуы	74

ПСИХОЛОГИЯНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

<i>Велиева В.И.</i> Жас ұрпақ өкілдеріндегі азаматтық өзіндік сананың қалыптасу ерекшеліктері....	80
<i>Жансерикова Д.А., Әбілдина С.Қ., Әмірова Б.Ә.</i> Балалардың мектепке бейімделуінде атананың ролі	85
АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР	90

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Абдрахманова К.К., Джумабеков Д.А.</i> История турецкой диаспоры в Казахстане: история и современность.....	8
<i>Бейсенбекова Н.А., Шотбакова Л.К., Стамбулов С.Б.</i> Международное положение в начале XX века и Алашская интеллигенция	15
<i>Касенов Е. Б., Сыздык Б.К.</i> О влиянии Турции на национально-освободительные движения в Российской империи в начале XX века	19
<i>Гнедаш А.А., Резвушкина Т.А.</i> Национальные механизмы гендерного равенства в России и Казахстане: акторы, уровни, институциональные ресурсы.....	25
<i>Орынбекова Р.Ж., Ускембаев К.С.</i> Всенародное восстание 1916 года: историографический обзор	32
<i>Сактаганова З.Г., Сыздыкова Ж.С., Карсакова Г.Б.</i> Из истории Акмолинской губернии: причины и последствия голода в начале 1920-х гг.	37
<i>Шотбакова Л.К., Бейсенбекова Н.А., Смагулова Г.М., Попов Ю.Г.</i> Из истории становления и развития отечественного краеведения.....	45
<i>Бабаев Э.А.</i> О древних тюркских племенах, принявших христианство.....	53

ФИЛОСОФИЯ

<i>Никовская Л.И., Батулин В.С.</i> Роль и особенности применения медиации в сфере правоотношений.....	59
<i>Жусупова Б. Ж.</i> Метаморфизм в мифотворчестве.....	67
<i>Солощенко П.П., Дюсалинова Б.К., Караконисова С.Г.</i> Философская интерпретация времени в контексте акмеологических исследований	74

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

<i>Велиева В.И.</i> Особенности становления гражданского самосознания у представителей молодого поколения	80
<i>Жансерикова Д.А., Абильдина С.К., Амирова Б.А.</i> Роль родителей в адаптации детей к школе.	85
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	90

CONTENTS

HISTORY

<i>Abdrakhmanova K.K., Dzhumabekov D.A.</i> History of the turkish diaspora in Kazakhstan: history and modernity.....	8
<i>Beisenbekova N.A., Shotbakova L.K., Stambulov S.B.</i> The international situation in the early XX th century and the Alash intelligentsia.....	15
<i>Kassenov E.B., Syzdyk B.K.</i> On the influence of Turkey on the national liberation movements in the Russian Empire in the early XX century.....	19
<i>Gnedash A.A., Rezvushkina T.A.</i> National mechanisms of gender equality in Russia and Kazakhstan: actors, levels, institutional resources.....	25
<i>Orynbekova R.J., Uskembaev K.S.</i> Popular uprising in 1916: a historical description.....	32
<i>Saktaganova Z.G., Sizdikova J.S., Karsakova G.B.</i> From the history of the Akmola province: causes and consequences of famine in the early 1920-ies yy.	37
<i>Shotbakova L.K., Beisenbekova N.A., Smagulova G.M., Popov J.G.</i> From the history of formation and development of local history studies	45
<i>Babayev E.A.</i> About the ancient Turkic tribes who adopted Christianity.....	53

PHILOSOPHY

<i>Nikovskaya L.I., Baturin V.S.</i> Role of mediation and its application features in the sphere of legal relations	59
<i>Zhusupova B.J.</i> Metamorphism in the myth-making.....	67
<i>Soloshchenko P.P., Dyussalinova B.K., Karakonissova S.G.</i> The philosophical interpretation of	74

ACTUAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY

<i>Veliyeva V.I.</i> Specific features of formation of civic self-consciousness of young generation	80
<i>Zhanserikova D.A., Abildina S.K., Amirova B.A.</i> Parental role in children's adaptation to school.....	85

INFORMATION ABOUT AUTHORS.....	90
--------------------------------	----

UDC 94.323 (574)

К.К. Abdrakhmanova, D.A. Dzhumabekov

*Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan
(E-mail: kimbat_abd@mail.ru, jambik80@gmail.com)*

History of the turkish diaspora in Kazakhstan: history and modernity

Kazakhstan is one of the most multi-ethnic countries in the world. In our country there are more than 100 ethnic groups, each of which has characteristic features of spiritual and material culture. It should be remembered that during the existence of the Soviet state, the term «diaspora» was practically not used and there were almost no scientific developments in this direction. Only after the collapse of the USSR the phenomenon of the diaspora began to attract the close attention of historians, ethnographers, politicians, representatives of various religious faiths. The article is devoted to the study of the history of the Turkish Diaspora in the Republic of Kazakhstan, the basic historical stages of its formation and development, as well as to the key aspects of national policy in Soviet and modern times. In addition, the historiographical analysis of the problem studied is conducted. The article discusses the activities of the Turkish national cultural center and the role of the Assembly of people of Kazakhstan.

Keywords: Turkish diaspora, disparage, history of Kazakhstan, history of the Turkish people, ethno-cultural associations.

The Republic of Kazakhstan is a polyethnic country, where peacefully coexist representatives of more than 130 nationalities. In this regard, such concepts as interethnic and interfaith tolerance and mutual respect are emphasized in all the strategic documents and the speeches of the Leader of the nation Nursultan Nazarbayev. Favorable ethnic and cultural linkages and relationships are key aspects in the life of our state [1; 15].

The national policy of the Soviet government, creation of a new people without history and the past, provoked violent ethnic processes in the twentieth century. Unfortunately, forced deportations, political repression, arbitrary of authorities, became a heavy heritage of many peoples.

The Turkish Diaspora is quite noticeable among the multinational population of Kazakhstan. According to the Agency for statistics, as of January 1, 2014 105 thousand Turks lived in the Republic of Kazakhstan (9 largest ethnic groups) [2; 34]. The study of this problem still has «white spots». Soviet historiography (until the collapse of the USSR) did not go beyond the rigid ideological framework in the evaluation of either political or social, economic or cultural history of the USSR. For a number of reasons, neither historians nor political and economic scientists, could not conduct full and objective study of these processes even after «perestroika».

Chinghiz Aitmatov was the first writer who began to speak and write of deported Turks in the late 1980-ies. In the early 1990-ies, this problem was mainly reported in the proceedings of various conferences. In particular, in 1992 New York hosted an international conference of Turkic peoples «The Present and Future of the Turkic Peoples», where the Chairman of the Turkish national cultural center «Turkia» T.A. Kurgaev read the report «About the Akhyska Turks: history and problems» [3; 15].

In 1994, in Almaty the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan held a conference on the theme: «The Akhyska Turks: history, present and future», dedicated to the 50th anniversary of the deportation of the people [3; 16].

In 1994 scientist N. F. Bugai and the publishing house «ROSS» published the collection of materials under the title «The Turks from Meskheta: a long way to rehabilitation» [4].

In 1998, under the auspices of the «Year of national unity and national history» and the 75th anniversary of the formation of the Turkish Republic, a conference was organized. Among the speakers were T.A. Kurdaev, Ambassador extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Turkey in Kazakhstan Kurtulush Tashkent, academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan ManashKozybayev, President of the Federation of the Turks of the CIS MaksutIzzat and others [3; 6].

In 2003 «Arys» public fund for the heritage of repressed intelligentsia of Kazakhstan published an encyclopedic reference book «Peoples of Kazakhstan» which contained the information about the history and culture of the 125 ethnic groups in the country. There are materials on the Turkish Diaspora, particularly history, demography, settlement area, life, customs, etc. [5].

A detailed study of this problem is the subject of the dissertation of Gabdullina A.Zh. on the theme «Socio-cultural development of the Turkish Diaspora in Kazakhstan (1944–2000.)», defended in Almaty in 2004 [6]. The author, using previously classified and unavailable archival materials, analyzes the socio-demographic characteristics, living conditions and economic activities of the Akhyska Turks, as well as makes a comparative view of socio-political and cultural life of the Ahyska Turks in Kazakhstan in Soviet and modern times.

The emergence of the Turkish Diaspora in Kazakhstan has its roots deep in the past. The first stage of the deportation of the Turks took place from 1937 to 1939, when the Azeris, Kurds, Armenians living in the border regions of the USSR were evicted to Kazakhstan [7; 307].

The second phase of deportation of the Turks was during the great Patriotic war. In 1944, July 31 the Resolution of the State defense Committee came out under a signature stamp «top secret», where the government of Kazakhstan was recommended to resettle 40 thousand people from Georgia in the Republic [8; 186-187].

In 1944, November 14 the leadership of the Union decided to evict the Turks and the Kurds. In accordance with the decree of the State Committee of defense of the USSR from the edge of the 5 regions of Georgia (Akhalsikhe, Akhalkalaki, Adigeni, Aspindza and Bogdanovka) hemshins, Turks, Kurds with a population of 91 095 people were deported and sent to special settlements in Kazakhstan and Central Asia [8; 189, 190].

6300 Turkish families (27833 people) were distributed to Kazakhstan [8; 195].

The reasons for the deportation of these peoples are different. The main reason was «in possibility support for the Turks of Turkey after its probable entry into the war with the USSR» [6; 38]. In the opinion of the researcher Yunusov A. the main reason was the desire of local authorities to get rid of the Muslims [9; 49].

The road to Kazakhstan was very painful and difficult: overcrowded carriages, the severe winter, hunger and disease.

In Kazakhstan the deported Turks were settled in the southern regions: South Kazakhstan, Alma-Ata, Kzyl-Orda, Dzhambul and Taldy-Kurgan regions [3; 28]. According to the general rules, the special settlers were obliged within three days to report to the commandant's office of the NKVD about all the changes in the family. Immediately upon arrival special lists were made, which contained information about persons arrived and their future place of work. Men and women of working age were sent to hard physical work. Difficult acclimatization and infectious diseases (malaria, typhoid, dysentery, etc.) were the principal causes of high mortality. Families died out entirely [3; 20].

Only after the death of Stalin the condition of many deported peoples changed. By the mid-1950-ies, a partial rehabilitation began. According to the legislative documents of the CPSU Central Committee on July 5, 1954 «About the withdrawal of certain restrictions in the legal status of special settlers» [10; 146] and on 29 June 1955 «On measures to strengthen mass-political work among the special settlers» [10; 241] there was a change in the socio-legal status of the deported. These documents caused a great political and labor enthusiasm among the special settlers. They began to participate more actively in political and economic life of groups. Due to these, the number of leader production among them increased, while the number of violations of labor discipline and rules of a socialist cohabitation decreased.

The decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 28 April 1956 «On lifting special settlement restrictions from the Crimean Tatars, Balkars, Turks-citizens of USSR, Kurds, hemshils and their families, evicted during the great Patriotic war», decided: «to remove from the register of the special settlements and release from under administrative supervision of the Ministry of internal Affairs of the USSR the

Crimean Tatars, Balkars, Turks-citizens of USSR, Kurds, hemshils and their families who were evicted to special settlement during the great Patriotic war. To establish that the removal of restrictions on special settlement from the persons listed in article one of this Decree shall not entail the return of property confiscated during the eviction, and that they do not have the right to return to places from where they were evicted» [3; 92, 93].

That is, according to this Decree, the rehabilitation was not accompanied by social rehabilitation, and was limited to the withdrawal of charges and dismissal of the case.

The decree of the Presidium of the Supreme Soviet on October 31, 1957 «On the rehabilitation of Azerbaijanis» expelled in 1944 from Georgia allowed to move to Azerbaijan permanently. So many special settlers from Georgia, in particular 24 034 Turk called themselves or were registered as Azerbaijanis. This allowed them to move to Azerbaijan as Azerbaijanis and to be closer to their homeland [9; 51].

After Kazakhstan gained its independence, President of the Republic of Kazakhstan N. A. Nazarbaev, addressing the Assembly of peoples of Kazakhstan, noticed that the problem of the return to Meskheta (a region of Georgia bordering Turkey) was raised by the Turks, who were displaced to Kazakhstan during the war. Later in his speech, the President said: «Fulfilling the request of the leaders of the Turkish community, I sent a letter to the Georgian leadership, in which proposed to consider the possibility of moving of several hundred Meskheta families to their historical homeland. Have to say the answer came quickly: Georgia agreed to accept immigrants, but not all, and only a few dozen families. When announced this reply to the Turkish community, they found it offensive. Thanking me for caring, the elders stated that they intend to continue to live and work in Kazakhstan» [1; 215].

An interesting aspect for us is the demographic characteristics of the Turkish Diaspora in Kazakhstan. It should be noted that the number of Akhyska Turks from 1939 to 2016 has increased significantly.

According to the materials of all-Union population census of 1939, 6093507 people lived in the Kazakh SSR, including the Kazakhs – 2313674, the Russians – 2993128, among other nationalities there were only 523 persons of Turkish nationality [11; 134].

The results of the Soviet census of 1959 in the Kazakh SSR showed that the population was 9309847 people, including the Kazakhs – 2794966, the Russians – 3974229 [12; 8] and the number of the Turks – increased to 9916 [12; 10].

Thus, according to the census of 1970, the number of the Turks was 18397 people, including urban population – 2573, rural – 15942 [13; 341]. In 1979, the total number of the Turkish population was already 25820 people, including urban population – 4982, rural – 20838 [14; 9].

The last all-Union census of 1989 showed that the total number of the Turks – 49567, among them urban population – 8942, rural population – 40622 [14; 11]. In 1999, the total population of the Turks amounted 75933 person, urban population – 17422, rural population – 58511 [15; 8].

That is, for 1999 compared with 1970 growth of the Turkish population was 57536 people. The surge was associated not only with fertility. The Preface of the first volume of the statistical collection «National composition of population of the Republic of Kazakhstan. The results of the population census of 1999 in the Republic of Kazakhstan» states that the results of the 1970 census, in accordance with the order then showed the number of present population, while the census of 1979 and subsequent ones showed the number of the permanent population. When conducting the 1999 census nationality was recorded according to the respondents' answers. The nationality of children was determined by their parents. This fact can explain that the number of the Turks in the last national census of 1999 increased substantially. In addition, statistics show that the majority of the Turkish population lived in rural areas.

The results of the national census of 2009 in the Republic of Kazakhstan showed that the number of the Turks reached 97000 [16; 7], while according to official data of Agency on statistics of the Republic of Kazakhstan their number reached 105000 in 2014. According to unofficial data, 180 – 200 thousand Turks live in the Republic today, many of them still cannot recover their nationality in the passports that were forcibly changed in Soviet times. For example, the memories of Mussadine Demetradze: «I was born in 1923 in the village Selo of Adygeysky region, Georgian SSR in a family of peasants. At that time we didn't have surnames. The name of the father was written instead. I am Mussadin Seifatogly, and my father is Seifat Shakirogly. In 1931, after the death of my parents my brother and I were sent to the district orphanage. They said our last name was Demetradze. I was surprised and tried to explain that my father's name was Seifat, but no one listened, and recorded Demetradze. And in 1937 we «received» our nationality. At that time we were not taught the Turkish language, and studied Azerbaijani. And soon we became Azerbaijanis by nationality, while the last name remained Georgian. And I am the Turk from Meskheta. My children are still

Demetradze and Azerbaijanis by nationality. The document can not be changed. But I was evicted as the Turk, nobody read my passport» [3; 58]. And there are a lot of such cases.

Thus, the dynamics of the population and area of settlement of the Turks from 1930-ies and to this day, has undergone major changes. As a result of national policy in the USSR, manifested in particular in the «closure» problem of the Turks, their numbers were deliberately underestimated.

In 1993 the law of the Republic of Kazakhstan «On rehabilitation of victims of political repressions» was adopted. This law was enacted to restore fairness to people, victims of mass political repressions and rehabilitation of all the victims of these repressions. According to article 3 of the Law all the special settlers were declared rehabilitated [17].

Today the Turkish Diaspora lives compactly on the territory of southern Kazakhstan. They live the community and it is their main core, which allowed them not to assimilate, but to preserve their ethnic and cultural identity.

In the 1990-ies, they had difficulties but, nevertheless, they quickly managed to navigate the rails of market economy. Practicing traditional forms of agriculture – viticulture, horticulture, vegetable growing, they opened farms. Some of them went into business, others into science and culture. The correspondent of the political magazine «Continent T» Alexey Ikonnikov noticed: «In everyday life and in any business community live concentrated and support each other. Family and human relations within the diaspora are of great value, though the Turks cannot be called closed in communication with representatives of other nationalities. It should be noted that the new generation of Akhyska Turks is already the indigenous Kazakhs. The values of Kazakhstan's multinational society are natural for them. And these people, of course, will have a good future in Kazakhstan [18; 30, 31].

In the late 1980-ies and early 1990-ies, there was a significant process of democratic transformation of the Soviet society. Normative documents, regulating creation and activity of public associations on grounds of ethnicity in democratic and legal basis were first adopted. In particular, on 14 April 1989 Decree «On the procedure of formation and activity of Amateur organizations of the public» was adopted in the Kazakh SSR [19]. This document contributed to the birth of the first national-cultural centers in Kazakhstan.

On 2 February 1991 the Cultural center of the Turks of the USSR «Turkia» was organised by the representatives of the Turkish Diaspora in Alma-Ata. By March 15, 1996 it was renamed «The Society of the Turks of Kazakhstan «Turkia». Its regional and district branches were opened in places of compact residence of the Turkish Diaspora in the following cities and towns: Shymkent, Merke, Taraz, Talgar, Kaskelen, Issyk, Lenger, Sairam, Turgen [20; 2].

The main objectives of the Society of the Turks of Kazakhstan «Turkia» are as follows:

- participation in the implementation of cultural-educational activity among persons of the Turkish nationality on the study of history, the preservation and development of language, culture, revival of the progressive national customs and traditions of the Turkish people;
- promote the opening of schools and classes with education of children in the Turkish language;
- training of national staff (teachers, critics, writers, journalists);
- promotion of Turkish professional musical theater and folk ensemble in the Republic of Kazakhstan [21].

The society of the Turks of Kazakhstan «Turkia» publishes the Republican Turkish newspaper «Ahyska» in the Kazakh, Turkish and Russian languages. The newspaper gives the information about the socio-cultural events, news, politics, sports, memories. The newspaper is distributed in all regions of Kazakhstan, densely populated by the Turkish Diaspora. The revival and preservation of culture in all its spheres through mass communication, expansion of information exchange with the Turkish Diaspora of other States is one of the objectives of the Society of the Turks of Kazakhstan «Turkia» [22; 3].

For solution of urgent problems in the field of culture, education and improving the socio-economic situation of the Diaspora 10 committees of the Society of the Turks of Kazakhstan «Turkia», the committee of elders, committee on language and culture, sports, education, women, youth, etc. were established

The main purpose of the Committee on language and culture is the revival and development of national traditions, culture, language and religion of the people. Informing society about their activities is conducted through cooperation and creating their own media of various kinds. The spread of material about the national-cultural centers of the Republic can contribute to the formation of national consciousness of people, including socio-cultural tolerance. The society of the Turks of Kazakhstan «Turkia» in the city of Almaty familiarizes the representatives of other nationalities and ethnic groups with the history, culture and art of the Turks through the media.

For years of existence of this centre a number of feature and documentary films were made. «Sweet spring» feature film tells the story of the Turkish people living in Kazakhstan. In 2002, the Kazakh central television organized the shooting of a documentary story about the life and culture of the Turkish Diaspora in Kazakhstan [23].

In general, it should be noticed that the idea of creating national centres as one of the types of public associations in Kazakhstan is aimed at restoration of everything lost during the negative national policy, the desire to revive the national and cultural values of the part of the people. These people have their own public education but, for many reasons, live on the territory of Kazakhstan.

The strategy of the Assembly of the people of Kazakhstan, created on the initiative of the President N. Nazarbayev in 1995, promotes the development and implementation of the state national policy and also aims to improve the activity of the Assembly as an institution of the state policy in the sphere of interethnic relations. Speaking at the XXII session, devoted to the 20th anniversary of the Assembly our President N. Nazarbayev said: «In our country, every ethnic group is an important and harmonious part of the Kazakhstan society. Its representatives are given all the opportunity to satisfy their spiritual needs, to preserve the identity, to realize themselves by participating in the construction of our Kazakhstani state» [24; 5].

Thus, the Akhyska Turks forcibly deported to Kazakhstan in the first half of the twentieth century, found a new Homeland here. Today Kazakhstan is home to numerous Turkish Diaspora actively seeking to study and preserve their ethnic culture, close contacts with the culture of the Kazakh people and the development of cultural and humanitarian ties of Kazakhstan and Turkey. The link in the Kazakh-Turkish relations is the Society of the Turks of Kazakhstan, whose activities are aimed at mutually beneficial assistance and support of the culture in favor of the ethnic groups. Reality shows that in a democratic society, national communities through various forms of public organizations and national-cultural associations may take independent decisions related to the continuity of culture, including the revival, preservation and use of their language.

The study of the traditions, achievements of the national culture, understanding of ethnic specificity in the sphere of folk art, customs and traditions, propaganda of this knowledge has a certain impact on the national consciousness of the peoples of Kazakhstan. It is the presence of its specific culture that makes a community of people a certain ethnic group and its diaspora is succeeded in mutual enrichment of the Republic's spiritual life and culture.

References

- 1 Назарбаев Н.А. В потоке истории / Н.А. Назарбаев. — Алматы: Атамұра, 1999. — 296 с.
- 2 Демографический ежегодник Казахстана: Стат. сб. — Астана, 2015. — 262 с.
- 3 Курдаев Т.А. Книга народной памяти / Т.А. Курдаев. — Алматы: Казахстан, 1996. — 104 с.
- 4 Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации // Сост. Н.Ф. Бугай. — М.: ТОО «Издательский дом «РОСС», 1994. — 162 с.
- 5 Народы Казахстана. Энциклопедический справочник. — Алматы: Арыс, 2003. — 352 с.
- 6 Габдуллина А.Ж. Социально-культурное развитие турецкой диаспоры в Казахстане (1944-2000 гг.): дис. ... канд. ист. наук / А.Ж. Габдуллина. — Алматы, 2004. — 157 с.
- 7 Анес Г. Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы / Г.Анес. — Алматы: Арыс, 1998. — 428 с.
- 8 Кульбаев Т.С. Депортация / Т.С. Кульбаев, А.Ю. Хегай. — Алматы: Данекер, 2000. — 274 с.
- 9 Юнусов А. Ахыскинские (месхетинские) турки: дважды депортированный народ / А. Юнусов // Восток. — 1999. — № 6. — С. 48–59.
- 10 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960 / В.Н. Земсков. — М.: Наука, 2003. — 306 с.
- 11 Население Казахстана по Всесоюзной переписи населения 1939 г. В 5 т. Т. I. — Алматы: Арыс, 2009. — 400 с.
- 12 Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Казахская ССР. — М.: Госиздат, 1962. — 202 с.
- 13 Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Казахская ССР. — М.: Госиздат, 1973. — 648 с.
- 14 Болдырев В.А. Итоги переписи населения в СССР. Всесоюзная перепись населения 1989 г. / В.А. Болдырев. — М.: Финансы и статистика, 1990. — 445 с.
- 15 Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 1. — Алматы, 2000. — 578 с.
- 16 Итоги национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан: Стат. сб. / под ред. А. Смаилова. — Астана, 2010. — 297 с.
- 17 Закон РК «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» // Ведомости Верховного Совета РК. — 1993. — № 10. — С. 93–104.
- 18 Иконников А. К вопросу о наших турках / А. Иконников // Континент. — 2002. — № 23. — С. 30–31.

- 19 Оғни Алатау. — 1989. — 18 апр.
 20 Нашему обществу – 10 лет // Ахыска. — 2001. — 27 февр.
 21 Ахыска. — 2002. — 30 сент.
 22 Касимов К. Возродить и сохранять – дело чести и достоинства каждого народа / К. Касимов // Ахыска. — 2000. — 27 дек.
 23 Показали самое лучшее // Ахыска. — 2002. — 20 января.
 24 Менің Қазақстаным. Қазақстандағы этномәдени бірлестіктердің қызметі туралы анықтамалық. — Астана, 2015. — 80 б.

Қ.Қ. Абдрахманова, Ж.А. Жұмабеков

Қазақстандағы түрік диаспорасының тарихы: өткені және бүгіні

Қазақстан әлемдегі көпұлтты мемлекеттердің бірі болып табылады. Елімізде 100-ден аса этнос өкілдері тұрады және олардың әрқайсының рухани және материалдық мәдениетінің ерекшеліктері бар. Сонымен қатар кеңес мемлекетінің өмір сүрген уақытында «диаспора» термині мүлдем қолданыста болмады және бұл бағытта ғылыми зерттеулер жүргізілген жоқ. Тек КСРО ыдыраған кейін диаспора феномені тарихшыларды, этнографтарды, саясаткерлерді, әртүрлі діни конфессия өкілдерін қызықтыра бастады. Мақалада Қазақстан Республикасындағы түрік диаспорасының тарихын зерттеу негізінде олардың қалыптасуының және дамуының негізгі кезеңдері, сондай-ақ кеңестік дәуірдегі және қазіргі уақыттағы ұлттық саясаттың маңызды мәселелері қарастырылған. Сонымен қатар зерттеліп отырған мәселенің тарихнамасының талдауы берілген. Авторлар түрік ұлттық-мәдени орталығының қызметі және Қазақстан халқы Ассамблеясының рөлін жан-жақты қарастырған.

Кілт сөздер: түрік диаспорасы, диаспоратану, Қазақстан тарихы, түрік халқының тарихы, этномәдени бірлестіктер.

К.К. Абдрахманова, Д.А. Джумабеков

История турецкой диаспоры в Казахстане: история и современность

Казахстан представляет собой одну из самых полиэтнических стран мира, в нашей стране проживает более 100 этносов, каждый из которых имеет характерные особенности духовной и материальной культуры. В статье подчеркивается, что во времена существования советского государства термин «диаспора» практически не использовался и научных разработок в данном направлении почти не велось. После распада СССР феномен диаспоры стал привлекать пристальное внимание историков, этнографов, политиков, представителей различных религиозных конфессий. На основе исследования истории турецкой диаспоры в Республике Казахстан в статье освещены основные исторические этапы ее формирования и развития, а также ключевые аспекты национальной политики в советское и современное время. Кроме того, проведен историографический анализ изучаемой проблемы. Рассмотрена деятельность Турецкого национально-культурного центра и роль Ассамблеи народа Казахстана.

Ключевые слова: турецкая диаспора, диаспорология, история Казахстана, история турецкого народа, этнокультурные объединения.

References

- 1 Nazarbaev, N.A. (1999). *V potoke istorii [In the flow of history]*. Almaty: Atamura [in Russian].
- 2 Demograficheskii ezhehodnik Kazakhstana. Statisticheskii sbornik. (2015). [Demographic yearbook of Kazakhstan. The statistical collection]. Astana [in Russian].
- 3 Kurdaev, T.A. (1996). *Knihа narodnoi pamiati [Book of folk memory]*. Almaty: Kazakhstan [in Russian].
- 4 Bugaj, N.F. (Eds.). (1994). *Turki iz Meskhetii: dolhii put k reabilitatsii [The Turks from Meskheti: a long journey to recovery]*. Moscow: TOO «Izdatelskii dom «ROSS» [in Russian].
- 5 Narody Kazakhstana. Enciklopedicheskii spravochnik (2003). [The Peoples of Kazakhstan. Encyclopedic reference]. Almaty: Argys [in Russian].
- 6 Gabdullina, A.Zh. (2004). Socialno-kulturnoe razvitie turetskoi diasporы v Kazakhstane (1944-2000 hh.) [Socio-cultural development of the Turkish Diaspora in Kazakhstan (1944-2000 years)]. *Candidate's thesis*. Almaty [in Russian].

- 7 Anes, G. (1998). *Deportirovannye v Kazakhstan narody: vremia i sudby* [Peoples deported to Kazakhstan: time and fate]. Almaty: Arys [in Russian].
- 8 Kul'baev, T.S., Hegaj, A.Yu. (2000). *Deportaciia* [Deportation]. Almaty: Daneker [in Russian].
- 9 Yunusov, A. (1999). Akhyskinskiie (meskhetinskiie) turki: dvazhdy deportirovannyi narod [Akhyska (Meskhetian) Turks: twice deported people]. *Vostok – East*, 6, 48–59 [in Russian].
- 10 Zemskov, V.N. *Spetsposelentsy v SSSR, 1930-1960* [The special settlers in the USSR, 1930-1960]. Moscow: Nauka [in Russian].
- 11 Naselenie Kazakhstana po Vsesoiuznoi perepisi naseleniia 1939 hoda. (2009). [The population of Kazakhstan on the all-Union census of 1939]. Almaty: Arys [in Russian].
- 12 Itohi Vsesoiuznoi perepisi naseleniia 1959 hoda (1962). [The results of the all-Union census of 1959. The Kazakh SSR]. Moscow: Hosizdat [in Russian].
- 13 Itogi Vsesoiuznoi perepisi naseleniia 1970 hoda. Kazakhskaya SSR (1973). [The results of the all-Union census of 1970. The Kazakh SSR]. Moscow: Hosizdat [in Russian].
- 14 Boldyrev, V.A. (1990). *Itohi perepisi naseleniia v SSSR. Vsesoiuznaia perepis naseleniia 1989 h.* [The results of the population census in the USSR. All-Union population census 1989]. Moscow: Finansy i statistika [in Russian].
- 15 Natsionalnyi sostav naseleniia Respubliki Kazakhstan. (2000). [National composition of the population of the Republic of Kazakhstan]. Almaty [in Russian].
- 16 Smailov, A. (Ed.). (2010). *Itohi natsionalnoi perepisi naseleniia 2009 hoda v Respublike Kazakhstan. Statisticheskii sbornik* [The results of the national census of 2009 in the Republic of Kazakhstan The results of the national census of 2009 in the Republic of Kazakhstan]. Astana [in Russian].
- 17 Zakon Respubliki Kazakhstan (1993) «O reabilitatsii zhertv massovykh politicheskikh repressii» [Law of the Republic of Kazakhstan «On rehabilitation of victims of mass political repressions»]. *Vedomosti Verkhovnoho Soveta RK – Sheets of the Supreme Council of the RK*, 10, 93–104 [in Russian].
- 18 Ikonnikov, A. (2002). K voprosu o nashikh turkkakh [To the question about our Turks]. *Kontinent – The continent*, 3, 30–33 [in Russian].
- 19 *Ohni Alatau* [Alatau fires]. 1989, 18 April [in Russian].
- 20 Nashemu obshchestvu – 10 let [10 years of our society]. *Akhyska – Ahiska*. 2001, 27 February [in Russian].
- 21 *Akhyska – Ahiska*. 2002, 30 September [in Russian].
- 22 Kasimov, K. Vozrozhdat i sokhraniat – delo chesti i dostoinstva kazhdoho naroda [To save and restore is a matter of honor and dignity of every nation]. *Akhyska – Ahiska*. 2000, 27 December [in Russian].
- 23 Pokazali samoe luchshee [Best showed]. *Akhyska – Ahiska*. 2002, 20 January [in Russian].
- 24 Menin Kazakstanym. Kazakstandahy etnomadenni birlestikterdin kyzmeti turaly anyktamalyk [My Kazakhstan. The reference book of practice of ethno-cultural associations of Kazakhstan]. (2015). Astana [in Kazakh].

Н.А. Бейсенбекова, Л.К. Шотбакова, С.Б. Стамбулов

*Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті, Қазақстан
(E-mail: serstam@mail.ru)*

XX ғасырдың басындағы халықаралық жағдай және Алаш зиялылары

Мақалада XX ғасырдың басындағы дүние жүзіндегі болып жатқан ірі оқиғалардың бірі соғыс мәселесіне «Қазақ» газетінің бетінде Алаш зиялыларының ірі қайраткері Әлихан Бөкейханның бірнеше мақалаларына талдау жасалып, мақаланың тарихи маңыздылығы көрсетілді. Сонымен қатар Әлихан Бөкейханның қазақ халқының саяси көзқарасына ықпал ететін әлемдік оқиғалардың тарихын баяндаудағы мақсаты Ұлы дала халқын осындай саясаттың түпкі мақсаты неге әкелетіндігін көрсетіп, өз халқының болашағын, яғни тәуелсіз ел болудың жолдарын, көрсеткендігі қарастырылды.

Кілт сөздер: қазақ зиялылары, халықаралық жағдай, Әлихан Бөкейхан, «Қазақ» газеті, Бірінші дүниежүзілік соғыс, халықаралық қатынастар.

XX ғ. басында Еуропа мен Азияда ірі саяси оқиғалар болып жатты. Ең үлкен мәселе Бірінші дүниежүзілік соғыс болды. Осы саяси күрестің шығу себептері мен стратегиялық мақсатын Азия мен Еуропаның ірі тарихи тұлғалары талқылап, өз елдерінің мақсат мүддесін қорғады. Бүкіл әлемде болып жатқан осындай ірі оқиғалар әсіресе жалпы халықтарға зиян келтіретін соғыс мәселесінен Ұлы даланың халқы да хабардар болсын деген оймен «Қазақ» газеті арқылы Әлихан Бөкейхан өз мақалаларында көп мағлұматтар берді. Солардың бірі XX ғасырдың басындағы Ресейдегі саяси жағдайлар, қарама-қайшылықтар Еуропа мемлекеттерінің арасында да болып жатқандығы туралы баяндалады. Бұл шын мәнісіндегі дүниежүзілік соғыс еді. Қолына қару алғандардың саны 73 млн жетіп: 47 млн Антанта үшін, 26 млн Үштік одақ үшін шайқасты. Антанта үшін 34 мемлекет соғысты. Бұл дүниежүзілік соғысқа айналып, 1,5 млрд адамды, яғни әлем халқының 70 пайызын, қамтиды [1; 204].

Бірінші дүниежүзілік соғыстың себебі еуропалық алып мемлекеттер, мүдделерінің қақтығысуы болды. Бірақ әрбір ірі державалардың билеуші топтары өз отарларын кеңейту мүмкіндіктерін мұқият ұстанды, сондықтан қақтығыстың ошағы Еуропа болды.

Тамыз айының аяғына қарай соғыстың аумағы ұлғая түсті. Жапония Германияға соғыс жариялады. Оның мақсатына Қиыр Шығыс пен Тынық мұхитында орналасқан Германияның отарларын басып алу кірді.

Қыркүйек айының басында Германияның стратегиялық, яғни, одақтастарды біртіндеп талқандау туралы жоспары айқындалды. Бұл ағылшын-француз-орыс келіссөздерінің барысын тездетті. Нәтижесінде 1914 ж. Германия және оның одақтастарымен оңаша бітімге келіспеу туралы Лондон декларациясына қол қойылды.

Австро-германдық блоктың жетекшілері Болгарияны Германия және Осман империясымен келісуге қолжеткізді. Ол үшін оған Сербияның, Грецияның, Румынияның, Түркияның біраз территориясын береміз деп уәде етті. Осылайша Төрттік Одақ, яғни құрамына Германия, Австро-Венгрия, Осман империясы және Болгария кірген әскери блок, пайда болды.

Германияның күштеуімен Осман империясы Антанта елдеріне қарсы соғысқа қатысты. Сондықтан Ресей Закавказьеде майдан құруға мәжбүр болды. Антанта жағында Осман империясына қарсы Египет соғысқа кірді.

1914 ж. қараша айында Лондондағы орыс елшісі өз үкіметіне британдық сыртқы істер министрі Э.Грейдің өтінішін тапсырды. Онда Германия талқандалған жағдайда Константинополь мен бұғаздардың тағдыры «Ресейдің қызығушылығына» қарай шешілу керек делінген. Ағылшындардың мұндай пікірін Франция қолдады. Нәтижесінде бұғаздарға байланысты құпия ағылшын-француз-орыс келіссөзіне қол қойылды. Онда Константинополь мен бұғаздарды Ресей империясының құрамына қосу керектігі қарастырылған.

Орыс үкіметінің пікірі бойынша, «болашақ әлемнің» жобасы мынадай болды: Германияның мызғымастығын талқандау; «ұлттық» принциптің негізінде территориялық өзгерістерге қолжеткізу; Ресейге Неманның төменгі ағысын және Шығыс Галлицияны; Польшаға Шығыс Познань, Силезия және Батыс Галлицияны қосу; Францияға Эльзас пен Лотарингияны және, оның қарастыруы

бойынша, пруссиялық Рейн провинциясының бір бөлігін қайтару; Бельгияның территориясын біршама ұлғайту; Данияға Шлезвиг-Гольштейнді қайтару; Ганновер Корольдығын қалпына келтіру; Австрия-Венгрияны Венгрияға, Австрияға және Чехияға бөлу; Сербияға Боснияны, Герцеговинаны, Далмацияны және Албанияның солтүстік бөлігін қосу; Англияға, Францияға, Жапонияға германдық отарларды беру; Германия мен Австро-Венгриядан контрибуция талап ету; бұғаздар Ресейге қарау керек, ал Константинополь ерікті қала болуы қажет. Осылайша Ресей өзінің басқыншылық мақсатын алға тартты, ал ол үшін одақтастардың оны қолдауы тиіс еді. Осындай шиеленіскен халықаралық жағдайлар Алаш зиялыларын қатты алаңдатты. Бұл мәселелерге кезінде М. Дулатов орыс-түрік соғысы жайлы, М. Жұмабаев түріктердің күресі үшін түрік бауырларына арнаған мақалалар мен өлеңдер жазған.

Алаш зиялыларының ұлы көсемі Әлихан Бөкейхан XX ғ. басындағы осындай Еуропадағы халықаралық жағдайға үнемі көңіл аударып отырған. Оның 1913 ж. «Қазақ» газетінің 23-ші санында жарық көрген «Керек сөз» деген мақаласында Болгария, Сербия, Греция арасындағы 1912 жылдың басында жасалған келісімшарт туралы айтылады. Бұл мемлекеттердің осылай бірігіп, қол ұстасып, тізе қосып, Одақ құрғанын басқа патшалықтарда қолдады деп жазады. «Жаңадан болған достар соғыс жабдығын әбден сайлап алып, көрші Түрік патшалығына жабылды», — дейді Әлихан Бөкейхан. Олар Македонияға, Албанияға автономия беруді сұрады. Әлихан Бөкейхан «Европа патшалары жұмысты закон бойынша қыламыз деп мақтанады. Законынан тысқары іс қылмайды-мыс. Көршінің жеріне әуес болса, бұл жерді тартып алмақ болса, өзі Европа патшаларының санатында болса, бетке бір жақсы перде ұстау керек емес пе?» [1; 204-206]. Яғни Әлихан Бөкейхан Европа мемлекетінің басқалардың жеріне басып кіруін сынайды. Одан әрі қарай Әлихан Бөкейхан осы мақаласында Сербияның, Грецияның түріктерге жасаған соғысының мақсатын: «Түріктер надан, қатыгез, сондықтан түрікті Европадан шығару керек», — деп айтады. Өздерінің түрік жерінде жүргізген озбырлығы туралы Болгария министрі Петку Тодорофтың хатынан үзінді келтіре отырып көрсетеді. Сонымен қатар Әлихан Бөкейханның «Балқан соғысы» деген мақаласында Балқан соғысының қалай басталғанын жалғастырып, түрік патшалығына 4 патшалықтың жабылған соғыс 1912 жылы 25 қыркүйекте болғандығын айта келе, 17 мамырда Биыл Лондонда бітім болғандығын жазады. Бұл соғыс Бірінші Балқан соғысы деп аталды дейді. Осы соғыстың барысында түрік патшалығының 164000 шаршы км жерден айырылғандығын жазады. Енді осы жерге 4 дос (Болгария, Сербия, Қаратау (*Черногория*. – Авт.) және Греция)) таласып, достың үшеуі бірігіп, енді Болгарияға жабылды. Бұл соғыс 16 маусымда Румыния астанасында бітімге келумен аяқталды. Бұны Екінші Балқан соғысы де атады. Екінші Балқан соғысына Румыния кірісті дей келе, Әлихан Бөкейхан Балқан соғысына қатысқан Түркия, Болгария, Румыния, Сербия патшалықтары туралы және адамдардың санын, ақшалардың шығынын көрсетеді. Екі Балқан соғысында да автор: қарапайым халықтың көп қырылғандығын, көп қаржылай шығынның кеткендігін айтты. XX ғ. басында Еуропада жерді қайта бөлісу үшін жүрген соғыстың нәтижесін осы екі Балқан соғысының мысалымен дәлелдей келе, ол былай дейді: «Европа патшалары біз мәдениетті елміз деп мақтанады». Ал, Әлихан Бөкейхан мақаласында Европаның мәдениеттілігі осы екі Балқан соғысынан көрінді деген пікірге келеді.

Әлихан Бөкейхан қазақ даласындағы өзгерістердің қалай жүріп жатқандығын ғана қарап, талдап қоймай, ол Еуропадағы жағдайды да талдап жазып отырған. Сондай мақаласының бірі «Тағы соғыс» деп аталады. Ол мақаласында Әлихан Бөкейхан былай дейді: «Қазақ газетасы біреу-ақ саясат ісі не керек, тіршілікке пайдалы, үлгілі сөз жазу керек емес пе дейтін оқушылар бар. Бұл шала жансар раста...» Европа саясат ісіне: «Қазақта орын бермей болмайды. Біздің қазақ құлағы Европа саясат ісінен тесік болмаса, біздің үйдегі іске жұрт сараңдық қылмақшы. Европа ұлық патшалықтары екі одақ: бір жағы біздің Россия, Англия, һәм Франция. Бұларға ыңғайлысы Румыния. Екінші жағы Германия, Италия, һәм Австрия. Бұларға ыңғайлысы Болгария» [2; 209].

Әлихан Бөкейхан бұл мақаласында Бірінші дүниежүзілік соғыстың шығу себептерін, соғысқа түрткі болған оқиғалар жайлы жазады. Бұл соғыста автор: «Жалпы жұртқа ешбір пайда жоқ, нағылар алысар. Ал шаруасын бұзып, қанын төгетін халық болар», — дейді. Яғни, Әлихан Бөкейхан бұл соғыстың империалистік сипатын көрсетіп отыр. Әлихан Бөкейхан бұл соғысты «Европа соғысы» дейді. Еуропада соғысты шын сүймейтін қызметші дейді. Бұларды саясат тілінде «социалист» я «социал-демократ» дейді. Әрі қарай Әлихан Бөкейхан социал-демократистер партиясы Франция, Германия, Австрияда бар дегенді айтады. Франция социалистері соғыс болса, оны тоқтату керек дейді. Германия социал-демократтарының «Фервиртс» атты газеті арқылы социал-демократтарының бұл соғысты қолдамайтынын «Қазақ» газеті арқылы жеткізіп отыр. Сонымен қатар осы мақаласында

Россияның соғысқа кіретінін айтады. Ал, Россия соғысқа кіретін болса, Германияда бұл соғысқа кіреді дейді. Егерде Германия соғысқа кірсе, қай Одақ жеңсе, Европа мен Азия жері қайтадан бөліске түсетінін жазады. Осы мақаласының соңында Европада осындай саясат жүріп жатыр, ал қазақ елі осындай саясаттан хабарсыз болмайтынын түсіндіреді.

XX ғ. басындағы халықаралық жағдайға байланысты Әлихан Бөкейхан Балқан соғысынан басқа да Бірінші дүниежүзілік соғыс туралы көптеген мақалаларын жазған. Сондай мақаласының бірі «Кекесін» деп аталады. Бұл мақалада Европа соғысы жалғыз әскердің соғысы болмай, тамам жұрттың соғысы болғандығын жазады. Европа мәдениеті дегеннің барлығы осы соғыста жоққа шығарылды. Германия 80 жыл бойғы Германия Бельгия жеріне кірмейді деген уағданы бұзады. Бұдан байқайтынымыз, Әлихан Бөкейхан Европада болып жатқан саясаттың, соғыстың негізгі мақсаты — жерді қайта бөлісу үшін екендігін дұрыс түсінген [3; 210].

Әлихан Бөкейхан халықаралық жағдайға үнемі көңіл бөліп отырған және оны төл халқына өзінің мақалаларын жариялау арқылы «Қазақ» газетінде беріп отырған.

1905 ж. жазында Қытайдың бірнеше буржуазияшыл-демократиялық және ұлтшыл ұйымдарының Сунь Ятсеннің басшылығымен бірігуі аса маңызды оқиға болды.

Сунь Ятсен «үш халықшылдық принципін» жариялайды:

1. «Ұлтшылдық» – жатжерлік маньчжур әулетін құлату.
2. «Халық билігі» – монархиялық құрылысты жойып, республика жариялау.
3. «Халықтың әл-ауқаты» – жерге құқықты теңгеру.

Осындай жағдайлар туралы Әлихан Бөкейхан жан-жақты біліп отырған. Қытайдағы саяси жағдайға байланысты монғолдар өздерінің болашағын анықтап алу жолындағы іс-әрекетке көшеді. Ол туралы Ә. Бөкейхан «Монғол халі» деген мақаласында «Балқан соғысынан соң газеталарда Монғол туралы жазыла бастады». 1911 жылы Қытайда маньчжурлер мен соғыс болғандығын айта келе, Қытайдан монғолдар бөлініп шығып, өз алдына патшалық құрғандығы туралы жазады. Сонымен қатар Монғолдың патшасы Кутухтаның Ресей патшасына елшілік жібергендігі, оны Петербургта қалай қабылданғандығы және Моңғолия мен Ресей арасында сауда келісімшарты жасалғандығы айтылады. Келесі «Монғол» деген мақаласында Қытайдан бөлініп шығып, Ресейден пана іздеп, сауда келісімшарт жасаған жағдайын жазады. Монғолдар былай дейді: Қытаймен арадағы жағдайды өзіміз шешеміз, бізге Ресейдің араласқанының қажеті жоқ деп кутухтаға сенімсіздік білдереді. Әлихан Бөкейхан Ресейдің Моңғолияның ішкі саясатына араласқандығын қара құсқа теңеп, мұның аяғы не болар екен дейді. Кезінде орыс-жапон соғысы кезінде Ресейдің Кореяға жасаған саясатын да айтып кетеді [4; 78-79]. Мақаласының соңында ол былай деді «осыларды көріп тұрып, Моңғолия жұрты бізге қарайма (*Ресейге*. – Авт.).

Жұрт жақсысы өз бауыры Қытайға ауған сияқты көрінеді дейді Әлихан Бөкейхан XX ғ. басындағы Европадағы, Азиядағы халықаралық жағдай туралы жақсы білген және ол жайлы «Қазақ» газеті арқылы қазақ оқырмандарына таратып отырған. Сондай мақалаларының бірі «Монғол Конституциясы» деп аталады, онда автор Моңғолиядағы орыс консулының көмегімен Конституцияның жасалуы туралы айта келіп, оның он екі тараудан тұратынын көрсете келе, монғолдар өз еркімен орыстардан да депутат болатындығын жазған. Осыны сынап келе, Әлихан Бөкейхан «Патшалық жұмысының бәрін зор монғол билесе, бұл зор монғол кәдімгі өзіміздің ояз ия крестьянский дәрежесінде болса, бұл монғол жұртының Конституциясы қайсы? Зор монғолдың патша болғаны қайсы? «Құдай қарғайын десе, ақылды алады» деген мақал кутухта (*үкімет басшысы*. – Авт.) еншісіне тиді, білемін». Яғни, Әлихан Бөкейханның пікірінше, Моңғолияның Конституциясы оларға еркіндік бере алмайды. Оның дәлелі 1914 ж. «Қазақ» газетінің 59-санында ол «Хутуқта хаты» атты мақаласын жариялады. Бұл мақаласында монғолдардың билеушісі — кутухта жапон патшасына хат жолдайды, оны Ресейдің «Речь» газеті басып шығарғандығын айта келе, монғолдар енді жапондықтардан өздерін Қытайдан қорғауды сұрағандығын жазады.

Сонымен қорыта келе, Әлихан Бөкейханның бұл мақалаларында монғолдардың жерін, елін қорғауы Жапонияның да Ресейдің де қолында емес, өздерінің ұлттық мүддесі екендігін көрсетіп, бәсекеге қабілетті болуға ұмтылмаған халыққа алып мемлекеттерінің арасында жеңіске жету жоқ деп ой қорытады.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Бөкейханов Ә. Таңдамалы / Ә. Бөкейханов. — Алматы: Қазақ энцикл., 1995. — 478 б.
- 2 Букейханов А.Н. Полное собрание сочинений / А.Н. Букейханов. — Т.3. — Астана: Сарыарка, 2009. — 405 б.
- 3 Субханбердина Ү. «Қазақ» газеті: Алаш азаматтарының рухына бағышталады / Ү. Субханбердина, С. Дәуітов. — Алматы: Қазақ энцикл., 1998. — 568 б.
- 4 Бейсенбекова Н.А. Әлихан Бөкейхан – ұлт мақтанышы / Н.А.Бейсенбекова, Г.М.Смагулова, Л.К.Шотбакова. — Қарағанды: Глаسير, 2016. — 196 б.

Н.А. Бейсенбекова, Л.К. Шотбакова, С.Б. Стамбулов

Международное положение в начале XX века и Алашская интеллигенция

В статье дан анализ публикаций Алихана Букейхана в газете «Казак», посвященных рассмотрению основных мировых событий начала XX в., в том числе Первой мировой войны. Подробно освещено изучение влияния на формирование политического сознания казахского народа событий, происходивших в мире в исследуемой период. На основе изучения трудов Алихана Букейхана сделан подробный всесторонний анализ путей и средств достижения независимости казахским народом и возможности использования мирового опыта. Показана значимость научного и духовного наследия Алихана Букейхана, который одним из первых среди казахской национальной интеллигенции начала XX в. писал о необходимости создания независимого казахского государства.

Ключевые слова: казахская интеллигенция, международное положение, Алихан Букейхан, газета «Казак», Первая мировая война, международные отношения.

N.A. Beisenbekova, L.K. Shotbakova, S.B. Stambulov

The international situation in the early XXth century and the Alash intelligentsia

In this article analyzed the publications of Alikhan Bukeikhan in the newspaper «Kazakh» devoted to the consideration of the main world events of the beginning of the 20th century, including the First World War. Also, the authors dwell in detail on the impact on the formation of the political consciousness of the Kazakh people of events occurring in the world during the period under investigation. Based on the study of Alikhan Bukeikhan's works, a detailed, comprehensive analysis of ways and means of achieving independence by the Kazakh people and the possibility of using world experience is given. The article shows the significance of the scientific and spiritual heritage of Alikhan Bukeikhan, one of the first among the Kazakh national intelligentsia of the early 20th century, who wrote about the need to create an independent Kazakh state.

Keywords: Kazakh intelligentsia, international position, Alikhan Bukeikhan, «Kazakh» newspaper, World War I, international relations.

References

- 1 Bukeikhanov, A. (1995). *Tandamaly [Selected works]*. Almaty: Kazakh encyclopedias [in Kazakh].
- 2 Bukeikhanov, A.N. (2009). *Polnoe sobranie sochinenii [Full composition of writings]*. (Vol. 3). Astana: Saryarka [in Russian].
- 3 Subkhanberdina, U. & Dauytov, S. (1998). «*Kazak*» hazeti: *Alash azamattarynyn rukhyna bahyshtalady [«Kazakh» of the newspaper: is dedicated to the spirit of the Alash intelligentsia]*. Almaty: Kazakh encyclopediasy [in Kazakh].
- 4 Beisenbekova, N.A., Smagulova, G.M. & Shotbakova, L.K. (2016). *Alikhan Bukeikhan – ult maktanyshy [Alikhan Bukeikhan – The Pride of the Nation]*. Karaganda: Glasir [in Kazakh].

E.B. Kassenov¹, B.K. Syzdyk²¹«Bolashak» academy, Kazakhstan;²Karaganda Economic University of Kazpotreboysuz, Kazakhstan
(E-mail: elaman_kasenov@mail.ru)

On the influence of Turkey on the national liberation movements in the Russian Empire in the early XX century

This article considers issues related to the role of Turkey in the development of the national liberation movements in the national outskirts of the Russian Empire on the basis of various sources. In particular, it draws attention to the development of the ideas of Pan-Turkism, Islamism, as well as others, including the national-democratic ideas of «Alash. The views and opinions of the representatives of the national intellectuals of that time regarding Turkey, Turkey's relations with the Turkic peoples subordinated to the Russian Empire are considered. For a number of reasons and circumstances, this problem has not been properly developed in historical science. While writing this work, along with other sources, the materials of the state archive of the Orenburg region of the Russian Federation were used.

Keywords: national liberation movement, Alash, independence, statehood, Turkish, Russians empire, scientific works, archival materials.

At the beginning of XX century in Kazakhstan, as in other colonial «outskirts of the Russian Empire» process of national liberation movements aimed at gaining political sovereignty was actively developing. The development of this process to a great extent was influenced by a number of factors. First, historical factor played the important role, where the spirit of national identity, supported by centuries of struggle against the military and colonial expansion of the Russian empire kept in historical memory of the people, generated new ideas and energies in the struggle for statehood. Second, an important source of development of the national movement was the cultural and scientific enlightenment, which subsequently politicized. In this sense, it should be noted that the national movement in this period did not develop spontaneously, but even had clear political goals. The movement was led by ideologues from among the representatives of national intelligentsia.

In general, problems connected with the national liberation wars and movements are ones of the important aspects in the national historiography. And today in the modern national historical science it has been accumulated a whole layer of scientific research of different periods of historiography devoted to this issue. Nevertheless, in view of the multifaceted relevance and insufficient illumination of various aspects of the issue, there are plenty of understudied aspects of this field. In this perspective, one of the interesting questions remains a problem of Turkey's influence on the development of the national liberation movement of the Turkic peoples who were at the beginning of XX century in the orbit of the tsarist empire statehood. This problem in historical science has not found the proper development due to a number of reasons and circumstances. First, it was connected with the fact that tsarist Russia for a long time was at war with Turkey. In this regard, the relevance of this problem is also conditioned by the fact that Russia's history is closely connected with the history of the Turkic peoples, and it marks an imprint on the modern inter-ethnic, inter-state ties between Russia and the Turkic peoples and states. Also, even today we without doubt accept and «consume» ideas based on the affinity of history, culture and geography.

But sometimes while considering these ideas, we miss or do not «notice» the fact that they were formatted, otherwise ordered by the political process. Today certain scientific communities talking about the fate of Eurasia within the Eurasian theory, develop in the society thoughts on such subjects as «Big Kazakhstan», revival of «pan-Turkism», formation of ideas of turanism and pan-turanism [see for example, 1]. Aspects of such addition determine the need of focusing on the affected subject. It is necessary to understand and realize what happened in the past, and what we need at this stage to strengthen our statehood.

Second, the problem of national liberation movements in the imperial period, and during the Soviet times was under special supervision, and was at odds with the official state «colonial» ideology. Accordingly, the issues related to national liberation movements and wars were also under an embargo.

This is due to the fact that the Russian Empire and later the Soviets were apprehensive about the collapse of the empire on ethno-territorial basis. Therefore, in order to avoid this kind of process, they used all

possible and impossible methods, in particular: policy of Russification, complex of measures extinguishing the historical memory of the people, repression of national intelligentsia and elite of the people, and so on.

We have to agree that the socialist system as a social phenomenon is an artificial system, and therefore force, violent methods and «costs» of inhuman attitude to the representatives of colonized peoples manifested. Such a situation in due time was represented by K. Popper, who proves the totalitarian essence of Soviet state. According to his point of view, large-scale repressions were immanently inherent in the nature of the Soviet state. In other words, only by carrying out mass repressions against its own people, the socialist state, in defiance of common sense, would be able to survive at least temporarily [2].

Obviously, this is one side of the «costs» of socialist system. But there is another side. It needs to say that no matter how the story developed, humanistic attitude to humankind is not a today phenomenon. Therefore, we should recognize and take into account established political «colonial ideology» of the empire, customized for the humanist idea «about Russia's role in civilization progress in Asia and the East» [see 3-6]. After the fall of the tsarist regime, this colonial ideology did not disappear, but in a different shape passed to the Bolsheviks, but the methods and mechanisms for the destruction of foreign ethno-political manifestation remained unchanged. Evidences of this vision are aplenty.

Speaking about the national movements, it should be noted that one of the important components, according to which people's all sorts of desire aimed at acquisition and restoration of independence is treated as a national liberation movement, is the presence of ideas and their carriers. For example, among the national movements of a number of Turkic peoples covered by the orbit of the Russian imperial state at the beginning of XX century, there were ideas which developed on the basis of such direction as pan-Islamism, pan-Turkism, and the idea of Kazakh consolidation around the idea of Alash.

The spread of Islamism, pan-Turkism and other ideas among all Turkic-Muslim peoples, including Kazakhs, was typical for that period. But the Kazakhs, unlike other Turkic peoples, in the future built the idea of unity of all Kazakhs under the idea of Alash, which later turned into a nationwide movement.

This explanation is motivated by the fact that the idea of Alash in the national liberation movement of Kazakhs at the beginning of XX century was the main vector in acquisition of independence. Therefore, we denote this point in advance, so as not to mislead readers.

It should be said that the national intelligentsia, which included Alikhan Bukeikhanov, although put certain hopes on Turkey in the development of the national movement, understood that Turkey itself was in close hostile environment of European Christian states and was trying to survive its own independence. And, accordingly, it has no time to help other fraternal peoples. At the same time Bukeikhanov A. openly stated his disapproval of the situation in the Balkans. In particular A. Bukeikhanov felt indignation at the fact that Russia was going to take part in the Balkan War, as he saw in the behavior of the Bulgarians, Serbs, Montenegrins and Greeks more infamy than the Turks [7; 49, 50]. In another article A. Bukeikhanov considered necessary the existence of Istanbul as bulwark of hope for defenseless peoples, and in case of passing Istanbul into possession of Russia, undoubtedly it would bring a lot of problems not only for themselves, but also the other Balkan peoples [8; 301, 302].

As regards to the development of pan-Islamism and pan-Turkism ideas it is necessary to find out the origins, or we may say, the foundation. And in that moment it was Turkey. First, Turkey led for a long time the war with Russia. From this position, Turkey was interested in crushing the Russian Empire from the inside, and in this respect the use of force of colonized Turkic peoples was no exception. In turn, the Turkic peoples had seen in Turkey a bulwark of hope and strongly supported the relationship with Turkey, from which side it was provided in a certain way. First of all, by the spread of different ideas. The idea of pan-Islamism rose across the Russification policy of tsarism, that is, Islam has not been used as a basis for cultural development, but was intended to become a counterweight against the tsarist policy of Russification. For example, one of the writers of that period Muhamet-Aga Shahtahinsky in 2296 issue of the «Russia» newspaper wrote about Dzhamalyatdin Afghansky and his opinion in the field of pan-Islamism: «Indian Muslims recognize the need of Turkey's existence in policy for saving Islam religion». By the way, the first founder of the idea of pan-Islamism sheik Dzhamalyatdin Afghansky was of a different opinion of pan-Islamism. Sheik Dzhamalyatdin didn't look at Turkey and its sultan like on the pillar of Islam, but vice versa, he did not like the Turks and did not attach any importance to the Sultan from a religious point of view. Direction of sheik Dzhamalyatdin Afghansky is short and clear. He said Muslims: «The Europeans took your country and sat down around your neck, meanwhile you are the same people as the Europeans, they oppress you in terms of policy and suck your blood in economical sense. To protect ourselves from such violence is a duty of self-love. Who endures that he is treated as a servant, he should consider himself disgraced. You must

take all measures to live like Europeans - freely and independently. You, Muslims, being in slavery at the Europeans, except the religious unity, still have in common that you endure insults from the Europeans, so you love each other and help each other. Let also people who are at the head help each other». Sheik Dzhambalyatdin spread among Muslims ideas of political freedom and national independence, but not the feeling of hostility to Christians and Europeans. He even admitted it necessary that Muslims had more ties with Christians in economic terms. According to him, Islam « is a religion that allows Muslims to have good relations with other nations» . In 1880 he visited Russia to conclude an alliance with it [9; 100, 101].

Considerable importance to the development of enlightenment, then the national liberation movement was brought by a development of the idea of unity of all Turkic peoples, known as the idea of «Pan-Turkism» . This idea was spread among the population of the Muslims of East of Russian empire by means of pan-turkists' efforts, as well as editions published on the territory of Turkey. Magazine « Turk-Yurdy» (World of Turks), which was being published in Constantinople, was recognized by the tsarist authorities as the most harmful in Muslim press. This magazine had numerous subscribers among Muslims of Russia and was retailed in bookstores. This magazine was being published by a famous Yusuf-bek Akchurin together with two pan-Turkists: Ahmet-bek Agaev and Gali-bek Husaynov [10; 228, 229].

On the issue of «Pan-Turkism» development in Russia it should be noted that the idea of «Pan-Turkism» was conducted very carefully and in fact initially was limited to the extent of scientific research on the etymology and origin of the Turkic peoples living in Empire colonial outskirts. The most characteristic articles, marked by the imprint of the ideas of «Pan-Turkism», were published in such newspapers of that period as «Vakyt» and in the magazine «Shura». So in one issue of the newspaper «Vakyt» dated from April 30, 1913 objecting to the article published in the 2271 issue of the newspaper «Russia», which stated that «among the Russian Muslims there is no other national communication except of the religious, which is proved by the fact e.g. Ossetians, Sart, Turkmens, Ingush, Circassians and the Kazan Tatars when meet each other do not understand the language. Except for the small tribes in the Caucasus, all Russian Muslims are pure Turks. This is a historical truth. Even the Russian scientists do not deny that the existing name for the Tatars – «Tatars» - there is nothing more than a historical mistake. As for their language, the language of all these tribes is Turkic, and a slight difference in the dialect of these peoples is explained by the fact that they live far from each other and therefore, have no communication. However, this does not prevent their unification».

The magazine «Shura» of 1912 in №2 and 3 published article entitled «We are Turks», in which the author writes that the steady habit to call Tatars – «Tatars» is «simply the result of scientific misunderstanding, maybe even malice». Further, the anonymous author says: «Let all who resents the fact that we are talking about Turkism and tatarism refer to the history of his people, then he will find the reason of our speech. Our peoples have forgotten their history and therefore, in case of any adversity or disaster, there is no mutual aid, because they do not know each other and are considered strangers. Therefore, to be able to live in the future our people must know each other, acquire a brotherhood, understand the literature and history» [10; 228, 229].

From the above reasoning it is clear that Turkey's ties and interests among the Turkic peoples of the Russian Empire had a firm foundation for development. Based on archival documents, number of visits of Turkish representatives of the Russian Empire, namely, the Tatars, Bashkirs and others were recorded. At the same time those persons who visited Turkey were controlled too. For example, the head of Search Bureau in the city Verny of Semirechensk region reported to the Head of the Orenburg Provincial Gendarmerie Department through the service letter, the text of which was as follows « According to information supplied by agents, teacher of Khusainov madrasah – Kamaletdinov, who lives in Orenburg, for some purpose went to Constantinople, and recently returned. By May Kamaletdinov will have been living in Orenburg, then he is going to travel to Kazan and teach in Sabah schools» [10; l. 92].

Also article attracts special attention in the newspaper «Vakyt» about the sojourn of Turkish Minister, Professor Mahmoud Esida - Efendi in Orenburg. This article was translated into Russian, and presented to representatives of the royal gendarmerie for analytical work. Based on archival documents, the development of national movements, their members had always been under the watchful eye of the gendarmerie and other military and colonial authorities. According to the information supplied by agents, during this visit questions were raised about the banks, money, religious reform, women's question and translation of the Quran.

Then Mahmud Effendi went to Nizhny Novgorod to participate in the VI Congress of the Muslims of Russia [11].

In the autumn of the same year, i.e. 1913, Mahmut Askhad came in Russia. According to information supplied by agents on that period he was registered as Sheik-ul-islam Mahmut Ashad, who headed the company «Tarakion –Islam», a protege of the Young Turks. The Central Committee of that society was situated in Istanbul. The duties of the founders of this company included enlistment of persons belonging to various charitable and educational societies of Muslims of the Russian Empire, and further transforming of these societies in branches and offices of «Tarakion – Islam».

Based on this, the main purpose of Ashad's arrival in Russia was establishment of society units. Also in reports of the gendarmerie a certain Abdurashid Ibragimov was mentioned, who went to Turkey several times to discuss the same issue. Then it was decided to put him in charge of the newspaper «Tyuryuk Yurdy», which is the press organ of «Tarakion –Islam» society, pursuing pan-Islamists goals. This newspaper was spread not only in Russia but also in other countries where Turkic peoples lived. According to archival sources, this newspaper had its readers in Kazakhstan too. For example, in then existing city Vernya certain Mullah Yusuf Gabdulvaliev subscribed and received this edition, which he gave to read to others, «to whom he treated with the special trust» [10; l. 92]. We know that many reading rooms of libraries on that period subscribed to the newspaper, but did not receive .

According to the gendarmerie, supporters of society «Tarakion–Islam» had planned edition of the newspaper «El» since 1914, under the leadership of Ishak Giazov in St. Petersburg. I. Giazov was a political collaborator of Mahmud Ashad, Ibragimov and Gasprinsky, and at the same time was one of the main leaders who distributed the following leaders in the regions: Gasprinsky - Caucasus, Transcaucasia and the Crimea; Galimdzhan Hazrat Galiev - Kazan with surrounding Muslim populated locality (lives in Kazan); Riza Kazy Fahretdinov - Orenburg; who was in Turkestan is unknown [10].

It should be noted that the activation and strengthening of Turkic movements of the peoples who were in the orbit of the Russian statehood was greatly influenced by events in the Balkans of 1912-1913. Service representatives of the tsarist regime associated involvement in the movement of new Turkish forces with the beginning of the war: «The Balkan war has not only alarmed the cultural Muslims of the world for the future fate of Islam, but also Kirghiz steppes and Turkestan» [11]. This is evidenced by preserved archival sources, where the imperial officials wrote that Kazakhs condemned Russia for helping the Slavs [10; l. 22]. As an addition there is an information in «Vakyt» newspapers issues № 1073 and 1074 and «Yulduz» issues № 906 of 1913 on the occasion of celebration of Kurban-ayt where it was reported the following: «The Orenburg Muslims didn't celebrate the holiday in consequence of defeat of Turks», and «The Orenburg Muslims didn't celebrate because of heavy time for Muslims» [10; l. 26].

Intense agitation activity and Russia's war in the Balkans affected the activation of the Turkic Muslims of Russia in the ethno-political sense, particularly in Turkish society pro-Turkish sentiments intensified. This can be seen even in the review published in Orenburg newspaper «Kazakh», where several publications of A. Bukeyhanov were dedicated to the events in the Balkans [7; 8].

Response to these circumstances was Circular of the Ministry of Internal Affairs, which officials called the «Circular of the Muslims», and Muslims named it «anti-Muslim Circular» [11]. The paper emphasized that the support of the Balkan Slavs by Russian Empire displeased the «Russian Muslims». Circular paid special attention to «the Kirghiz, the Volga and Crimean Tatars» who had shown the biggest displeasure, as (according to agents) some of them had stated that «in the event of a war with China, the Muslims decided to support financially and morally the Mongols». Circular recommended Turkestan and Steppe governors-general to keep in mind the «Union of the Kirghiz, which began with the separatist purposes». In this regard, we cannot exclude the influence of Turkic ideas on events that took place in 1916 in Kazakhstan, the cause of which was the decree on the mobilization of the Kazakhs to rear works.

Overthrow of tsarism by Bolsheviks set a number of difficult tasks to representatives of the national intelligentsia. If until 1917 representatives of the national intelligentsia identified the process of struggle for statehood of Kazakhs to a great extent with the development of the national movement of Turkic peoples, who belonged at that time to the orbit of the colonial ideology of empire, the February events had made serious adjustments in the minds of the national intelligentsia in terms of further development of Kazakh statehood. In light of these events, the process of politicization of the creative intelligentsia was accelerated, and second, it provided an opportunity to declare the idea of unity of the Kazakh people under ideas of Alash. Actually for that case the foundation was already laid. It shows the foresight of leaders of the national intelligentsia, who took the etymology «Alash» as a name of the party. It was a sacred concept for Kazakhs, and contained a historical memory of freedom and the spirit of statehood.

It is no coincidence that in the initial stage of the Soviet period contacts of national leaders with Turkey were raised and presented as a clear hostile activity against the revolution. Then the command-and-control

regime began cruelly cracking down with representatives of the national intelligentsia of the Turkic peoples, who were leaders and active participants of the national liberation movements. In their repressive affairs many of them were incriminated by relationship with the Turkish side [12]. In particular, they noted that the government of «Alash Orda» fought against the Soviet regime and established connections «with the existing Central Asia ... organizations» under the leadership of the Turkish General Enver Pasha, putting the task of overthrowing the Soviet regime and the establishment of unified «Muslim bourgeois state» [12; 64]. This kind of charges were brought against not only the representatives of the Kazakh intelligentsia, but also Azerbaijan, Tatar, Bashkir, Kirghiz, and others [13].

It is obvious that this publication raised not only the questions of historical plan, but also the present and the future of relations between Kazakhstan and Turkey, as well as other states of the Eurasian geopolitical space. To answer them, it is necessary to use consolidated efforts of many researchers of new generation, as they encompass the great events and not less great personalities who had difficult turns, which are not always clear for contemporaries and succeeding generations.

References

- 1 Гейдар Джамаль. Казахстан просто выступает за все то лучшее, что было в советском прошлом / Гейдар Джамаль. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: //www.azan.kz.
- 2 Поппер К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. — Т. 1, 2. — М.: Феникс, 1992.
- 3 Покорение Сибири. Исторические исследования Павла Небольсина. — СПб.: Типография «Глазунов и Комп», 1849. — 112 с.
- 4 Тресвятский В.А. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Степной край / В.А. Тресвятский. — Петроград, 1917. — Вып. 1. — С. 3–133.
- 5 Венюков. М.И. Поступательное движение России в Среднюю Азию / М.И. Венюков. — СПб.: Тип. Имп. АН, 1877. — 49 с.
- 6 Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии / М.А. Терентьев. — СПб., 1875. — 361 с.
- 7 Қыр баласы. Керек сөз // Қазақ. 1913 ж. — Алматы, 1998. — 560 б.
- 8 Бөкейханов А. Ыстамбұл һәм кылилар / А. Бөкейханов // Таңдамалы. — Алматы, 1995. — 301, 302 бб.
- 9 Шейх-Джамалатдин Афганский и идея панисламизма // «ВАКТ» от 30 мая 1913 г. № 1212. Особый отдел Департамента полиции. Н-ку Саратовского Г.Ж.У. // Дело 1913 года № 12. Т. 3-й Оренбургского губернского жандармского управления по мусульманскому движению. ГАОрО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 618. Л. 100, 101 и об ст.
- 10 Дело 1913 года № 12. Т. 3-й Оренбургского губернского жандармского управления по мусульманскому движению // ГАОрО. Ф. № 21. Опись № 2. Ед. хр. № 618.
- 11 Тюркизм в России в условиях Балканских войн (1912–1913 гг.). IV съезд мусульман России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.idmedina.ru.
- 12 Койгелдиев М.К. Сталинизм и репрессии в Казахстане в 1920-1940-х годах / М.К. Койгелдиев. — Алматы, 2009. — 447 с.
- 13 Ашнин Ф.Д. Репрессированная тюркология / Ф.Д.Ашнин, В.М.Алпатов, Д.М.Насилов. — М.: Восточная лит., 2002. — 294 с.

Е.Б. Қасенов, Б.К. Сыздық

XX ғасырдың басындағы Ресей империясындағы ұлт-азаттық қозғалыстарға Түркияның ықпалы жөнінде

Мақала XX ғасырдың алғашқы ширегіндегі Ресей империясының ұлттық қиырларындағы ұлт-азаттық қозғалыстарына Түркияның тигізген ықпалын зерделеуге арналған. Пантүркизм, панисламизм және басқа идеялардың, оның ішінде ұлттық-демократиялық «Алаш» идеясының дамуына назар аударылған. Сол кездегі ұлттық интеллигенцияның Түркия мемлекетіне қатысты көзқарастары мен пікірлері, Түркия мемлекетінің Ресей империясының қол астындағы түрік тектес халықтарымен байланысы, тағы басқа мәселелер зерттелген. Аталған мәселе түрлі себептер мен жағдайларға байланысты отандық тарих ғылымында тиісті деңгейде зерттелмей келеді. Мақаланы жазу барысында өзге де ғылыми еңбектермен қатар, РФ Орынбор облысының Мемлекеттік мұрағатының деректері пайдаланылды.

Кілт сөздер: Алаш, ұлт-азаттық қозғалыс, тәуелсіздік, мемлекеттілік, Түркия, Ресей империясы, ғылыми еңбектер, мұрағат деректері.

Е.Б. Касенов, Б.К. Сыздык

О влиянии Турции на национально-освободительные движения в Российской империи в начале XX века

В статье обращено внимание на развитие идей пантюркизма, панисламизма и других, в том числе национально-демократической идеи «Алаш». Рассмотрены взгляды и мнения представителей национальной интеллигенции того времени в отношении Турции, связи Турции с тюркскими народами, находившимися в подчинении Российской империи, и т. п. Отмечено, что в силу ряда причин и обстоятельств данная проблема до сегодняшнего дня не находит должной разработки в исторической науке. При написании данной работы наряду с другими источниками использованы материалы Государственного архива Оренбургской области РФ.

Ключевые слова: национально-освободительное движение, Алаш, независимость, государственность, Турция, Российская империя, научные труды, архивные материалы.

References

- 1 Heydar Jamal. Kazakhstan prosto vystupaet za vse to luchshee, chto bylo v sovetskom proshlom [Kazakhstan simply stands for all the best that was in the Soviet past]. *www.azan.kz*. Retrieved from *www.azan.kz* [in Russian].
- 2 Popper, K. (1992). *Otkrytoe obshchestvo i ego vrazi [Open society and its enemies]*. (Vol. 1, 2). Moscow: Feniks [in Russian].
- 3 *Pokorenie Sibiri. (1849). Istoricheskie issledovaniia Pavla Nebolsina [The Conquest of Siberia. Historical research of Pavel Nebolsin]*. Saint Petersburg: Tipografiia «Hlazunov i Komp» [in Russian].
- 4 Tresvyatsky, V.A. (1917). Materialy po zemelnomu voprosu v Aziatskoi Rossii. Stepnoi Krai [Materials on the land issue in Asian Russia. Steppe Edge]. *Petrograd, Issue. 1*, 3–133 [in Russian].
- 5 Veniukov, M.I. (1877). *Postupatelnoe dvizhenie Rossii v Srednei Azii [Progressive movement of Russia in Central Asia]*. Saint Petersburg: Tip. Imp. AN [in Russian].
- 6 Terentyev, M.A. (1875). *Rossii i Anhliia v Srednei Azii [Russia and England in Central Asia]*. Saint Petersburg [in Russian].
- 7 Kyr balasy. Kerek soz [Son of the steppes. The right word]. Kazak – Kazakh. 1913. (1998). Almaty [in Kazakh].
- 8 Bokeykhanov, A. (1995). Ystambul kham kylilary [Istanbul Wants]. Тандамалы – Custom. Almaty [in Kazakh].
- 9 Sheikh-Dzhamalyatdin of Afhhanistan and the idea of pan-islamism. VAKT from May 30, 1913 No. 1212. Special Department of the Police Department. N-ku Saratovsky G.Z.U. *Delo 1913 hoda № 12 [The case of 1913 No. 12]*. Vol. 3 of the Orenburg provincial gendarmerie department for the Muslim movement. GAOro, f. 21, op. 2, d. 618 L. 100-101 and about art. [in Russian].
- 10 *Delo 1913 hoda № 12 [The case of 1913 No. 12]*. Т. 3-и Orenburhskoho hubernskoho zhandarmskoho upravleniia po musulmanskomu dvizheniiu Vol. 3 of the Orenburg gendarmerie department for the Muslim movement. GAOro. Fund No. 21, inventory No. 2, Units. Hr. No. 618 [in Russian].
- 11 Tiurkizm v Rossii v usloviakh Balkanskikh voyn (1912–1913 hh.). IV siezd musulman Rossii [Turkism in Russia in the conditions of the Balkan wars (1912-1913). IV Congress of Muslims of Russia]. *www.idmedina.ru*. Retrieved from *www.idmedina.ru* [in Russian].
- 12 Koigeldiev, M.K. (2009). *Stalinizm i repressii v Kazakstane v 1920-1940-kh hodakh [Stalinism and repression in Kazakhstan in 1920-1940-ies]*. Almaty [in Russian].
- 13 Ashnin, F.D. Alpatov, V.M. & Nasilov, D.M. (2002). *Repressirovannaiia tiurkolohiia [Repressed Turkology]*. Moscow: Vostochnaia literatura [in Russian].

А.А. Гнедаш¹, Т.А. Резвущкина²

¹Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия;

²Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан
(E-mail: rezvushkina_178@mail.ru)

Национальные механизмы гендерного равенства в России и Казахстане: акторы, уровни, институциональные ресурсы

В статье раскрыты содержание и сущность национальных механизмов гендерного равенства, определены система и функции ключевых компонентов и акторов национальных механизмов гендерного равенства. Анализ национальных механизмов гендерного равенства в современных странах иллюстрируется кейсами России и Казахстана. Исследование показывает, что без наличия развитой сети институтов гражданского общества, заинтересованных в продвижении гендерного равенства, действие самих институциональных национальных механизмов носит всего лишь символический характер, что демонстрируют развивающиеся страны.

Ключевые слова: национальный механизм гендерного равенства, политика гендерного равенства, международный уровень, национальный уровень, современная Россия, современный Казахстан.

Обсуждение роли национальных механизмов впервые состоялось на Всемирной конференции по положению женщин, проходившей в 1975 г. в Мехико. Конференция рекомендовала всем правительствам создать механизм для улучшения положения женщин. С тех пор международное сообщество уделяло повышенное внимание роли и структуре национальных механизмов. Комиссия по положению женщин обсудила вопрос в качестве приоритетной темы на ее сессиях в 1988 и 1991 гг. В Пекинской платформе действий 1995 г. возник новый и дополнительный акцент на роли национальных механизмов в деле улучшения положения женщин: мандат в поддержку актуализации гендерной проблематики во всех правительственных стратегиях и программах [1].

В Пекинской платформе действий содержатся указания в отношении функций национальных механизмов, но мало говорится о структуре национальных механизмов, необходимых для достижения гендерного равенства. Как отмечают эксперты, национальные механизмы могут включать либо один, либо набор органов, участвующих в актуализации гендерной проблематики и функционирующих на различных уровнях (государственном, региональном, локальном). Несмотря на то, что большинство национальных механизмов находится на уровне правительства, некоторые страны не следуют этому образцу — национальные механизмы в них установлены за пределами правительственных структур. Органы вне правительства могут не иметь доступа к процессу принятия решений, но за пределами правительства можно получить большую автономию действий от государства и наладить более эффективные взаимодействия и связи с группами гражданского общества. Однако для эффективного учета гендерной проблематики (интеграция гендерной проблематики во все области политики на всех уровнях общества) национальные механизмы должны включать официально институционализированное подразделение в правительстве, которое несет общую ответственность за координацию, содействие, поддержку и мониторинг процесса гендерной интеграции во всех министерствах и ведомствах. Блок гендерной координации должен быть расположен на самом высоком правительственном уровне, подпадающем под ответственность президента, премьер-министра или кабинета министров. Это дает национальным механизмам политическую власть, необходимую для их мандата и координации процесса гендерной интеграции во все министерства. Помимо этого, национальный механизм должен иметь подразделения на уровне регионов и муниципалитетов, акиматов. Финансирование национального механизма должно осуществляться через национальный бюджет [2].

Мандат национального механизма должен включать: разработку гендерной политики; механизм координации реализации политики; мониторинг гендерной проблематики; обзор и анализ законодательных инициатив на предмет гендерного равенства и оценки гендерных эффектов; инициирование гендерных изменений в правовой системе государства; координацию и аудит реализации политики гендерного равенства.

Национальные механизмы должны выполнять следующие функции [2]:

- обеспечение надлежащей подготовки по гендерным вопросам государственного управления верхнего уровня;
- поощрение гендерного обучения на всех уровнях государственного управления;
- разработка методов и инструментов для учета гендерных факторов, оценка воздействия гендерных факторов, разработка руководящих принципов для подготовки по гендерным вопросам, а также по вопросам гендерного аудита во всех государственных мероприятиях;
- сбор и распространение лучших практик учета гендерной проблематики;
- координация разработки и регулярное обновление национальных планов действий по осуществлению Пекинской платформы действий и отчетности об их осуществлении парламентам и международным организациям;
- сотрудничество со средствами массовой информации в целях мобилизации общественного мнения по гендерным вопросам.

Национальные механизмы, помимо работы внутри государственных органов власти, должны быть встроены в систему социальных сетей и социальных отношений гражданского общества. Гражданское общество представляет собой мозаику из различных групп и структур: политические партии, религиозные организации, неправительственные и некоммерческие организации, профсоюзы, лоббистские группы (как социальные, так и бизнес-структуры), различные социальные сети и сетевые сообщества. Взаимная поддержка, коммуникации и совместные проекты структур гражданского общества и национального механизма только усиливают устойчивость национальных механизмов и способствуют реализации гендерного равенства в той или иной стране.

Наличие развитого феминистского движения является основным актором в продвижении гендерных вопросов в политическую повестку дня. Союз между органами власти и активистами феминистского движения, проникновение активистов в структуры партии и в органы власти, сращивание феминизма с политико-административным аппаратом и создание феномена «государственный феминизм» — все эти факторы, безусловно, имеют огромное значение для продвижения гендерного равенства. Согласно теории государственного феминизма наличие органа власти, работающего в направлении улучшения положения женщин, не является настолько существенным, как тот факт, что наличие активных феминистских групп создает условия для того, чтобы органы власти и управления, вероятнее всего, положительно реагировали на введение гендерных инструментов и включали компоненты гендерной политики в свою деятельность и в процесс принятия решений.

Национальный механизм гендерного равенства в Российской Федерации. В 2014 г. Министерство труда и социальной защиты РФ предоставило «Восьмой периодический доклад РФ о выполнении Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» [3] и в 2015 г. был предоставлен «Национальный обзор хода осуществления Пекинской декларации и Пекинской платформы действий» (по набору индикаторов «Пекин+20») [4].

По мнению государственных органов власти гендерное равенство достигнуто в РФ, гендерная повестка дня выполняется государственными органами в рамках существующих структур; сфера управления является «высоко феминизированной, женщины составляют более 70 % государственных служащих»; «в период 1999 – 2003 годов в составе Правительства РФ была одна женщина в должности заместителя Председателя Правительства РФ, в 2004-2006 годах в составе Правительства женщин не было, с 2007 г. в состав Правительства РФ входили две женщины: министр экономического развития и торговли и министр здравоохранения и социального развития, только одна женщина была губернатором»; «женское движение развивается, как и другие некоммерческие общественные организации, формируя горизонтальные связи и взаимодействуя с государственными структурами»; «гендерные подходы учтены при формировании демографической, семейной политики, политики занятости, безопасности, в деятельности политических партий и профсоюзных организаций».

По мнению российских неправительственных организаций [5] и российских экспертов, «в России существует высокая степень терпимости к нарушению равноправия мужчин и женщин», что является причиной непредставленности женщин в политике и управлении, нарушения трудовых прав женщин (особенно прав женщин, находящихся в отпуске по беременности и родам, по уходу за ребенком), сексуальных домогательств на рабочем месте, насилия в семье, торговли женщинами и девочками, негативной стереотипизации образа женщины в СМИ [6].

Фактически действие Национального механизма гендерного равенства закончилось в середине 2000-х гг., когда были ликвидированы институциональные структуры на уровне Правительства РФ, отвечающие за эту сферу, например, Комиссия по вопросам улучшения положения женщин (ликвидирована в 2004 г.). В настоящее время существует лишь Комитет ГД РФ по вопросам семьи, женщин и детей и Отдел по выработке государственной политики в сфере демографической политики и вопросов гендерного равенства в составе Департамента демографической политики и социальной защиты населения при Минтруде России. Деятельность данных структур, скорее, ориентирована на семью и детей в целом. Принятая «Концепция государственной семейной политики до 2025 года» (разработана в указанном Комитете) направлена только на «профилактику семейного неблагополучия, жестокого обращения в семье, детской безнадзорности и беспризорности» [7]. Законопроект «О предупреждении и профилактике семейно-бытового насилия» так и не был внесен в работу ГД РФ, законопроект «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в РФ» в январе 2012 г. был отклонен указанным Комитетом как «дублирующий действующие нормы права» и как «вызвавший угрозу семейным ценностям». Начиная с 2008 г. Комитет не продвинул ни одного закона в интересах именно женщин и в целях достижения гендерного равенства. Указанный отдел в структуре Минтруда РФ, скорее, ориентирован на разработку отчетных документов для мирового сообщества. Экспертные советы и координационные советы в структуре исполнительных органов нескольких субъектов РФ не обладают ни весомыми полномочиями, ни кадровыми, ни финансовыми ресурсами в продвижении гендерного равенства [8;42].

Продвижению женщин в политике мешает основной и главный фактор — «укоренившийся стереотип, что женщины не годятся в политики в силу своей природы». Наличие 70 % женщин среди государственных служащих отличается ярко выраженной гендерной иерархией: чем выше уровень власти, тем меньше женщин, что доказано большим количеством как научных работ, так и статистическими гендерными пирамидами [9;244].

Национальный механизм гендерного равенства в Казахстане

В 1995 г. по инициативе Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева был создан Совет по проблемам семьи, женщин и демографической политике. В 1998 г. он был преобразован в Национальную комиссию по делам семьи и женщин при Президенте Республики Казахстан. В 2006 г. эта же структура преобразована в Национальную комиссию по делам семьи и гендерной политики, и она стала выступать как консультативно-совещательный орган при Президенте Казахстана. Аналогичные структуры были созданы при акимах областей, городов и районов. Основной целью Комиссии стали выработка эффективных мер по улучшению положения женщин, детей и семей, а также защита интересов семей, обеспечение необходимых условий для участия женщин в политической, социальной, экономической и культурной жизни страны [10].

В 2005 г. Казахстан принял «Стратегию достижения гендерного равенства на 2006–2016 гг.» [11], в которой определил основные принципы, приоритеты и задачи. Основные принципы гендерной политики устанавливают гарантированные Конституцией Республики Казахстан равные права и свободы для женщин и мужчин. К задачам гендерной политики в Казахстане относятся: достижение сбалансированного участия женщин и мужчин во властных структурах; обеспечение равных возможностей для экономической независимости, развития бизнеса и продвижения по службе; создание условий для равного осуществления прав и обязанностей в семье; свобода от насилия. Концепция разработана на основе Конституции Республики Казахстан, Стратегии развития Казахстана до 2030 г., Национального плана действий по улучшению положения женщин в Республике Казахстан, Конвенции Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, рекомендаций ООН по ее выполнению в Казахстане, других ратифицированных международных договоров и соглашений.

4 декабря 2009 г. в Казахстане был принят Закон «О профилактике бытового насилия», в котором указаны принципы его функционирования:

- 1) законности;
- 2) гарантирования соблюдения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина;
- 3) недопустимости причинения человеку и гражданину физического и (или) психического страдания;
- 4) поддержки и сохранения семьи;
- 5) конфиденциальности;

6) индивидуального подхода к каждому человеку и гражданину, находящимся в трудной жизненной ситуации;

7) приоритета превентивных мер профилактики бытового насилия над репрессивными;

8) комплексности и системности [12].

8 декабря 2009 г. Президент Казахстана подписал Закон Республики Казахстан «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» № 223-IV [13]. В данном законе основными задачами указаны:

1) обеспечение равных прав и равных возможностей мужчин и женщин во всех сферах государственной и общественной жизни;

2) совершенствование и развитие законодательства Республики Казахстан;

3) разработка, принятие и реализация концепций, стратегических и программных документов, направленных на достижение гендерного равенства мужчин и женщин и устранение дискриминации по признакам пола;

4) воспитание и пропаганда среди населения страны культуры равноправия мужчин и женщин, недопущение дискриминации по признаку пола;

5) выполнение общепризнанных принципов и норм международного права и международных обязательств;

6) повышение уровня правовой и политической культуры общества для обеспечения равенства полов во всех сферах жизнедеятельности, включая политику, социально-трудовые и семейные отношения [12;3].

В то же время в 2015 г. казахстанские НПО представили Альтернативный доклад для CEDAW Комитета ООН, подготовленный женскими и феминистскими CEDAW инициативами Казахстана. В данном докладе указывается: «Большинство предлагаемых действий (*в Стратегию*) носит декларативный характер и не подтверждается реальными эффективными мерами. Запланированные мероприятия недостаточны для достижения поставленных целей и задач. В частности, не запланировано ни внедрение, ни разработка действенных механизмов и временных мер для увеличения представительства женщин на уровне принятия решений, недостаточны мероприятия по формированию партийных списков. Вопрос о квотах на предстоящие 10 лет предполагается всего лишь «изучить» [14; 3].

В Законе «О профилактике бытового насилия» только предусмотрена мера защиты — защитное предписание сроком на 10 дней, но отследить его исполнение сложно. Законодательство, касающееся бытового насилия, имеет тенденцию рассматривать только физическое насилие. Согласно п. 4 ст. 5 Закона «О профилактике бытового насилия» от 03.07.2013 г., стандарты оказания специальных социальных услуг, порядок их предоставления, права и обязанности лица (семьи), находящегося в трудной жизненной ситуации, определяются законодательством Республики Казахстан о специальных социальных услугах. В соответствии со ст. 6 Закона РК «О специальных социальных услугах» от 03.07.2013 г. лица, пострадавшие от бытового насилия, трудовой эксплуатации, сексуальной эксплуатации, не могут быть признаны как лица, находящиеся в трудной жизненной ситуации. Таким образом, лица, пострадавшие от бытового насилия, трудовой эксплуатации, сексуальной эксплуатации, не могут получить специальные социальные услуги от государства [14;6].

По официальным данным зарплата женщин в Казахстане в среднем составляет 60-64 % от зарплаты мужчины. А учитывая, что сегодня в Казахстане 30 % детей растут в неполных семьях и лишь 16 % разведенных мужей платят алименты, это означает крайне низкий уровень жизни матерей, самостоятельно воспитывающих детей [14;8].

Казахстанские эксперты отмечают: «По-прежнему актуальны стереотипные представления о роли женщин в обществе и патриархатный подход к гендерному равенству. В целом существует проблема слабой разработанности антидискриминационного законодательства и антидискриминационных механизмов защиты прав. Существует существенный разрыв между провозглашенным в Конституции Республики Казахстан принципом равноправия мужчин и женщин и его реализацией на практике. Недостаточный уровень гендерного образования и гендерных знаний среди населения часто является основной причиной, препятствующей реализации прав женщин и мужчин. В результате неинформированности о своих правах казахстанские граждане не обращаются в суды в случае гендерной дискриминации, а следовательно, и в международные органы контроля в области прав человека» [14; 9]. Таким образом, созданные институциональные структуры и принимаемые законодательные акты провозглашают изменения статуса женщин и их социальной роли

в казахстанском обществе. Возрастающее влияние дискурса «прав женщин» и гендерного равенства служит подтверждением европейского имиджа Казахстана как государства и его открытости принципам «глобального феминизма» Запада. В то же время эти принципы с трудом реализуются на практике и оказывают незначительное влияние на повседневность женщин и мужчин.

Критический анализ существующих структур национальных механизмов показал, что гендерные механизмы, безусловно, важны и эффективны для институционализации вопроса гендерного равенства в политике государства, но без наличия развитой сети институтов гражданского общества, заинтересованных в продвижении гендерного равенства, действие самих механизмов будет носить всего лишь символический характер.

Набор потенциальных ингредиентов, или «факторов», для успешного функционирования национального механизма гендерного равенства включает: правовое поле (наличие положений о гендерном равенстве в Конституции, наличие специальных законов гендерного равенства, наличие национальных Планов и/или Программ обеспечения гендерного равенства); институциональные условия (наличие высоких политико-административных структур в органах власти и управления, отвечающих за реализацию гендерного равенства, существование специализированной сети органов гендерного равенства на федеральном, региональном и местном уровнях); механизмы по продвижению женщин в структуры органов власти (квоты, позитивная дискриминация); развитая сеть феминистских организаций и открытые каналы для вхождения феминисток во власть; позитивное отношение к вопросам гендерного равенства со стороны структур гражданского общества; открытое признание в СМИ и в общественном мнении, что гендерные проблемы существуют и нужно принимать специальные меры по их решению.

Список литературы

- 1 Доклад Четвертой всемирной конференции по положению женщин, Пекин, 4-15 сентября 2015 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/pdf/Beijing%20full%20report%20R.pdf>.
- 2 Handbook on national machinery to promote gender equality and action plans, guidelines for establishing and implementing national machinery to promote equality, with examples of good practice. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www1.unece.org/Portals/ngm/CrossArticle/1/Documents/national_machinery.pdf.
- 3 Восьмой периодический доклад РФ о выполнении CEDAW / Министерство труда и социальной защиты РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gosmintrud.ru/docs/others/011>.
- 4 Национальный обзор хода осуществления Пекинской декларации и Пекинской платформы действий в 2015 году / Министерство труда и социальной защиты РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.unwomen.org/~media/headquarters/attachments/sections/csw/59/national_reviews/russian_federation_review_beijing20.ashx.
- 5 Теневой доклад «О выполнении CEDAW в Российской Федерации (2010-2014 гг.)» / Общероссийская Ассоциация женских общественных организаций «Консорциум женских неправительственных объединений». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: wcons.net/.../konsorcium-zhenskih-npo-napravil-tenevoj-doklad-v-komitet-po-likvid.
- 6 Сакевич В.И. Как Россия выполняет требования CEDAW, 2006. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/reprod02.php>.
- 7 Концепция государственной семейной политики до 2025 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.komitet2-6.km.duma.gov.ru/site.xp/050049124053056052.html>.
- 8 Права женщин и институты гендерного равенства в регионах России. — М.: МАКС Пресс, 2011. — С. 42.
- 9 Айвазова С.Г. Гендерные разрывы/гендерная асимметрия // Гражданское и политическое в российских общественных практиках / С.Г. Айвазова; под ред. С.В. Патрушева. — М.: РОССПЭН, 2013. — С. 243–259.
- 10 Официальный сайт Президента Республики Казахстан. Национальная комиссия по делам женщин и семейно-демографической политике. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.akorda.kz>.
- 11 Стратегия гендерного равенства в Республике Казахстан на 2006-2016 годы. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 29 ноября 2005 г. № 1677. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30035525.
- 12 Закон Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия». От 04.12.2009 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://online.zakon.kz>.
- 13 Закон Республики Казахстан «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» № 223-IV // Казахстанская правда. — 2009. — 15 дек. — № 294 (26038).
- 14 Альтернативный доклад для CEDAW Комитета ООН, подготовленный женскими и феминистскими CEDAW инициативами Казахстана. Алматы, 2014 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.akorda.kz>.

А.А. Гнедаш, Т.А. Резвушкина

Ресей мен Қазақстандағы гендерлік теңдіктің ұлттық тетіктері: акторлар, деңгейлер, институционалды ресурстар

Мақалада гендерлік теңдіктің ұлттық механизмдерінің мән-мағынасы, басты компоненттері мен жүйесі, сонымен қатар акторлар анықталды. Қазіргі қоғамдағы гендерлік теңдіктің ұлттық тетіктері Ресей мен Қазақстанның кейстер негізінде бейнеленіп, талданды. Зерттеудің қорытындылары бойынша, гендерлік теңдіктің жүзеге асырылуына азаматтық қоғам институттары атсалысуы тиіс, онсыз қалыптасқан институционалды ұлттық механизмдер тек символдық сипатқа ие болып, дамушы мемлекеттердің көрінісі ретінде анықталды.

Кілт сөздер: ұлттық гендерлік теңдік тетіктері, гендерлік теңдік саясаты, халықаралық деңгей, ұлттық деңгей, қазіргі заманғы орыс, заманауи Қазақстан.

A.A. Gnedash, T.A. Rezvushkina

National mechanisms of gender equality in Russia and Kazakhstan: actors, levels, institutional resources

In article the contents and essence of national mechanisms of gender equality reveals, the system and functions of key components and actors of national mechanisms of gender equality are defined. The analysis of national mechanisms of gender equality in the modern countries is illustrated by cases of Russia and Kazakhstan. Research shows that without existence of the developed network of the institutes of civil society interested in advance of gender equality, operation of institutional national mechanisms has only symbolical character that developing countries show.

Keywords: national mechanism of gender equality, politician of gender equality, international level, national level, modern Russia, modern Kazakhstan.

References

- 1 Doklad Chetvertoi vsemirnoi konferentsii po polozeniiu zhenshchin, Pekin, 4-15 sentiabria 2015 h. [Report of the Fourth World Conference on Women, Beijing, on September 4-15, 2015]. *www.un.org*. Retrieved from <http://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/pdf/Beijing%20full%20report%20R.pdf> [in Russian].
- 2 Handbook on national machinery to promote gender equality and action plans. guidelines for establishing and implementing national machinery to promote equality, with examples of good practice. *www1.uneca.org*. Retrieved from http://www1.uneca.org/Portals/ngm/CrossArticle/1/Documents/national_machinery.pdf.
- 3 Vosmoi periodicheski doklad RF o vypolnenii CEDAW [The eighth periodic report of the Russian Federation on performance of CEDAW]. Ministerstvo truda i sotsialnoi zashchity RF – Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation. *www.rosmintrud.ru*. Retrieved from <http://www.rosmintrud.ru/docs/others/011> [in Russian].
- 4 Natsionalnyi obzor khoda osushchestvleniia Pekinskoi deklaratsii i Pekinskoi platformi deystviy v 2015 hodu [The national review of the course of implementation of the Beijing declaration and the Beijing platform of actions in 2015]. Ministerstvo truda i sotsialnoi zashchity RF – the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation. *www.unwomen.org*. Retrieved from http://www.unwomen.org/~media/headquarters/attachments/sections/csw/59/national_reviews/russian_federation_review_beijing20.ashx [in Russian].
- 5 Tenevoi doklad «O vypolnenii CEDAW v Rossiiskoi Federatsii (2010-2014 hh.)» [The shadow report «About performance of CEDAW in the Russian Federation (2010-2014)»]. Obshcherossiiskaia Assotsiatsiia zhenskikh obshchestvennykh orhanizatsii «Konsortsiium zhenskikh nepravitelstvennykh ob iedeninii – The All-Russian Association of women's public organizations «Consortium of Female Non-governmental Associations». *wcons.net*. Retrieved from wcons.net/.../konsorcium-zhenskikh-npo-napravitel-tenevoj-doklad-v-komitet-po-likvid.. [in Russian].
- 6 Sakevich, V.I. (2006). Kak Rossiia vpolniaet trebovaniia CEDAW [As Russia fulfills requirements of CEDAW]. *demoscope.ru*. Retrieved from <http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/reprod02.php> [in Russian].
- 7 Kontseptsiiia hosudarstvennoi semeinoi politiki do 2025 hoda [The concept of the state family policy till 2025]. *www.komitet2-6.km.duma.gov.ru*. Retrieved from <http://www.komitet2-6.km.duma.gov.ru/site.xp/050049124053056052.html> [in Russian].
- 8 Prava zhenshchin i instituty hendernoho ravenstva v rehionakh Rossii [The rights of women and institutes of gender equality in regions of Russia]. (2011). Moscow: MAX Press [in Russian].
- 9 Ayvazova, S. (2013). Hendernyie razryvy/hendernaia assimetriia [Gender gaps/gender asymmetry]. *Hrazhdanskoe i politicheskoe v rossiiskikh obshchestvennykh praktikakh – Civil and political in the Russian public practitioners*, 243–259. S.V.Patrushev's (Ed.). Moscow: ROSSPEN [in Russian].

10 Ofitsialnyi sayt Prezidenta Respubliki Kazakhstan. Natsionalnaia komissiia po delam zhenshchin i semeino-demograficheskoi politike [Official site of the President of the Republic of Kazakhstan. National commission on affairs of women and family population policy]. *www.akorda.kz*. Retrieved from <http://www.akorda.kz> [in Russian].

11 Stratehiia hendernoho ravenstva v Respublike Kazakhstan na 2006-2016 hody. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 29 noiabria 2005 h. № 1677 [Strategy of gender equality in the Republic of Kazakhstan for 2006-2016. It is approved as the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan of November 29, 2005 No. 1677]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30035525 [in Russian].

12 Zakon Respubliki Kazakhstan ot 04.12.2009 h. «O profilaktike bytovoho nasiliia» [The law of the Republic of Kazakhstan Of 04.12.2009 «About prevention of domestic violence»]. *online.zakon.kz*. Retrieved from <http://online.zakon.kz> [in Russian].

13 Zakon Respubliki Kazakhstan № 223-IV «O hosudarstvennykh harantiiakh ravnykh prav i ravnykh vozmozhnostei muzhchin i zhenshchin» [The law of the Republic of Kazakhstan «About the state guarantees of the equal rights and equal opportunities of men and women» No. 223-IV]. (2009, 15 December). *Kazakhstanskaia pravda – Kazakhstan truth*, 294(26038) [in Russian].

14 Alternativnyi doklad dlia CEDAW Komiteta OON, podhotovlennyi zhenskimi i feministskimi CEDAW initsiativami Kazakhstana [The alternative report for CEDAW of UN Committee prepared by female and feminist CEDAW initiatives of Kazakhstan]. (2014). Almaty. *www.akorda.kz*. Retrieved from <http://www.akorda.kz> [in Russian].

R.J. Orynbekova, K.S. Uskembayev

*Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan
(E-mail: riza-janibekovna@mail.ru)*

Popular uprising in 1916: a historical description

The article uses descriptive methods of historical cognition on the basis of which the historical movement of 1916 is considered taking into account ethnic, tribal and national scale, an important role of the Kazakh intelligentsia in creating the newspaper «Kazakh». In describing the events of the popular uprising, two approaches are used: formational and civilizational. The process of the growth of the class struggle, the strike movement, in which political and economic factors played a large role, is described. The popular uprising of 1916 was a logical continuation of the national liberation movement of the nineteenth century. Supporters of the formative approach believe that the leading role in social development is played by historical patterns, objective laws, within which participants of events act. One of the main principles of the civilized approach is the recognition of the multidimensionality of socio-historical development. Kazakhstan in the beginning of XX century.

Keywords: a nation-wide uprising, Alash, national liberation movement, Kazakh intellectuals, historiography, class struggle.

The ruler's decree of 25th June «On the requisition of foreigners» from Central Asia, Kazakhstan and some parts of Siberia to join the areas of battlefields' triggered an immediate mass demonstrations in 1916 [1; 638]. According to the decree individuals under the age of 19 up to 43 who are dimmed fit for rear work and defense militia have been called.

In first two years of the war, the recognition of the need to involve men after heavy losses of Russia, resulted in induction of individuals from other areas to place defensive structures, operate military communication lines, carry military weapons and etc. So-called 'Outlander' decree for Kazakhstan and Central Asia regions more than 400 people had to be required, including, 240 thousand men from all regions inhabited by Kazakhs, and more than 87 thousand males from Semirechenskaya region [1; 638].

The uprising of Kazakh people in 1916 can be regarded as important milestone in the history and on the way to the national independence. This colonial policy of the outlander government and the uprising against the imperialist war in the vast region covering a large portion of the national scale to any historical movement. No one received national character should not doubt these days. After the defeat of the uprising after the outlander government was forced in the rear of the colonial administration Kazakhs call. They are 260 thousand people in the rear of the inevitability of stealing 10 thousand people left to work the region, industrial and military [2; 270].

This year it is 100th anniversary of uprising in 1916, one of the tragic pages in the history for Kazakh people. But our understanding of this keystone event has dramatically changed over the time.

Let's first analyze the views of representatives of the national elite of that period. The leaders of the Alash movement felt that their uprising would mark a turning point in national history. They wrote at the very beginning they were in opposition, as they strongly believed the resistance to the the armed forces would lead to mass riots. The further events showed the fear they had was quite reasonable.

Newspaper «Kazakh» where rallied the entire advanced Kazakh intelligentsia and their leader Alikhan Bukeikhan became a real voice calling about the threat of nationwide strikes which could turn into rivers of blood, a great number of innocent people would suffer all manner of pain and affliction, no place would exist where one might live in safety.

He advocated postponing the mobilization of national intelligence and reinforcing their collective consciousness. He supposed that they were not ready to revolt at that time. He asked Kazakh youth to obey the decree and join the areas of battlefields. He assumed if they won that battle, it would be easier to establish the autonomy later and rather beneficial to create its own military force. A.N. Bukeikhan, M.Dulatov assisted to young Kazakh men who joined the Russian army in the areas of battlefields close to Minsk and Kiev to adapt every part of their lives to the demands of military discipline and culture. They worked as interpreters, gave medical assistance, provide catering, and organized different cultural events. This proves again that Kazakh intellectuals spread the truth trough words and deeds.

The revolt of 1916 played a great role in A.N. Bukeikhan's life and his civil service in the rear as well. In 1926 A.N. Bukeikhan «without a fight no one can gain the independence, set free as man as woman from the slavery, and there are no places to live, no kids to nurture» once wrote about the uprising.

1916 was a remarkable year «the last year taught us a good lesson. It revealed us some secrets. If we keep treading water, who can guarantee that such events will not happen again?» M.Dulatov reflected. The Alash followers did not aim to gain any benefits and authority somehow. 10 years later in 1926 M.Dulatov published an article in «Kazakh workers» newspaper where he has noted: «We could not allow innocent people to be killed, therefore, we chose another way – to obey».

In his article he describes tough time for Kazakh intellectuals after the decree issued: «... the decree of June was like a clap of thunder in a clear sky. We felt it would not be easy for whole nation. We could easily imagine how Kazakh people would react on that decree» [3; 211].

A.N.Bukeikhan, M.Dulatov and A. Baytursunov, all of them supported the idea to given bellow «What troubles disobedience and obedience among the local people can cause»? There's absolutely no way to be certain that young Kazakh men will be back safe home, but can ensure peace in their land. To stage protest against the power will lead to destructive circumstances. The Russian government has a powerful weapon at handy as legislation. The legislation can change a human behavior.

Ten years later, the leaders Alikhan, Akhmet, Mirzhakyp recognized the uprising of 1916 as a revolution of national importance. Dedicated to 10th anniversary since that historic event A.N.Bukeikhan wrote in «Kazakh workers» newspaper it was a real revolt [4; 23]. In other words, we can notice a change of attitudes. Initially, the leaders of Alash party were against of the uprising and called people's attention with slogans «You will be killed», «You cannot resist to armed forces of Russian government». Even after admitting the revolt they could find strength to regard it as the revolt for the sake of territorial autonomy and national liberation.

In 1929, Butyrka prison, Moscow «You don't have any weapons how you are going to protect yourselves?» asked an investigator Pavlov A.Baytursunov. To his question he answered «Kazakh people could stage the revolt in 1916, they are brave enough to resist this time as well». He told that intentionally to call upon Bolsheviks to listen to the views of Kazakh people.

Mustafa Shokai wrote an article titled «the Bolsheviks' lies about the uprising of 1916», M.Shokai didn't apply the concept «national liberation» in reference to the revolt. He assumed it as national movement against the the colonial policy in king's ruling. There is no any features of national liberation struggle. Shokai tried to answer to a question «What is the most important aspect of the uprising of 1916?» The revolt is national movement, therefore it is wrong to suggest that there is some evidence of the class struggle [5; 56]. A professor T. Omarbekov «today we are still confused and fail to reveal a true picture. We wrongly started to apply «National liberation movement». In my opinion, we should get rid of this nation in regard to that revolt.

M. Shokai mentioned in his works «Once the legislative framework was in place, it began intensive resettlement of Russian peasants to the steppe, convinced they were the bearers of an advanced culture». The more government tried to protect interests of peasants the more they gained the profits from this kind of policy [6; 132]. Thus, the rebellion, first of all, had lasting and important consequences for colonial policy, directed at stripping colonial labour relations of their excessive violence.

T. Omarbekov has noted that the revolt has been examined well by Soviet Union scholars. Many documents were theoretically publicly available. However, there is no any evidence that there were Kazakh tribes that staged the revolt against Russian government. For example, there are no any facts about «Karkaraly uprising». After gaining independence a number of documents were published in one collection. But, they are segmented and many details omitted. In the milestones the period 1929-31 symbolizes the time of collectivization strikes.

Sanjar Asfendiyarov in 1935 published his book titled «Essays on the History of Kazakhstan». In his work he described the uprising of 1916 and «national liberation movement» and depicted as the tribal revolt as well. He mentions the uprising as revolution was directed to gain national liberation, national unity. We have to admit that historic fact. However, his belief that «Kazakh national revolutionary movement» and «The proletarian revolution in Russia» are closely related to each other must be regarded as distortion of historical facts.

T.Omarbekov has noted «This was nor national-liberation movement nor generic. The main driving force of the revolt were Kazakh tribes. Why did it have a fragmental character? Karkaraly uprising, Albanian uprising, Torgay uprising. They were subdivided into tribal alliances. There was no unity. Alash figures

knew it would not give national liberation. They understood they had mere chances to win in this revolution. The concept 'National liberation revolt' has been found by Soviet Union's historians which has no any historic proof [7; 89]. In this regard M. Koigeldiev «If we regard the uprising of 1916 as tribal revolt for the sake of national liberation», it would imply the rejection of the idea of considering the movement as national liberation that emerged in 1920s».

It is crucial to note that before the 1917 Bolshevik revolution the leaders of the Alash movement were hesitant to discuss the question of independent statehood, limiting themselves to the demands that Kazakh oblasts be given the right to a certain amount of local self-government and a greater role in the judicial process and military service, with account for local customs. The Alash program states that «all Kazakh lands are united as a consolidated whole, are sovereign and join the Russian Republic on federal grounds». The political state of affairs in the former empire at the end of 1917 was such that the leaders of the national liberation movement could quite openly discuss the question of state autonomy within the framework of the federation.

The national uprising can be pursued as a logical continuation in pursuing the independence and sovereignty over territory for the independence and territorial integrity of the natural continuation of the national liberation movement expression, as well as on the basis of ethnic, tribal, national scale should be treated as any historical movement, This approach is also at odds with historical reality.

If to consider the revolt in 1916 as a tribal phenomenon, how to regard the protests, in the year 1905, a new phase in the development of the Kazakh freedom movement started and it was elevated to a new stage. The political activities of Kazaks were limited to writing petitions to the Tsar and to the central authorities. Petitions were organized in almost every region of the Kazakh steppe, Ural, Karkaraly, and Jetisu. A petition written by the Kazaks of the Lepsi district of Jetisuv Oblast (province) included the signature of 1,000 Kazaks. Another petition sent from Ural and Torgay provinces was signed by 44 Kazaks. The most famous of all was the one written in the Qoyandil fair of the Qarqaral region that obtained the signatures of 14,500 Kazaks. It included eleven articles that covered the most pressing problems of Kazakh society. The petition asked the authorities to introduce new amendments, according to the particular needs of the Kazaks, into the regional administrative apparatus, judiciary system, and education. It also asked the Tsarist administration to grant Kazaks freedom of conscience, freedom of religion, freedom of the press and freedom to open printing houses, together with the replacement of the obsolescent Steppe Statute and the election of native officials to high executive organs. The most crucial matter for the Kazaks, the land problem, was not omitted in this famous Kazakh petition to the tsar. The petition writers reminded the authorities that Kazakh land, on which the blood of Kazakh ancestors had been spilt in its defense, had been forcefully seized from the natives

Adoption of the Karkaraly petition proclaimed the equality of ideas, independence and self – determination of Kazakh nation. The petition gave a powerful spur in the development of constitutional ideas and was the main legal document of future party Alash. The petition proclaimed the equality of nations, inviolability of private property of Kazakh lands and preservation of a national language. Today, it is known that descendants of Varnava Botov whose name is included in historical chronicle of our land live in our region [8; 92]. Alihan Bokeyhanov, Ahmet Baytursun were among the writers of the Karkaraly petition. The Tsarist colonial administration was aware of the activities of Kazakh intellectuals. Thus they began their retaliation with Alihan Bokeyhanov, on January 8, 1906. On his way to a meeting in Semey, he was imprisoned by the authorities. Bokeyhanov was going to Semey in 88 preparation for being elected as the Semey Representative to the First Russian State Duma, the parliament.

The President of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev, in his book «In the stream of history», has written: «History gives a lot but fails to give independence as a form of freedom. Independence – to be aware of human rights and be responsible for people as one of basic human features...» [9; 277].

During uprising the structure of the government, the armed forces, the control apparatus has been built. The scale of rebellion and consequences were the worst. In fact, at the end of XX century in 1916, the national and political independence of the Kazakh people is a milestone that took its place in the long history.

References

- 1 Қазақстан тарихы. (Көне заманнан бүгінге дейін): бес томдық. — 3-т. — Алматы: Атамұра, 2010. — 768 б.
- 2 Мұхамедов М.Б. Қазақстан тарихы: оқу құралы / М.Б.Мұхамедов, Б.Сырымбетұлы. — Алматы: Қарасай, 2009. — 344 б.

- 3 Дулатов М. Шығармалары / М. Дулатов. — Алматы: Жазушы, 1991. — 256 б.
- 4 [Электрондық ресурс]. — Қолжетімділік тәртібі: <http://turkystan.kz/suhbat/11270>. — 2016. — 19 шілде.
- 5 Шоқай М. 1916 жылғы көтеріліс туралы большевиктердің өтірігі. Таңдамалы / М. Шоқай. — Алматы: Қайнар, 1998. — 1-т. — 360 б.
- 6 Шоқай М. Таңдамалы / М. Шоқай. — I-т. — Алматы: Қайнар, 1999. — 260 б.
- 7 Омарбек Т. Тарих ешкімнің ықпалына түспеуі керек / Т. Омарбек // «Түркістан» газеті, № 27, 7 шілде, (проф. Талас Омарбектің журналист Жәнібек Ғалымға берген сұхбаты) [Электрондық ресурс]. — Қолжетімділік тәртібі: <http://turkystan.kz/suhbat/11270>. — 19 шілде. — 2016.
- 8 Рыскулов Т. Восстание казахов и киргизов в 1916 году / Т. Рыскулов. — М., 1927. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.inform.kz/kz/1916-zhylgy-koterilis-ulttyk-biregeylikin-korinisi_a2928746. — 2016. — 21 июля.
- 9 Назарбаев Н.Ә. Тарих толқынында / Н.Ә. Назарбаев. — Алматы: Атамұра, 2003. — 288 б.

Р.Ж. Орынбекова, Қ.С. Өскембаев

1916 жылғы бүкілхалықтық көтеріліс: тарихнамалық шолу

Мақалада тарихи танымның сипаттамалық әдістері қолданылды, олардың негізінде этникалық, тайпалық ұлттық масштабты ескерумен 1916 жылғы ұлт-азаттық қозғалыс қарастырылды. Сонымен қатар қазақ зиялыларының «Қазақ» газетін құрудағы маңызды рөлі көрсетілді. Ұлт-азаттық қозғалыс оқиғаларын сипаттауда формациялық және өркениеттік әдістер пайдаланылған. Саяси және экономикалық факторлар үлкен роль атқарған таптық күрестің өрбу үдерісі сипатталды. 1916 жылғы халықтық көтеріліс XIX ғасырдағы ұлт-азаттық көтерілістердің жалғасы болды. Формациялық әдісті жақтаушылар қоғам дамуында жетекші ролді тарихи заңдылықтар, объективті заңдар жетекші роль атқарады деп есептейді. XX ғасырдың басындағы Қазақстанның әлеуметтік-экономикалық дамуының жан-жақтылығын тану өркениеттік әдістің негізгі принциптері болып табылады.

Кілт сөздер: жалпыхалықтық көтеріліс, Алаш, ұлт-азаттық қозғалысы, қазақ зиялылары, тарихнама, таптық күрес.

Р.Ж. Орынбекова, Қ.С. Ускембаев

Всенародное восстание 1916 года: историографический обзор

В статье используются описательные методы исторического познания, на основе которых рассматривается историческое движение 1916 г. с учетом этнического, племенного и национального масштаба. Показана важная роль казахской интеллигенции в создании газеты «Казах». В описании событий народного восстания используются два подхода — формационный и цивилизационный. Описывается процесс нарастания классовой борьбы, стачечного движения, в которых большую роль играли политические и экономические факторы. Народное восстание 1916 г. было логическим продолжением национально-освободительного движения XIX в. Сторонники формационного подхода считают, что ведущую роль в общественном развитии играют исторические закономерности, объективные законы, в рамках которых и действуют участники событий. Одним из основных принципов цивилизационного подхода является признание многомерности социально-исторического развития Казахстана в начале XX в.

Ключевые слова: народное восстание, Алаш, национально-освободительное движение, казахская интеллигенция, историография, классовая борьба.

References

- 1 Kazakstan tarikhy. (Kone zamannan buhinhe deiin) [History of Kazakhstan. (From ancient times to the present)]. (2010). Vol. 3-5). Almaty: Atamura [in Kazakh].
- 2 Mohamedov, M.B. & Syrymbetuly, B. (2009). *Kazakstan tarikhy [History of Kazakhstan]*. Almaty: Karasai [in Kazakh].
- 3 Dulatov, M. (1991). *Shyharmalary [Works]*. Almaty: Zhazushy [in Kazakh].
- 4 *turkystan.kz*. Retrieved from <http://turkystan.kz/suhbat/11270>. (July 19, 2016). [in Kazakh].
- 5 Shokai, M. (1998). *1916 zhylyhy koterilis turaly bolshevikterdin otirih. Tandamaly [Lies about the rise of Bolsheviks in 1916. Custom]*. (Vol. 1, 218–219). Almaty: Kainar [in Kazakh].
- 6 Shokai, M. (1999). *Tandamaly [Custom]*. (Vol. I). Almaty: Kainar [in Kazakh].
- 7 Omarbek, T. Tarikh eshimin ықпалына түспеуі керек [History should not be influenced by anyone else's]. «Turkistan» hazeti, №27, 7 shilde, (professor Talas Omarbektin zhurnalist Zhanibek Halymha berhen sukhбаты) – «Turkistan» newspaper, № 27,

July 7 (Professor Talas Omarbektiñ journalist Z. interview scientists). (2016, 19 July). *turkystan.kz*. Retrieved from <http://turkystan.kz/suhbat/11270>. [in Kazakh].

8 Ryskulov, T. (1927). Vosstanie kazakhov i kirhizov v 1916 году [Revolt of the Kazakh and Kyrgyz in 191]. (2016, 21 July). *www.inform.kz*. Retrieved from http://www.inform.kz/kz/1916-zhylgy-koterilis-ulttyk-biregeyликтin-korinisi_a2928746 [in Russian].

9 Nazarbayev, N.A. (2003). *Tarikh tolkynynda [The flow of history]*. Almaty: Atamura [in Kazakh].

З.Г. Сактаганова¹, Ж.С. Сыздыкова², Г.Б. Карсакова³

¹Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан;

²Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

³Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, Казахстан
(E-mail: zauresh63@mail.ru)

Из истории Акмолинской губернии: причины и последствия голода в начале 1920-х гг.

В статье рассмотрены мероприятия политики «военного коммунизма», осуществлявшейся Советской властью, как основная причина разразившегося голода в Акмолинской губернии в 20-е годы XX в. Проанализированы практика реализации этой политики и, как ее итог, тяжелое продовольственное положение населения губернии. Источники свидетельствуют, что продовольственный кризис, непрерывное выкачивание хлеба и наплыв голодающих беженцев усугубили бедствующее положение населения губернии. На основе архивных данных приводится общее количество голодающих по уездам Акмолинской губернии. Сделан вывод, что несмотря на то, что голод в губернии проявился в больших масштабах, Советской властью Акмолинская губерния так и не была признана голодающей.

Ключевые слова: история Казахстана XX в., Акмолинская губерния, голод 1921 г., политика «военного коммунизма», продовольственная разверстка, продовольственный налог.

Голод не обусловлен лишь природными катастрофами или кризисами. Зачастую в СССР причиной голода становились особенности осуществляемой экономической политики. Именно такие процессы проявились в крае в первые годы Советской власти. Октябрьская революция 1917 г. и смена властных структур, произошедшая в Центре и на местах, первоначально не оказывали ощутимого влияния на традиционное хозяйство казахов. Первые советские аграрные законодательные акты (Декрет «О земле», провозглашавший национализацию земли, законы о социализации земли 1918 г. и др.) имели ярко выраженный классовый характер. Однако сфера действия этих законов ограничивалась земледельческими районами, поэтому их реализация не повлияла на традиционные формы хозяйствования в Казахстане. Ситуация изменилась, когда в стране вспыхнула гражданская война. Именно тогда возобладали тенденции, направленные на ликвидацию частной собственности, свертывание товарно-денежных отношений; была введена «продразверстка». Эти и другие экономические меры Советской власти вошли в историю под названием «военный коммунизм».

Термин «военный коммунизм», по мнению Е. Гимпельсон, «суммирует те черты, особенности экономической политики Советской власти в годы гражданской войны и интервенции, которые были навязаны условиями войны» [1; 58]. Для политики «военного коммунизма» были характерны национализация крупной, средней, а также части мелкой промышленности, организация распределения без учета законов товарного хозяйства, свертывание товарно-денежных отношений, применение чрезвычайных мобилизационных методов в решении хозяйственных задач [1; 59]. В сельском хозяйстве политика «военного коммунизма» проявилась во введении «продразверстки». Каждая область, уезд, волость, каждая крестьянская община должны были сдавать государству заранее установленное количество зерна и других продуктов, в зависимости от предполагаемого урожая (определяемого весьма приблизительно): кроме зерна, сдавались картофель, мед, яйцо, масло, мясо, масличные культуры и т.д. [2; 125]. Каждая крестьянская община отвечала за свои поставки, и только после выполнения всех обязательств власти выдавали квитанции, дающие право на приобретение промышленных товаров в количестве намного меньшем, чем требовалось. Ассортимент промышленных товаров ограничивался немногими товарами первой необходимости: сахар, соль, спички, изредка инструменты. Особенно ощущался недостаток сельскохозяйственного инвентаря.

11 января 1919 г. был издан декрет о продразверстке, распространявшийся не только на хлебопроизводящие, но и на потребляющие губернии. Отличительной особенностью этого декрета являлось изменение самого принципа определения «излишков». Отныне излишком считалось то количество продуктов, которое было необходимо государству, что создавало как бы законное основание для изъятия не только действительных излишков, но и необходимого для крестьян продовольствия. При определении размера разверстки государство исходило не из фактических излишков продовольствия у крестьян, а из потребностей в продовольствии армии и городского населения. При

реализации продразверстки у крестьян изымались не только имевшиеся «излишки», но и зерно, и продукты, необходимые для прокормления крестьянской семьи и грядущего посева.

Параллельно в регионах вводились различные ограничения, касающиеся сельского населения. 10 июля 1920 г. в Акмолинском уезде за № 1002 был издан циркуляр, адресованный всем волостным ревкомам и начальникам участковой милиции, который запрещал населению обменивать хлеб на соль. Издание этого приказа было санкционировано Упродкомом (Управлением продовольственного комитета), который выполнял такую функцию, как распределение продуктов среди населения. В тот же день был подписан и другой циркуляр, предписывающий всем волостным исполкомам ускорить разверстку хлеба [3; 20]. Подобные инструкции легитимировали ужесточение методов при проведении продразверстки и провоцировали применение незаконных репрессивных мер в отношении мирного населения. Например, в казахских аулах Акмолинского уезда красноармейцы часто проводили обыски, в ходе которых применяли методы устрашения и забирали необходимое для крестьян продовольствие. В архивах зафиксировано, что, например, продотряды, подъезжая к аулу, начинали стрельбу в воздух: в такой ситуации казахские крестьяне, уже испытавшие на себе воздействие карательных отрядов Колчака, «забываются по своим юртам и как статуи смиренно смотрят на все зрелища, творящиеся красноармейцами» [3; 31].

В целях увеличения сбора продовольствия в Акмолинской губернии были созданы части особого назначения. Их задачей было силовое сопровождение ответственных лиц по изъятию излишка хлеба у населения. Как отмечено в документе: «напрячь до крайности все силы и все представленные средства, бросить все партийные и советские вооруженные силы и во что бы то ни стало, ни перед чем не останавливаясь, выполнить сто процентов задание. Необходимо всеми силами принуждения заставить сдать хлеб государству. Не останавливаться перед массовыми реквизициями, конфискацией или отчуждением хлеба от злостных неплательщиков» [4; 7].

Данные по Петропавловскому уезду: «за 1920 год было отправлено в центральные промышленные районы страны 2 408 738 пудов хлеба» [5; 4]. Из четырех уездов Северного Казахстана хлебная развёрстка была полностью выполнена только в Атбасарском уезде [6; 4]. Так, например, в Атбасарском уезде «у населения забирался весь хлеб, им не оставалось ни одного пуда для дальнейшего пропитания» [3; 49]. В период с 20 августа по 4 сентября 1920 г. была значительно форсирована разверстка зерна, поэтому план продразверстки, составлявший по Акмолинскому уезду 700 тысяч пудов, был перевыполнен — 913 тысяч 143 пуда [3; 27]. В сводках фиксировалось: «у населения берется последний семенной хлеб, в некоторых волостях изъяты все семенные приготовления на 1921 год» [3; 18]. Председатель Совнаркома В.И. Ленин, подводя итоги разверстки, констатировал: «Мы научились применять разверстку, т. е. научились заставлять отдавать государству хлеб по твердым ценам, без эквивалента. Мы знаем, конечно, хорошо, что кредитный билет не есть эквивалент хлеба. Мы знаем, что крестьянин дает хлеб в ссуду» [7; 357].

Одним из видов продовольственных разверсток была мясная, по которой местное население обязано было сдавать живой скот специально организованным экспедициям при губернском продовольственном комиссариате. В 1920 г. были организованы 4 такие экспедиции. Для обеспечения мясной разверстки был наложен запрет на забой скота для частной продажи, поэтому, чтобы забить скот для внутреннего пользования, хозяин должен был получить разрешение от волостного исполкома, подписанный председателем. При отсутствии разрешительного документа весь скот конфисковывался, крестьянин привлекался к ответственности в ревтрибунале.

В общей сложности по Омской губернии была наложена мясная разверстка (при пересчете на крупный рогатый скот) в 3 515 583 головы, к 15 апреля 1921 г. из них было изъято 1 401 783 голов, или 39,08 % от запланированного [8]. По данным газеты «Советская Сибирь» в течение 1920 г. по разверстке у казахского населения Кокчетавского уезда было изъято около 39 тысяч крупного рогатого скота (КРС), 20 тысяч баранов, в Атбасарском районе — 34 тысячи КРС и более 50 тысяч баранов, в Акмолинском уезде — 18 600 КРС и более 95 тысяч баранов, в Пресногорьковской волости Петропавловского уезда — 20 тысяч КРС и 29 тысяч баранов [9].

Казахское население оказывало пассивное сопротивление продработникам, прибегая в основном к привычным для них откочевкам, как основной форме неприятия проводимой политики. Начальник одной из заготовительных экспедиций в Атбасарском уезде в своей телеграмме заместителю начальника Омского губпродкома Бродскому писал: «Скот собрать [с] киргизских волостей (Акмолинской области. *авт.*) не представляется возможным. Киргизы откочевывают на юг, к реке Чу. [Со] Средне-Аргынского района скот поступает слабо». Тот же начальник экспедиции в другой своей телеграмме

требовал: «Срочно выслать продотряд в Атбасар [из] 500 красноармейцев для постановки [на] границе [с] Тургаем заградотряды. [В] противном случае [за] реку Чу на 900 верст из Атбасара уйдут крестьяне, не выполнив причитающейся [с] них скотской повинности» [4; 8].

8 октября 1920 г. председатель Павлодарского уисполкома Дибров телеграфировал о готовности к отправке скота в Омск. Однако возникла другая проблема, о которой он докладывал: «Пастухи голы, босы, бросают гурты, убегают. Скоту угрожает гибель. Сельпродком послал бесчисленное количество телеграмм [на] отпуск полушубков, пимов. [В] первую отправку требуется 50 комплектов. Убедительно прошу приказать губпродкому немедленно выслать это количество. Этим спасем от гибели скот» [10; 34].

Кроме хлеба и мяса, местное население по разверстке должно было сдавать и другие виды продукции сельского хозяйства: картофель, коровье масло, молоко, яйцо, овощи, табак, шкуру животных, конский волос, рога и копыта животных, в общей сложности более 30 наименований. Например, по приказу № 77 Омского губпродкома от 3 сентября 1920 г. на уезды Омской губернии была наложена картофельная разверстка в объеме 6 миллионов 800 тысяч пудов, в том числе на Атбасарский уезд — 165 тысяч, Акмолинский — 320 тысяч, Кокчетавский — 780 тысяч, Петропавловский — 800 тысяч [11].

В ответ крестьяне пытались обходить законы о продразверстке, утаивали сельхозпродукты, отказывались принимать утратившие платежную способность деньги. Однако основная цель государства — получить с помощью продразверстки необходимое для страны продовольствие — все же достигалась. Вместе с тем такая политика резко обостряла кризис сельского хозяйства, так как крестьяне не были заинтересованы в расширении производства продукции, у них не было для этого материальных стимулов. Это приводило к сокращению ими посевных площадей до потребительской нормы на семью. Используя метод принудительного товарообмена, к концу сентября продорганы заготовили только по Акмолинской губернии 3,5 миллиона пудов хлеба. Казахстан и Сибирь еще оставались хлебным краем, тогда как в Поволжье и в других районах России, на Украине начался страшный голод от неурожая [12; 26].

Невыполнение плана заготовок грозило чрезвычайными мерами, власть мобилизовала все организации и учреждения для решения проблем заготовок сельхозпродуктов, обвиняя партийные органы в недостаточном напряжении сил и ресурсов. 25 октября губернское продовольственное совещание постановило: «Слабость поступления продналога обуславливается помимо непреодолимых затруднений — состояния погоды и полного бездорожья — недостаточным напряжением сил местных советских партийных организаций... Продналог должен быть выполнен ценою каких бы то ни было жертв со стороны укомов и советских организаций. Признать необходимым, при дальнейшем отсутствии массовой ссыпки хлеба, производство поголовной мобилизации на продфронт всего советского и партийного аппарата. Организовать военно-продовольственную дружину, предложив губпрофсовету первоначально в минимальном размере дать для этой цели сто пятьдесят человек из местных сил — членов профсоюзов» [13; 300].

Голод, охвативший многие районы Северного Казахстана, стал закономерным следствием политики «военного коммунизма». О первых признаках надвигающегося голода в Казахстане было известно руководству страны еще в конце 1920 г., например, В.И. Ленин писал в своих записках: «Хлеб собирали под метлу. Ничего не осталось. Скотоводам надо помочь. Хозяйство разрушено войной. Пропаганда нужна...» [14; 307]. Признаки начала бедствия казахстанскими руководителями характеризовались следующим образом: «Земледельческое население, как первый свидетель будущего урожая, убедившись, что благоприятных результатов от посева ждать не приходится, запасов хлеба или материальных ресурсов нет, стало быстро сниматься с постоянного места жительства, ликвидируя кое-как остатки хозяйств, и обращаться в паническое бегство. Появление такого рода беженцев в городах, скопление на железнодорожных станциях и беспорядочные перемещения значительных караванов переселенцев в разных направлениях по КССР были показателем, что неизбежное бедствие началось. Усилились эпидемические заболевания, увеличилась детская беспризорность, одновременно с признаками голода начала развиваться холерная эпидемия, вскоре дошедшая до угрожающих размеров» [15; 4].

В номере губернской газеты «Мир труда» от 11 июня 1922 г. Магжан Жумабаев писал: «С осени 1921 года наша Акмолинская губерния сделалась ареной смертного шествия немого царя (голода. — *Авт.*). С тех пор киргизы нашей губернии на почве голода переживают те же испытанья и страдания, каковым в течение двух лет подвергнуты их братья в «верхних губерниях» Киргизской Республики».

Эту картину голода М. Жумабаев видел в Петропавловском и Кокчетавском уездах. По результатам поездки в этих уездах он представил доклад, в котором писал: «16 июля выехал в голодные западные волости Кокчетавского уезда для ознакомления с положением на местах... Был в Чунгурчинской, Карачинской, Мезгильской и Айыртавской волостях. Положение населения в вышеуказанных волостях действительно было катастрофическое. 90 % населения питалось ягодами. Был очевидцем многих заболеваний на почве голода» [16; 4 об]. В секретном докладе Кокчетавского уездного комитета от 12 декабря 1921 г. сообщалось: «Из Кривоозерного райкома уже в официальной сводке поступило еще более острое сообщение, в котором говорится, что в связи с развивающимся голодом появляются банды, именующие себя «махновцами». Население настроено враждебно. Голодные женщины толпой собираются около волисполкома и требуют хлеба или угрожают захватить ссыпункты. Таких примеров много» [17; 100].

Однако никакие факты о надвигающемся «голоде» в Акмолинской губернии не могли противостоять необходимости выполнения сдачи продовольствия государству, согласно установленной центральной властью норме. Непрерывный поток выкачиваемого хлеба ставил под угрозу возможность нормального проведения весенней посевной. 16 ноября на заседании Акмолинского губисполкома председатель Губпродкома Патрикеев сообщал: «Губпродкому предъявлено дать по продналогу центру 2 000 000, и эта цифра вряд ли будет собрана. Затем нужно принять во внимание снабжение воинских частей и т.д., приблизительно 500 000 пудов, а потому ясно, что посевкампания потерпит крах» [18;9].

В результате усиленной работы в центр было вывезено более 2 миллиона пудов хлеба [19; 164]. Несмотря на декларирование нового экономического курса, методы его проведения оставались по-прежнему насильственными. Для сбора продналога продолжали использоваться воинские части и продотряды. Голод в Акмолинской губернии был замечен главным образом в Петропавловском и Кокчетавском уездах, а затем и в других районах Вогуналинском и Оргинском Атбасарского уезда [3; 50]. Как докладывал председатель Акмолинского губернского чрезвычайного комитета помощи голодающим Воронов, «большинство населения Кокшетауского уезда голодает» [20; 8].

Ко второй половине 1921 г., по сведениям Акмолинского губисполкома, на территории губернии контингент голодающих, как беженцев Поволжья, так и местных, составил 440 тысяч человек. Так, в Акмолинском уезде число таковых составляло 66,5 тысячи человек, в Атбасарском — 110 тысяч, Кокчетавском — 115 тысяч человек, Петропавловском уезде – 150 тысяч человек [21; 56]. Акмолинская губерния оказалась переполнена беженцами голодающего Поволжья, которые проникли в уезды Акмолинской губернии.

В Кокчетавском уезде свирепствовал страшный голод. Имеется достаточно сведений, что «население северной, северо-западной и западной сторон уезда в целом ряде волостей и селений питается суррогатами, состоящими из березовой коры, березовых почек, ивовой коры, лебеды, сена, глины, соломы, и проч. с примесью от четверти до одной восьмой хлеба на фунт суррогату. Скот забивался для питания, как гужевой, так и рабочий... Достаточно случаев на почве голодовки всевозможных краж скота, хлеба из амбаров и мельниц, а также убийств граждан, везущих хлеб, с целью воспользоваться им». Документальные источники констатируют: «В настоящее время беднота питается разной сорной травой с примесью одной десятой части пшеницы, толкут их и мелят кость для потребления, съедаются скотские кожи и всё то, что имеет хотя бы одну сотую часть питательности» [4; 86]. «Население питается исключительно травой, последствием чего является опухание, переходящее в голодную смерть, случаев которой зарегистрировано немало» [4; 34].

Оперативные сводки ВЧК (Всероссийской Чрезвычайной Комиссии) констатировали: «Голод, связанный с продовольственным кризисом, определяет положение всех слоёв населения, исключая кулаков и спекулянтов. Большинство питается травой и падалью...» [22; 160]. Непосредственное воздействие суррогатов на человеческий организм было различным. Как утверждают исследователи, питание глиной вызывало непроходимость кишечника, особенно опасные — вплоть до смертельного исхода — в пожилом возрасте. Картофельная ботва вызывала понос, костяная мука из свежих костей также имела опасные последствия для человеческого организма [23; 315]. По официальным данным, в одном только Атбасарском уезде численность голодающих достигла 25 тысяч человек, в Карсакпае голодало около 40 % населения [23; 14].

Большие масштабы голод приобрел в Акмолинском уезде, имевшем репутацию самого плодородного уезда в Акмолинской губернии. Политика «военного коммунизма», неурожай и джунглы начала

1920-х гг. в немалой степени способствовали появлению в уезде «призрака» голода Поволжья [23; 69].

Архивные источники сообщают о трагедии: «в губкомиссию ежедневно поступает масса ходатайств отдельных волостей и поселков с категорическим требованием оказания помощи. Большинство ходатайств поступает из Петропавловского и Кокчетавского уездов, где население уже питается разными суррогатами и падалью. Необходимо принять экстренные меры к ослаблению голода» [20; 110]. Положение в Акмолинской губернии группа делегатов Атбасарского и Кокчетавского уездов обозначила в заявлении в Компоследгол от 3 октября 1922 г.: «Положение в указанных уездах (Атбасарский и Кокчетавский), как в настоящее время, так и с прошлой зимы, ухудшилось. В уездах засуха и неурожай, в Акмолинской губернии в связи с этим постигший голод со всеми вытекающими из него последствиями... Население до настоящего урожая питалось корками деревьев, падалью и разными суррогатами. Хозяева, имевшие 10-15 голов скота, остались без ничего, весь скот употреблен для пропитания. Более или менее зажиточные сократили свои хозяйства на 50 %, за неимением хлебопродуктов. Такое положение сложилось в Атбасарском уезде в районах Приишимском, Средне-Аргинском, Баганалинском, Красивом, Кокчетавском уезде в районах: Кривоозерном, Константиновском, Балкашинском, части Щучьевского, и в Аксаринской, Кояндинской и Карачинской волостях. Все эти указанные районы, за исключением русских, исключительно занимались скотоводством и поэтому хлебных запасов не имели, а приобрести таковые было негде. Киргизские районы в посевной кампании семенными материалами не удовлетворялись. Были только частичные выдачи — 10 % всего требования. Большинство населения семенные материалы употребляло как продукт питания. Русские районы (самые беднейшие и пролетарские — которые имели маленькое хозяйство) при объявлении продналоговой кампании выплатили 100 % продналога. Делегаты просят: 1) Из КирЦИКа создать комиссию, чтобы рассмотреть вопросы о положении населения и выдаче хлеба и скота из фонда продналогов. 2) Отнести указанные уезды к разряду голодающих и по этой норме отложить продналоги на хлеб и на скот. 3) Предложить Наркомзему принять ударные меры по снабжению киргизского населения земледельческими орудиями и семенными материалами на предстоящую посевную кампанию 1923 г.» [3; 3].

Самым страшным явлением голода 1921–1923 гг. были факты о людоедстве среди местного населения. В связи с этим был издан специальный приказ НКВД: «Ввиду наблюдавшихся в районах, пораженных голодом, людоедства, и в целях борьбы с ним НКВД, НКЗДРАВ предлагают к руководству следующие меры борьбы. Лица, обличенные в людоедстве, не должны предаваться суду, ни к административным взысканиям. Обличенные в людоедстве люди, как психически ненормальный элемент, подлежат немедленной изоляции, и передаче органам здравоохранения, где таковые находятся до приведения их в нормальное состояние» [20; 69].

Советская власть попыталась исправить сложившееся положение. Например, для борьбы с голодом были созданы губернские чрезвычайные комиссии помощи голодающим (губпомгол), координировавшие деятельность всех органов в этом вопросе. Так, Акмолинская губернская комиссия помощи голодающим была организована 23 августа 1921 г. первоначально при Губкоме РКП (б), впоследствии — при Губернском исполнительном комитете на основании распоряжения Центральной Чрезвычайной Комиссии Помощи голодающим при Киргизии за № 4515 [3; 50]. Еще до организации губернской комиссии помощи голодающим в губисполком начали поступать из уездов губернии тревожные вести о недостатке собранного от урожая хлеба и начинающемся голоде. Вести эти были подтверждены докладами, присылаемыми уполномоченными исполкомов мест от волостей и поселков, голод в которых предрекался неизбежно. Первое время в задачи губком Помгола входили: добровольный сбор пожертвований среди населения губернии и отправления всего собранного в голодные губернии Поволжья. С этого губернская комиссия и начала свою работу. Для образования денежного и материального фонда Помгола в губернии устраивались периодические одно-, двух- и трехнедельники сбора пожертвований в пользу голодающих [3; 51].

В итоге 4 июля 1922 г. в Акмолинскую губернскую комиссию помощи голодающим Атбасарским уездом было сдано 5 пудов, 8 фунтов, 93 доли золота, монетами 246 рублей серебром и 9 фунтов 18 золотом. 26 июля 1922 г. по Кокчетавскому уезду изъято 4 пуда, 13 фунтов, 29 доли золотом и 15 рублей золотых монет [24; 12]. Также, с распространением голода в губернии и с увеличением количества голодающих, как беженцев, так и местного коренного населения, явилась неотложная необходимость открытия в городах столовых «для кормления ничего не имеющего населения». Например, в городе Петропавловске было открыто 8 столовых, в г. Кокчетаве — 5, в г. Атбасаре — 3,

в г. Акмолинске — 3 столовых. Всего в городах было открыто 19 столовых. В данных столовых ежедневно состояло на довольствии следующее количество голодающих: в г. Петропавловске — до 5000 человек, в Кокчетаве — до 1500 человек, в Атбасаре — до 1250 человек, в Акмолинске — до 1000 человек. В Кокчетавском уезде было открыто на средства местного населения 30 питательных пунктов, где кормились до 900 человек [3; 53]. Общее количество голодающих, зарегистрированных в губкомиссии, как местных, так и беженцев, в разгар голода (январь, февраль и март 1922 г.) достигло: Петропавловский уезд — 150000 человек, Кокчетавский уезд — 114000 человек, Атбасарский уезд — 10000 человек, Акмолинский — 66397 человек. В итоге: число голодающих составило 440397 человек, т.е. почти полмиллиона жителей губернии [3; 53].

Приведенные выше цифры в отношении голодающих не являются точными, но их можно считать начальной точкой отсчета, как официально зафиксированных. Но совершенно очевидно, что не все голодающие были учтены официальной статистикой. Коренное киргизское кочевое население не поддавалось никакому учету, так как миграции населения с одного места на другое были стихийными и не учитывались статистикой. От государства им продовольствия отпущено не было. Помощь осуществлялась по отношению к незначительному числу волостей. Выделенная помощь в связи с разгрузкой городов от голодающих беженцев губкомиссией была передана 25 голодным волостям Петропавловского уезда и составила 2050 пудов хлеба, также Богуналинскому и Оргинскому району — 1250 пудов хлеба. Часть средств губкомиссии уделялась на оказание помощи беспризорным детям. Так, постановлением от 11 февраля 1922 г. губернской комиссией Помгола было произведено расквартирование среди населения г. Петропавловска 300 детей для прокормления. В Петропавловске детские дома были ликвидированы за недостатком средств, и дети розданы населению волостей по одному и два человека на каждое трудовое хозяйство в количестве 1000 человек [3; 54].

В целом, по официальным данным, в Кирреспублике в связи со стихийным голодом смертность детей до 1-го года колебалась между 80-90 %, а старше одного года — между 50-60 %. Санитарное состояние детских домов в связи с их перегруженностью и неблагоустроенностью было ниже всякой критики: «грязь, зловоние, скученность, по 3-4 детей на одной койке, если таковые имеются, без матрацев, без одеял, без света; дети грязны, голы, босы, проводят целые дни в ожидании полуголодного обеда. Дети чахнут физически и тупеют морально» [25; 163]. Такое тяжелое положение наблюдалось почти во всех детских домах губерний.

Голод в немалой степени способствовал возникновению эпидемий таких заболеваний, как туберкулёз, тиф, оспа, малярия, холера и др. Например, в 1922 г. в Акмолинской губернии заболели тифом 36524 человека, холерой — 4731, малярией — 4234, цингой — 1137, дизентерией — 2780 человек [26; 7]. Начальник Акмолинского уездного здравотдела в своём докладе на губернском совещании отмечал, что «смертность киргиз от инфекционных заболеваний (тифа, оспы, туберкулёза) — огромная» [26; 8]. В Акмолинской губернии в 1922 г. умерли в больницах 8373 человека [23; 13].

6 июля 1922 г. постановлением Красного каравана КирЦИКа Атбасарский уезд был признан голодающим, так как голодающих насчитывалось свыше 100000 киргизского и русского населения. Вследствие этого было принято решение отменить государственный продналог с урожая 1921 г. и ходатайствовать перед ВЦИК Советов об утверждении данного постановления [27; 150]. Но, несмотря на бедственное положение населения, Акмолинская губерния официально так и не была признана голодающей. Это значит, что население губернии не освобождалось от налогов, не получало дополнительной продовольственной помощи. К ней, наоборот, были прикреплены для получения помощи Башкирская Республика и Кустанайская губерния [28; 13].

Необходимо отметить, что голодом в регионе были в большей степени охвачены южные волости Акмолинского и Атбасарского уездов, а Каркаралинский уезд, согласно официальным источникам, — в меньшей степени. Сам факт непризнания Акмолинской губернии голодающей не дал возможность развернуть работу Помгола, как этого требовала реальная ситуация, и, наоборот, часть местных ресурсов перераспределялась в другие губернии. Так, по требованию центра из губернии, несмотря на голод, было отправлено в г. Оренбург 5000 пудов и Башкирскую Республику — 1000 пудов хлеба. Также при непризнании голодающей Акмолинскую губернию в нее было допущено передвижение беженцев из голодных губерний, что усугубляло ситуацию.

Таким образом, интенсивное выкачивание хлеба, мяса и других видов продовольствия привели к голодному состоянию населения Акмолинской губернии. Замена продразверстки продналогом не улучшила в первые годы нэпа положения крестьянства. Таким образом, основными

причинами разразившегося голода стали продовольственная политика большевиков, завышенные нормы продразверсток, а также неоперативность местных органов власти, не оценивших своевременно размеры наступающего бедствия.

Список литературы

- 1 Гимпельсон Е.Г. Военный коммунизм. Политика, практика, идеология / Е.Г. Гимпельсон. — М.: Мысль, 1973. — 293 с.
- 2 Верт Н. История Советского государства. 1900-1991: пер. с фр. / Н.Верг. — М.: Прогресс-Академия, 1992. — 480 с.
- 3 ЦГА РК. Ф.1215. Оп.1.Д.19. Л.3-54.
- 4 ГААО. Ф.115. Оп.1. Д.60. Д.7-8, 34, 86.
- 5 СКГА. Ф.1482. Оп.1. Д.75. Л.63.
- 6 Советская Сибирь. — 1921. — 14 янв.
- 7 Ленин В.И. Политический доклад Центрального Комитета на VIII Всероссийской конференции РКП (б). 2 декабря 1919 / В.И.Ленин // Полное собрание сочинений. — 5-е. изд. — М.: Политиздат, 1970. — Т. 39. — 624 с.
- 8 Советская Сибирь. — 1921. — 22 апр.
- 9 Советская Сибирь. — 1921. — 19 апр.
- 10 Каженова Г.Т. Политика Военного коммунизма в Северном Казахстане и его последствия / Г.Т. Каженова. — Алматы: ТSTгеографу, 2015. — 134 с.
- 11 Советская Сибирь. — 1920. — 8 сент.
- 12 СКГА. Ф.1616. Оп.1. Д.2. Л.26.
- 13 Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927) / Л.Н.Юровский. — М.: Финансовое изд-во, 1928. — 401 с.
- 14 В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. — 5-е. изд. — М.: Политиздат, 1970. — Т. 42. — 607 с.
- 15 ЦГА РК. Ф.196. Оп.1. Д.40. Л.307-310.
- 16 СКГА. Ф.1 Оп.1. Д.39. Л.4.
- 17 СКГА. Ф.55 Оп.1. Д.28. Л.100-101.
- 18 ГААО. Ф.118. Оп.1. Д.1. Л.9.
- 19 Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «О замене продовольственной развёрстки натуральным налогом» 21 марта 1921 года // Хрестоматия по истории отечественного государства и права: учеб. пос. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 309 с.
- 20 ГААО. Ф.118. Оп.1. Д.13. Л.8, 69, 110.
- 21 СКГА. Ф.55. Оп.1. Д.26. Л.56.
- 22 ЦГА РК. Ф.30. Оп.1. Д.247. Л.160.
- 23 ЦГА РК. Ф.82. Оп.1. Д.212. Л.13-14, 69,315.
- 24 Сборник статей Государственного архива Акмолинской области за 2012-2014 гг. — Кокшетау, 2014. — 96 с.
- 25 ЦГА РК. Ф.5.Оп.2. Д.18. Л.163.
- 26 ЦГА РК. Ф.44. Оп.11. Д.63. Л.7-8
- 27 Новейшая история Казахстана. Сборник документов и материалов (1917-1939 гг.). — Алматы: Санат, 1998. — 302 с.
- 28 Северо-Казахстанская область в 1917-1957 гг. / под ред. А.Долгопятова, К.Л.Мелешко. — Алма-Ата: Казгосиздат, 1957. — 156 с.

З.Г. Сактаганова, Ж.С. Сыздыкова, Г.Б. Карсакова

Акмола губерниясының тарихынан: 1920-шы жылдардың басындағы аштықтың себептері мен салдары

Мақалада Кеңес өкіметі жүргізген «әскери коммунизм» саясаты Акмола губерниясында XX ғасырдың 20-шы жылдарында басталған аштықтың негізгі себебі ретінде қарастырылды. Бұл саясаттың жүзеге асырылуына талдау жасалған және губернияның ауыр жағдайы сипатталған. Азық-түлік дағдарысы, астықты үнемі жинау және ашыққан босқындардың келуі губернияның ауыр жағдайын тереңдете түскені көрсетілген. Мұрағат мәліметтері негізінде авторлар Акмола губерниясының уездері бойынша аштыққа ұшырағандардың жалпы санын көрсеткен, сондай-ақ губерниядағы аштықтың фактісі кең ауқымда көрініс тапқан, алайда Акмола губерниясы мен оның уездері аштыққа ұшырады деп мойындалмады деген қорытындыға келді.

Кілт сөздер: XX ғасырдағы Қазақстан тарихы, Акмола губерниясы, 1921 жылғы аштық, «әскери коммунизм» саясаты, азық-түлік салғыртығы, азық-түлік салығы.

Z.G. Saktaganova, J.S. Sizdikova, G.B. Karsakova

From the history of the Akmola province: causes and consequences of famine in the early 1920-ies

The article discusses the policy of «military communism» carried out by the Soviet authorities as the main cause of the famine in the Akmola province in the 20 th years of the XX century. The practical embodiment of this policy is analyzed and the plight of the province is characterized. It is noted that the food crisis, the continuous pumping of bread and the influx of starving refugees exacerbated the poor situation of the province. On the basis of archival data, the total number of hungry people in the counties of Akmola province is given. The author came to the conclusion that the fact of the famine in the province was manifested on a large scale, but the Akmola province with the uyezds was never recognized as starving.

Keywords: History of Kazakhstan of the twentieth century, Akmola province, the famine of the 1921, the policy of «military communism», food tax, food charge.

References

- 1 Gimpelson, E.G. (1973). *Voennyi kommunizm. Politika, praktika, ideolohiia* [Military Communism. Politics, practice, ideology]. Moscow: Mysl [in Russian].
- 2 Vert, N. (1992). *Istoriia Sovetskogo gosudarstva 1900-1991* [The history of the Soviet state. 1900-1991]. Moscow: Prohress-Academiia [in Russian].
- 3 CSA KR. F.1215. I.1. D.19. P.3-54.
- 4 SAAR. F.115. I.1. D.60.P.7-8, 34, 86.
- 5 NKSA. F.1482. I.1. D.75.P.63.
- 6 *Sovetskaia Sibir* [Soviet Siberia]. 1921, 14 January, 4 [in Russian].
- 7 Lenin, V.I. (1970). Politicheskii doklad Tsentralnogo Komiteta na VIII Vserossiiskoi konferentsii RKP (b). 2 dekabria 1919 [Political report of the Central Committee at the VIII All-Russian Conference of the RCP (B.). 2 December, 1919]. *Polnoe sobranie sochinenii – Full. Collect. Op.* (5d. ed., Vol. 39). Moscow: Politizdat [in Russian].
- 8 *Sovetskaia Sibir* [Soviet Siberia]. 1921, 22 April [in Russian].
- 9 *Sovetskaia Sibir* [Soviet Siberia]. 1921, 19 April [in Russian].
- 10 Kazhenova, G.T. (2015). *Politika Voennogo kommunizma v Severnom Kazakhstane i ego posledstviia* [Politics of Military Communism in Northern Kazakhstan and its Consequences]. Almaty: TST company [in Russian].
- 11 *Sovetskaia Sibir* [Soviet Siberia]. 1920, 8 September [in Russian].
- 12 NKSA. F.1616. I.1. D.2.P.26.
- 13 Yurovsky, L.N. (1928). *Denezhnaia politika Sovetskoi vlasti (1917–1927)* [Monetary policy of the Soviet power (1917-1927)]. Moscow: Finansovoe izdatelstvo [in Russian].
- 14 Lenin, V.I. (1970). *Polnoe sobranie sochinenii* [Full. Collect. Op.]. (5d. ed., Vol. 42). Moscow: Politizdat [in Russian].
- 15 CSA KR. F.196. I.1. D.40. P. 307-310.
- 16 NKSA, F.1. I.1. D.39.P.4.
- 17 NKSA. F.55. I.1. D.28.P.100-101.
- 18 SAAR.F.118. I.1. D.1.P.9.
- 19 Dekret Vserossiiskogo Tsentralnogo Iсполnitelnogo Komiteta «O zamene prodovolstvennoi razverstki naturalnym nalohom» 21 marta 1921 hoda [The decree of the All-Russian Central Executive Committee «On changing the layout of food natural tax» 21 March 1921]. *Khrestomatiia po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava – Reader on the history of Russian state and law.* (1994). Moscow: Izdatelstvo MHU [in Russian].
- 20 SAAR. F.118. I.1. D.3.P.8, 69,110.
- 21 NKSA. F.55. I.1. D.26. P.56.
- 22 CSA KR. F.30. I.1. D.247.P.160.
- 23 CSA KR. F.82. I.1. D.212.P.13-14, 69, 315.
- 24 Sbornik statei Hosudarstvennogo arkhiva Akmolinskoi oblasti za 2012-2014 hh. [Collection of articles of the state archive of Akmola region for 2012-2014]. (2014). Kokshetau [in Russian].
- 25 CSA KR. F.5. I.2. D.18.P.163.
- 26 CSA KR. F.44. I.11. D.63.P.7, 8.
- 27 Noveishaia istoriia Kazakhstana. Sbornik dokumentov i materialov (1917-1939 hh.) [The newest history of Kazakhstan. Collection of documents and materials (1917-1939)]. (1998). Almaty: Sanat [in Russian].
- 28 Dolgopyatov, A., Meleshko, K.L. (Eds.). (1957). *Severo-Kazakhstanskaia oblast v 1917-1957 hh.* [North-Kazakhstan region in 1917-1957]. Alma-Ata: Kazhosizdat [in Russian].

Л.К. Шотбакова¹, Н.А. Бейсенбекова¹, Г.М. Смагулова¹, Ю.Г. Попов²

¹Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан;

²Санкт-Петербург, Россия

(E-mail: shotbakovazz@mail.ru)

Из истории становления и развития отечественного краеведения

Статья посвящена краткому обзору становления и развития отечественного краеведения. Опираясь на периодизацию развития краеведения в Казахстане С.Ахметовой, авторы высказывают необходимость дополнения ее еще двумя этапами, охватывающими период 1940–2017 гг. Особое внимание обращается на деятельность различных экспедиций, работавших в период XVIII–XIX вв. Называются имена ряда известных исследователей Казахского края, внесших огромный вклад в изучение истории, быта, традиций и культуры казахского народа. Дается характеристика каждому этапу развития отечественного краеведения и в качестве выводов ставятся задачи перед отечественной исторической наукой в плане дальнейшего развития краеведческих исследований.

Ключевые слова: краеведение, история, культура казахского народа, быт и традиции казахского народа, научные экспедиции, периодизация, патриотизм, малая родина.

Если обратиться к истории становления и развития краеведческих исследований в Казахстане, то можно сказать, что краеведение, с точки зрения знания о своих родных местах, возникло в далеком прошлом. У всех народов во все времена были жители, которые отлично знали окружающую местность, особенности ее природы, историю и прочее. Эти знания передавались из поколения в поколение устно, в различных летописях, документах, а также в произведениях народного творчества.

Один из исследователей истории краеведения С. Ахметова в своей работе выделяет три этапа в становлении и развитии краеведения в Казахстане: первый — дореволюционный период, когда на территории Казахстана, входившего в состав Российской империи, возникли первые краеведческие кружки, общества и музеи, которыми были достигнуты определенные успехи в собирании, описании и изучении местных материалов об истории, культуре и быте народов; второй — период зарождения и становления советского краеведения, начиная с октября 1917 г. до середины 1920-х гг., когда в стране начинает осуществляться ленинская программа культурного строительства. Это были годы упрочения Советской власти, восстановления народного хозяйства, и советское краеведение в этот период стало выступать как новое общественное научно-культурное движение; третий этап — период расцвета массового краеведческого движения, с середины 20-х до середины 30-х годов XX в., когда были заложены основы советского исторического краеведения не только в центре, но и во всех республиках [1].

Сегодня мы можем дополнить данную хронологию истории становления и развития отечественного краеведения четвертым этапом, который охватывает 1940–1980-е гг. Для него были характерны идеологизация деятельности всех культурных учреждений, в том числе краеведческих, превращение краеведческого движения в массовое научно-культурное движение, привлечение к нему архивных, музейных учреждений и т.д. И пятый этап охватывает годы независимого существования нашей республики — 1991 г. — по современность. В этот период происходит становление независимого отечественного краеведения, которое опирается на накопленный опыт прошлых лет и в качестве приоритетных задач ставит воспитание через краеведческие исследования чувства патриотизма, любви к малой Родине, возрождение национальной культуры, языка, истории. В настоящее время краеведение в Казахстане находится в стадии интенсивного развития. Но уже пришло время для изучения опыта в проведении и организации этой работы, суммирования и анализа накопленного знания. За последние два с половиной десятилетия после обретения независимости было защищено около 30 научных работ по краеведению, среди которых кандидатские и докторские диссертации. Отдельные исследования посвящены непосредственно истории краеведения в республике, другие — социально-экономическому и культурному развитию малых городов Казахстана.

Со временем оформились различные направления краеведческих исследований, в том числе историческое краеведение, которое при проведении исследований опирается не только на данные исторической науки, но и на материалы комплексного изучения края краеведами других отраслей знаний.

Значение исторического краеведения определяется тем, что оно выступает важным средством воспитания любви к родному краю, особой формой вовлечения широких кругов населения в изучение истории края, одним из важнейших способов привлечения общественности к активной и целенаправленной культурной работе на местах. Работа по историческому краеведению может оказать помощь в воспитании, прежде всего, у молодого поколения любви к Родине, гордости за свою страну.

Об этом говорится и в программной статье Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», где среди основных приоритетов духовного развития нашего общества особое внимание обращается на воспитание патриотизма: «патриотизм начинается с любви к своей земле, к своему аулу, городу, региону, с любви к малой родине... Поэтому я предлагаю программу «Туған жер», которая легко перейдет в более широкую установку — «Туған ел»... Особое отношение к родной земле, ее культуре, обычаям, традициям — это важнейшая черта патриотизма. Это основа того культурно-генетического кода, который любую нацию делает нацией, а не собранием индивидов... Программа «Туған жер» станет одним из настоящих оснований нашего общенационального патриотизма» [2]. Среди задач, которые следует решать в данном направлении, в числе первых называются организация серьезной краеведческой работы в сфере образования, экологии и благоустройства, изучение региональной истории, восстановление культурно-исторических памятников и культурных объектов местного масштаба. В связи с этим представляется актуальным проведение краеведческих исследований на стыке с такими направлениями современной исторической науки, как историческая персоналистика и история повседневности.

Если обратиться к основным этапам становления и развития отечественного краеведения, то следует отметить, что важную роль здесь сыграла деятельность различных экспедиций, организованных в Казахскую степь в последней трети XVIII — начале XIX в. Маршрутный экспедиционный метод изучения Казахстана, локальный краеведческий подход к описанию различных сторон жизни народа, населявшего огромную территорию от Волги до Тянь-Шаня, были основными и преобладающими в деятельности научных, военных и дипломатических экспедиций и путешественников из Европы и России, которые, как правило, изучали край, его недра, флору и фауну, собирали материалы по истории, этнографии, фольклору, языку казахского народа. Мы в данной статье назовем только некоторые имена, не претендуя на полный охват всех личностей, в той или иной мере внесших вклад в развитие отечественного краеведения.

Так, в 1768–1774 гг. одну из экспедиций в Казахстан возглавил академик, естествоиспытатель П.С. Паллас. В работе этой научной экспедиции приняли участие известные ученые, путешественники И.П. Фальк и И.Г. Георги. Маршрут экспедиции проходил через земли Северо-Западного, Северного и Северо-Восточного Казахстана. Результатом этой работы стал труд П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи» в трех частях, в котором содержатся ценные материалы об истории и этнографии казахского народа [3].

Исследователь И.Г. Георги организовал и самостоятельную экспедицию по территории Казахстана. В 1796 г. он подготовил и опубликовал обстоятельную работу «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» [4]. В этой книге содержатся ценнейшие сведения о быте, культуре, обычаях и обрядах казахов, а также особенностях хозяйственной жизни кочевников.

В первой четверти XIX в. Оренбургский край посещает талантливый ученый, один из основателей Русского географического общества, почетный член Академии наук А.И. Левшин, внесший крупный вклад в исследование истории, этнографии и географии Казахстана. В 1820–1822 гг. он находился на службе в Оренбурге и Уральске, часто бывал в казахских аулах, беседовал и вел подробные записи этих бесед, изучал историю, быт и обычаи казахов, дела Оренбургского архива. Им был собран огромный научный материал по истории и этнографии казахского народа, на основе которого он опубликовал научные статьи и очерки: «Путевые записки», «Свидание с ханом Меньшей киргизкайсацкой орды», «Известие о древнем городе Сарайчике», «Исторические и статистические обозрения уральских казахов», «Об имени киргиз-казахского народа и отличии его от подлинных или диких киргизов» [5]. Книга А.И. Левшина по истории, географии и этнографии казахов вызвала большой интерес не только среди русской научной и литературной общественности, но и получила широкое признание за границей — она была переведена на французский и немецкий языки.

Во второй половине XIX в. проявил себя как краевед-исследователь знаменитый казахский ученый, этнограф Ч.Ч. Валиханов, который вместе с русскими учеными, в частности, с путешественни-

ком-этнографом Г.Н.Потаниным, занимался изучением Казахстана и Средней Азии. Он многим был обязан П.П.Семенову-Тянь-Шанскому, первым оценившему его незаурядные способности [6].

Так, например, по ходатайству П.П.Семенова-Тянь-Шанского Чокан Валиханов был заочно избран в феврале 1857 г. действительным членом Русского географического общества. Среди его учителей были такие знатоки восточной истории, страстно увлекавшиеся казахским народным творчеством, записывавшие его образцы, а также приучавшие своих воспитанников собирать казахский фольклор и описывать казахские народные игры, как С.И.Березин, ординарный профессор кафедры турецко-татарской словесности факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, Н.В.Костолецкий, преподававший русскую словесность. К примеру, по просьбе Н.Ф.Костылецкого, Ч.Валиханов, еще учась в кадетском корпусе, записал вместе с отцом в Кушмурунской степи известную поэму «Козы-Корпеш и Баян-сулу», которую его учитель переложил на русский язык и в 1851 г. переслал в письме С.И.Березину [7; 20, 46].

Ч.Валиханов стал первым казахом, собравшим научные материалы о Центральном Казахстане, который он пересек в различных направлениях, в том числе дважды посетил старейший город Сарыарки Каркаралинск [8]. Впервые это случилось, когда двадцатилетний Чокан Валиханов закончил Омский кадетский корпус. Со свитой западно-сибирского генерал-губернатора Г.Х. Гасфорта он совершил служебную поездку в Киргизскую степь, как тогда именовали в официальных бумагах нынешнюю Сарыарку. Для Ч.Валиханова вояж закончился первым знакомством с Прибалхашьем и Каркаралами. От Баянаула он повернул на Кокчетав — родину своих предков. Из каркаралинско-баянаульских степных просторов он вывез народные предания, археологические сведения, которые положили начало его систематическому научному творчеству.

К предмету краеведения непосредственное отношение имеет изучение Ч. Валихановым архитектурных памятников Бутагай на реке Нура, Джубан-Ана и Айтбулат — на реке Сарысу в Центральном Казахстане; древних городищ Алматы, Койлык, Алмалык — в Семиреченском крае; зарисовок с натуры Тамгалыгас на реке Или, наскальных рисунков в горах Чулактау, возле Джунгарских ворот, на северном берегу Иссык-Куля и на реке Аягуз, а также деятельность Ч. Валиханова по расшифровке древних монет, по собиранию изустных сказаний, редких рукописей, памятников нумизматики, образцов прикладного искусства народов, населявших Казахстан и Среднюю Азию [9].

Среди известных имен встречаем и имя В.В.Вельяминова-Зернова, автора широко известного труда «Исследования о Касимовских царях и царевичах», в котором он, опираясь на «Тарих-и-Рашиди», определил начальную дату образования Казахского ханства, связав ее со временем откочевки будущих основателей государства — Геряя и Джанибека из Восточного Дашт-и-Кыпчака на территорию Семиречья [7; 43].

К ярким личностям своего времени следует отнести А.Б.Алекторову, который был не только краеведом-библиографом. В его творчестве немалое место занимает педагогическая деятельность. Учебные пособия А.Б.Алекторову «К мудрости ступенька», «Киргизская хрестоматия» [10] использовались в казахских школах наравне с «Хрестоматией» И. Алтынсарина. А.Е.Алекторов явился одним из представителей русской интеллигенции, высоко оценившим талант, традиции, искусство, музыку и фольклор казахского народа; был объективным, бескорыстным исследователем и критически оценивал работу тех, кто в своих сочинениях высокомерно и предвзято относился к казахам.

Обычно казахи, выполнявшие роль проводников и переводчиков, в то же время были, по сути, и краеведами, знатоками местной жизни, особенностей природы и культуры своего края. Такими именно были Утемгали Ланиязов, Юсупали Удеров, Джумагали Бекмембетов, сопровождавшие экспедицию А. Н. Харузина в Букеевской орде в 1887–1888 гг. В результате этой экспедиции появилась широко известная работа ее руководителя «Киргизы Букеевской орды» [11].

Большая заслуга в развитии краеведения и музейного дела на востоке Казахстана принадлежит братьям Алексею, Виктору, Федору и Николаю Белослюдовым. Родились они в Семипалатинске в семье небогатого чиновника из сибирских казаков. В 1915 г. в десятом выпуске «Записок Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО» было напечатано двадцать восемь сказок, четыре — в следующем году, в тридцать восьмом томе «Записок Западно-Сибирского отдела РГО» [12].

В результате многолетнего краеведческого труда братья Белослюдовы создали свой домашний музей с отделами геологии и минералогии, палеонтологии и антропологии, доисторической археологии, старинных вещей, нумизматики, этнографии, а также картинную галерею. В отделе археологии,

например, насчитывалось более шестисот предметов, а нумизматики — более тысячи золотых, серебряных и медных монет.

В первые годы Советской власти государственное регулирование научно-исследовательских работ осуществлялось Революционным комитетом по управлению Казахским краем, позже эти вопросы перешли в ведение Наркомата просвещения Казахской Автономной Республики. В 1919 г. группа краеведов, имевших опыт работы в Оренбургском отделе Русского Географического Общества (РГО), организовала при историко-статистическом отделе штаба Казахского военного комиссариата историческую, этнографическую и естественно-географическую секции, несколько позже к ним прибавилась археологическая. Накопленный опыт и увеличившиеся масштабы научных поисков привели к созданию в г. Оренбурге 15 октября 1920 г. Общества изучения Киргизского (Казахского) края, в первом Уставе которого было записано: «...является прямым преемником Оренбургской ученой архивной комиссии и Оренбургского отдела РГО» [13; 300].

По инициативе первого председателя общества А. П. Чулошникова была образована «особая ученая архивная комиссия» путем привлечения посторонних, работы которых печатались бы в газете «Известия Киргизского края». С подачи учредителей Общества были созданы отделения в Кустанае, Уральске, Урде. В конце 1923 г. на активные контакты вышел семипалатинский краевед Н.Я. Коншин. Связь с Кустанайским и Уральским филиалами тогда же была временно утеряна. В 1920 г. был образован Жетысуйский отдел Русского географического общества, в состав которого вошли все сотрудники губернского музея — старейшего краеведческого учреждения Джетысу (1892 г.). Он в 1921 г. был преобразован в «Общество изучения Семиречья» [14, 15]. Спустя некоторое время открылись филиалы в Кокчетаве, Акмолинске, Актюбинске, Талды-Кургане, Каракалпакии. Среди членов Общества было немало государственных деятелей, активных деятелей и лидеров национально-демократического движения Алаш: А. Байтурсынов (в 1922 г. — почетный председатель), С. Садвокасов, Х. Нурмухамедов, А. Джангильдин и другие. О популярности краеведческих обществ говорит такой факт: Оренбургское отделение на начало 1922 г. состояло из 61 человека, на конец 1923 г. — из 78, к октябрю 1927 г. в него входили уже 154 человека. Нужно отметить, что добровольные краеведческие организации в своей основе никогда не были многочисленными и массовыми. Параллельно в г. Ташкенте в 1920–1925 гг. действовало общество ревнителей казахской культуры «Талап». Заметную роль в нем играли представители интеллигенции — инженер М. Тынышпаев, писатель М. Ауэзов, поэт М. Жумабаев, врач Х. Досмухамедов, юрист Ж. Досмухамедов и др. [16].

Общественные организации поддерживали между собой творческие связи. Казахские исследователи истории своего народа помогали в работе русскоязычным краеведам, консультировали их по вопросам национальной культуры, традиций, особенностей быта и т. п. В исторической литературе 1920-е гг. прошлого столетия характеризуются как «золотое десятилетие» краеведения, опиравшееся на массовое научно-культурное движение.

В развитие краеведения этого периода большой вклад внес председатель правления Общества изучения Казахстана в 1927–1931 гг., одновременно заведующий отделом Казкрайкома ВКП (б), нарком просвещения республики Ураз Джандосов. По его мнению, «центр тяжести работ краеведческого общества определяется не материальными вложениями, которое оно может сделать, а тем неоценимым вкладом, который внесут Обществу его члены в виде добровольного и бескорыстного труда на пользу науки и края» [16].

В соответствии с решением СНК СССР от 13 ноября 1927 г. «О состоянии научно-исследовательской работы» в Казахстане приступили к систематизации краеведческой работы. В частности, было принято решение о вхождении Семипалатинского отдела Российского географического общества, одной из наиболее мощных губернских краеведческих организаций, в качестве губернского филиала в Научно-краеведческое общество по изучению производственных сил Казахстана. Вследствие данного слияния значительно возросло количество действительных членов республиканского Общества изучения Казахстана.

В 1929 г., в связи с переездом центральных учреждений республики в г. Алма-Ату, краеведы проделали большую работу по отбору и изъятию из архивов, книгохранилищ, музеев Средней Азии, Омска и Оренбурга материалов, относящихся к Казахстану, и их размещению в новой столице, куда переехало и Общество, минув Кзыл-Орду.

К I Всеказахстанскому научно-краеведческому съезду, положившему начало планомерной организации научных исследований в республике (апрель 1930 г.), краеведы пришли действующей организацией, с центром в г. Алма-Ате и сильными филиалами в гг. Кустанае, Петропавловске, Семипа-

латинске, Уральске и др. В апреле 1931 г., по аналогии с Российской Федерацией, было создано Республиканское организационное бюро краеведения из представителей Наркомпроса, Госплана и Общества изучения Казахстана. В его состав входили 30 человек, из них 15 — члены ВКП (б), 1 — член ВЛКСМ, 14 — беспартийные. Принцип партийности во всех общественных организациях соблюдался неукоснительно. Завершила оформление новой структуры открывшаяся 26 ноября 1932 г. в Алма-Ате конференция, на которой было избрано Центральное бюро краеведения Казахстана (КазЦБК), функционировавшее короткий временной отрезок [17].

Многочисленные документы того времени, в том числе официального характера, свидетельствуют о том, что схема краеведческих организаций по вертикали не оправдала себя и постепенно деятельность этих бюрократических структур сошла на нет. Так, представители из областей давали отрицательную характеристику работе Казоргбюро, отмечая, что, несмотря на бурно прошедший краеведческий съезд 1930 г., краеведческая работа совсем замерла. Полученные от Казахского оргбюро краеведения многочисленные указания, отношения, материалы и программы были не реализованы.

1930-е гг. характеризуются крайне жесткой идеологизацией всех сторон жизни советского общества, что нашло отражение в организации и осуществлении краеведческой работы. В январе 1933 г. в специально подготовленной секретно-политическим отделом (СПО) Уполномоченного представительства ОГПУ в Казахстане сводке «О состоянии краеведческих обществ и музеев» отмечалось, что краеведческие общества Казахстана оторваны от общественно-политической жизни края, значительно засорены краеведческими кадрами из социально-чуждых и антисоветских элементов. Результатом этих действий стало прекращение по сути деятельности добровольного Общества изучения края.

В ноябре 1933 г. было принято постановление СНК КазАССР об организации НИИ национальной культуры в целях объединения и координирования научно-исследовательской работы в области культуры: истории, языка, литературы, материальной культуры и краеведения на базе Бюро краеведения, НИИ педагогики, Казцентрархива, Краевого музея и Государственной библиотеки [18].

В то же время в Алма-Ате продолжило действовать Общество изучения Казахстана, которое возглавила Юлия Тевосян, супруга первого секретаря Казкрайкома ВКП (б) Л. Мирзояна. Профессиональный революционер, директор Казахского института марксизма-ленинизма в 1933–1938 гг., краеведением она занималась по совместительству. Естественно, исследования Общества в данный период концентрировались в соответствии с интересами его руководителя — сбор материалов по истории революционного движения и гражданской войны, подготовка геопохода им. 15-летия Казахстана. Юлия Федоровна, как и ее супруг, пользуясь своим служебным положением, внесла большой вклад в культурное развитие республики, но жизнь и ее, и Левона Исаевича, как и судьбы многих других соотечественников, оборвали репрессии 1930-х гг. [19].

В 1932–1938 гг. вопросы экспедиционно-исследовательской работы постепенно перешли в ведение Казахского филиала Академии наук СССР. В августе 1936 г. «в целях улучшения научно-исследовательской работы в области науки, истории, литературы и языка и концентрации научных сил в единой организации и во избежание параллелизма» было принято решение о слиянии НИИ национальной культуры с Казфаном [17; 149, 150], где для решения поставленных задач были созданы два новых сектора: истории и казахского языка и литературы.

В 1941–1942 гг. Бюро республиканского Общества изучения Казахстана еще работало, возможно, уже не столь интенсивно, как в прежние времена. Последним всплеском в краеведческом движении республики были 1938–1942 гг., когда в руководстве Обществом появился человек, который занимался изучением своей родины, скорее, по велению сердца, чем в соответствии с должностными обязанностями. В эти годы ученым секретарем Общества работал А.М.Жиренчин, выпускник Ташкентского педагогического института, кандидат исторических наук, ученый-литературовед, писатель. Про деятельность Общества в бытность А.М.Жиренчина одним из его руководителей, писали, что оно вышло «из прорыва в шеренгу передовых научных учреждений» [19].

За 21 год своего существования Общество достигло значительных успехов в накоплении, систематизации и пропаганде краеведческих знаний о Казахстанском крае, способствовало созданию филиалов в областных центрах, городах, что, в свою очередь, значительно активизировало краеведческое движение в республике, действовавшее в основном на общественных началах.

С 1948 г. руководство краеведческой работой было возложено на Академию наук Казахской ССР, при которой была создана Комиссия содействия краеведению, а областях, соответственно, организовано Бюро содействия. К декабрю 1949 — январю 1950 гг. были созданы Карагандинское, Павлодарское и Семипалатинское бюро в составе от 7 до 11 человек. Среди членов бюро обязательно

были заместитель председателя облисполкома, директор областного музея, заведующий областным отделом образования, секретарь обкома ЛКСМ Казахстана и др. [20].

Судя по архивным документам, в республике на 1948 г. действовали 139 краеведов-любителей, хотя, возможно, некоторые из них скорее были должностными лицами, которым вменялось, в силу их служебных обязанностей, заниматься и краеведческой, исследовательской работой. Например, из 14 краеведов-любителей-семипалатинцев 11 числились в составе Бюро содействия.

Впоследствии в Казахстане был создан ряд организаций, взявших на себя функции добровольных краеведческих обществ, — это научно-исследовательские институты, заповедники и др. Например, при Академии наук КазССР с 1952 г. действовало Географическое общество, основная организация которого находилась в г. Алма-Ате, а три отдела соответственно в Западно-Казахстанской, Северо-Казахстанской и Целиноградской областях. Целью создания данного общества была координация проведения географических исследований. В целях привлечения школьников к изучению родного края и его истории с 1973 г. действовала Всесоюзная туристская экспедиция «Моя Родина — СССР». В ее рамках в Казахстане было создано 36,1 тыс. экспедиционных отрядов, в составе которых было около 600 тыс. школьников. Свыше 84 тыс. учащихся являлись членами туристско-краеведческих кружков. На базе собранного материала было открыто 555 школьных музеев.

Краеведение стало играть вспомогательную роль в работе различного рода научных учреждений. Вместе с тем накопленный ценный опыт в деле подготовки краеведческих кадров способствовал увеличению численности государственных учреждений — архивов, библиотек, музеев и т.д., имеющих прямое отношение к краеведению. Учебные заведения использовали возможности местных музеев в подготовке будущих учителей к краеведческой деятельности. В качестве некоей альтернативы Обществу по изучению Казахского края появились Общества охраны памятников истории и культуры.

Краеведение в Казахстане превратилось в массовое научно-культурное движение. Большой размах приобрело историческое краеведение. Тысячи рабочих, крестьян, интеллигентов, учащихся с энтузиазмом изучали историю своего края, города и деревни, фабрики и завода. Это время дало нам имена многих подвижников — истинных ценителей истории и культуры своего края, области, города и т.д. Они занимались краеведческими исследованиями, как правило, в свободное время, собирали материалы, встречались с различными людьми, записывали интервью и затем, обобщая собранный материал, издавали книги, альбомы, воспоминания, которые сегодня составляют золотой фонд отечественного краеведения. Благодаря деятельности этих людей нам осталась память о многих ярких личностях нашей истории. Этот материал и эти люди еще ждут своих исследователей.

В советский период развитие исторического краеведения в Казахстане дополняется первыми краеведческими ячейками на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, в различных учреждениях и учебных заведениях, отделы, отделения и бюро организованы в районах, городах и областях, общества краеведения — в центре.

На современном этапе музеи, архивы, библиотеки и учебные центры сохранили преемственность и вносят огромный вклад в развитие краеведческого движения, выполняя одну из важных задач — формирование гражданственности, казахстанского патриотизма, любви и уважения к историческому прошлому своего Отечества.

Результаты краеведческих исследований — объект конкурсов, проводимых в основном для молодежи с целью профессиональной ориентации. Результаты краеведческих исследований представляются в художественной форме, дают сюжеты для документальных сериалов, телевизионных программ, являющихся самостоятельным направлением в кинематографе.

Краткий экскурс в историю становления и развития отечественного краеведения, в котором, естественно, не все имена названы, не все проблемы нашли отражение в полном объеме, является начальным этапом в исследовании данной обширной и интересной темы. Следует отметить, что среди малоисследованных тем краеведческого характера — изучение деятельности отдельных краеведов-подвижников своего дела, посвятивших жизнь изучению родного края. Также стоит обратить внимание на такой аспект, как возможность или, скорее, необходимость использования результатов краеведческих исследований, где по крупицам собрана история регионов, при подготовке новой много-томной Истории Казахстана, которая, в отличие от предыдущих книг, должна быть посвящена не только истории государства, но и истории быта, повседневности.

Это — работа ближайшего будущего, это — малая толика тех задач, которые стоят перед сообществом отечественных историков сегодня.

Список литературы

- 1 Ахметова С.Ш. Историческое краеведение в Казахстане / С.Ш.Ахметова. — Алма-Ата: Казахстан, 1982. — 168 с.
- 2 Назарбаев Н.А. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания [Электронный ресурс] / Н.А.Назарбаев. — Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizatsiya-obshchestvennogo-soznaniya.
- 3 Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства / П.С.Паллас // Россия XVIII в. глазами иностранцев. — Л.: Лениздат, 1989. — 544 с.
- 4 Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов / И.Г.Георги. — СПб.: Изд-во «Типография К.В.Мюллера», 1776. — 240 с.
- 5 Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей / А.И.Левшин. — Алматы: Санат, 1996. — 655 с.
- 6 Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах / Ч.Ч.Валиханов. — Алма-Ата: Изд-во Акад. наук Каз. ССР, 1961–1972.
- 7 Мусина М.Ш. Чокан Валиханов в Санкт-Петербурге / М.Ш.Мусина, Б.Н.Тихомиров. — СПб.: Серебряный век, 2009. — 68 с.
- 8 Попов Ю.Г. Их помнит Сарыарка: Летопись дружбы / Ю.Г.Попов. — Алма-Ата: Казахстан, 1989. — 200 с.
- 9 Валиханов Ч. Этнографическое наследие казахов / Ч.Валиханов. — Астана: Алтын Кітап, 2007. — 233 с.
- 10 Алекторов А.Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах / А.Е.Алекторов. — Казань, 1987. — 753 с.; Киргизская хрестоматия. — Оренбург, 1968.
- 11 Харузин А.Н. Киргизы Букеевской Орды / А.Н. Харузин. — М., 1889.
- 12 Обзор Семипалатинской области за 1915 год. — Семипалатинск: Типография Семипалатинского областного правления, 1916. — 132 с.
- 13 Абдулкадырова М.А. Культурное строительство в Казахстане (1918–1932 гг.): Сборник документов и материалов / М.А.Абдулкадырова, С.С.Голубятников, А.Г.Кукушкина. — Алма-Ата: Казахстан, 1965. — С. 300.
- 14 Грибанова Е.М. Во главе архивного строительства (1919–1938 гг.) / Е.М.Грибанова // Отечественные архивы. — 2004. — № 4. — С. 13–25.
- 15 Удербаяева С.К. «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии» как источник по истории Казахстана (1887–1917): автореф. дис. ... канд. истор. наук / С.К.Удербаяева. — Алматы, 2010.
- 16 Чаушанская Н.В. Краеведение в Жетғысу (архивные документы «Общества изучения Семиречья») / Н.В.Чаушанская, А.А.Муканова // Туған өлке – Родной край. Алматы. — 2006. — № 2(7). Архив Джетысуйского отдела РГО сохранился в рукописном фонде книгохранилища Национальной библиотеки РК и в Государственном архиве Алматинской обл.
- 17 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nomad.su/>.
- 18 Постановление Казкрайкома ВКП (б) от 25.08.1936 г. «Об организации в Казахском филиале АН СССР сектора истории и сектора казахского языка и литературы» // Культурное строительство в Казахстане (1933 – июнь 1941 гг.): Сборник документов и материалов / М.А.Абдулкадырова, А.Р.Акимбекова, А.В.Бучнева и др. — Алма-Ата: Казахстан. — Т. 2. — 283 с.
- 19 ЦГА РК. Ф.693. Оп. 2. Д.26. Л.4–5.
- 20 ЦГА РК. Ф.1308. Оп.1. Д.319. Л.5.

Л.К. Шотбакова, Н.А. Бейсенбекова, Г.М. Смағұлова, Ю.Г. Попов

Отандық өлкетанудың қалыптасу мен дамуының тарихынан

Мақалада отандық өлкетанудың қалыптасуы мен дамуына қысқаша шолу жасалған. С. Ахметованың Қазақстандағы өлкетанудың дамуын кезеңдеуіне сүйене отырып, 1940–2017 жылдардың аралығын қамтыған тағы екі кезеңді қосу керектігі айтылды. Әсіресе XVIII–XIX ғасырларда өлкеде жұмыс істеген түрлі экспедициялардың қызметіне ерекше көңіл бөлінді. Қазақ халқының тарихын, тұрмысын, дәстүрін және мәдениетін зерттеуге үлкен үлес қосқан танымал қазақ өлкесін зерттеушілердің есімдері аталды. Отандық өлкетану дамуының әр кезеңдеріне сипаттама беріліп, өлкетанушылық зерттеулерді одан әрі дамытудың жоспарлары айқындалды.

Кілт сөздер: өлкетану, тарих, қазақ халқының мәдениеті, қазақ халқының тұрмысы мен дәстүрі, ғылыми экспедициялар, кезеңдер, отансүйгіштік, кіші отан.

L.K. Shotbakova, N.A. Beisenbekova, G.M. Smagulova, J.G. Popov

From the history of formation and development of local history studies

This article is devoted to a brief review of the local history studies' formation and development. It is based on S.Akhmetova periodization of the local history development in Kazakhstan. There is a need to supplement it

with two more stages covering the period of 1940-2017. Particular attention is drawn to the activities of various expeditions that worked during the XVIII - XIX centuries. Also there mentioned number of well-known researchers of the Kazakh region who made a great contribution to the study of the history, life, traditions and culture of the Kazakh people. As a conclusion, local history studies' development tasks are made for Kazakhstani history studies.

Keywords: local history studies, history, culture of the Kazakh people, life and traditions of the Kazakh people, scientific expeditions, periodization, patriotism, small homeland.

References

- 1 Akhmetova, S.Sh. (1982). *Istoricheskoe kraevedenie v Kazakhstane [Local history studies' in Kazakhstan]*. Alma-Ata: Kazakhstan [in Russian].
- 2 Nazarbayev, N.A. *Vzglyad v budushchee: modernizatsiia obshchestvennogo soznaniia [Look into the future: the modernization of public consciousness]*. www.akorda.kz/ru. Retrieved from http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizatsiya-obshchestvennogo-soznaniya [in Russian].
- 3 Pallas, P.S. (1989). *Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskoho gosudarstva [Travel on different provinces of Russian state]*. *Rossii XVIII v. hlazami inostrantsev – Russia of the XVIII century through the eyes of foreigners*. Leningrad: Lenizdat [in Russian].
- 4 Georgi, I.G. (1976). *Opisanie vsekh obitaiushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov [The description of all living in the Russian state peoples]*. Saint Petersburg: Izdatelstvo «Tipohrafiia K.V.Miullera» [in Russian].
- 5 Levshin, A.I. (1996). *Opisanie kirhiz-kazachikh ili kirhiz-kaisatskikh ord i stepei [Description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-kaisak hordes and steppes]*. Almaty: Sanat [in Russian].
- 6 Valikhanov, Zh. (1961-1972). *Sobranie sochinenii v piati tomakh [Collected works in five volumes]*. Alma-Ata: Izdatelstvo Akademii Nauk Kazakhskoi SSR [in Russian].
- 7 Musina, M.S., Tikhomirov, B.N. (2009). *Chokan Valikhanov v Sankt-Peterburhe [Chokan Valikhanov in St. Petersburg]*. Saint Petersburg: Serebryanyi Vek [in Russian].
- 8 Popov, Yu.G. (1989). *Ikh pomnit Saryarka: Letopis družby [Remember Them Saryarka: Chronicle of friendship]*. Alma-Ata: Kazakhstan [in Russian].
- 9 Valikhanov, Zh. (2007). *Etnograficheskoe nasledie kazakhov [Ethnographic heritage of Kazakhs]*. Astana: Altyn Kitap [in Russian].
- 10 Alektorov, A.E. (1987). *Ukazatel knih, zhurnalnykh i hazetnykh statei i zametok o kirhizakh [Index of books, journal and newspaper articles, and notes about the Kirghiz]*. Kazan. Kirgizskaia khrestomatia [Kyrgyz reader]. (1968). Orenburg [in Russian].
- 11 Charuzin, A.N. (1989). *Kirhizy Bukeevskoi Ordy [Kirgiz of the Bukey Horde]*. Moscow [in Russian].
- 12 *Obzor Semipalatinskoi oblasti za 1915 hod [Overview of the Semipalatinsk region in 1915]*. (1916). Semipalatinsk: Tipohrafiia Semipalatinskoho oblastnogo pravleniia [in Russian].
- 13 Abdulkadyrova, M.A., Golubyatnikov, S.S., Kukushkina, A.G. (1965). *Kulturnoe stroitelstvo v Kazakhstane (1918–1932 hh.) [The Cultural construction in Kazakhstan (1918-1932 yy.)]*. Alma-Ata: Kazakhstan [in Russian].
- 14 Gribova, E.M. (2004). *Vo hlave arkhivnogo stroitelstva (1919–1938 hh.) [At the head of the archive building (1919-1938)]*. *Otechestvennye arkhivy – Domestic archives*, 4, 13–25 [in Russian].
- 15 Uderbaeva, S.K. (2010). «Trudy Orenburhskoi uchenoi arkhivnoi komissii» kak istochnik po istorii Kazakhstana (1887–1917) [«Trudy of the Orenburg scientific archival Commission» as a source on history of Kazakhstan (1887-1917)]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Almaty [in Russian].
- 16 Chaushanskaia, N.V. & Mukanova, A.A. (2006). *Kraevedenie v Zhetysu (arkhivnye dokumenty «Obshchestva izucheniia Semirechia») [Local history studies' in Zhetysu (archival documents «of the Society for the study of Semirechye»)]*. *Tuhan olke — Rodnoi kraj – Tugan Olce – Native land*, 2(7). Almaty. Arkhiv Dzhetysuisokho otdela RGO sokhranilsia v rukopisnom fonde knihokhranilishcha Natsionalnoi biblioteki RK i v Hosudarstvennom arkhive Almatinskoi obl. [Archive of Jetysuski Department of RGS is preserved in the manuscript Fund of the book Depository of the National library of the RK and in the State archive of Almaty region]. [in Russian].
- 17 www.nomad.su. Retrieved from <http://www.nomad.su/>.
- 18 Abdulkadyrova, M.A., Akimbekova, A.R., Buchneva, A.V. etc. *Postanovlenie Kazkraikoma VKP (b) ot 25.08.1936 h. «Ob organizatsii v Kazakhskom filiale AN SSSR sektora istorii i sektora kazakhskogo iazyka i literatury» [The decree of the Kazakh regional Committee of the CPSU (b) from 25.08.1936 G. «On the organization of the Kazakh branch of the USSR sector history and sector of the Kazakh language and literature»]*. *Kulturnoe stroitelstvo v Kazakhstane (1933 – iun 1941 gg.) – Cultural construction in Kazakhstan (1933 – June 1941)*. (Vol. 2, 283 p). Alma-Ata: Kazakhstan [in Russian].
- 19 Central state archive of RK. F. 693. Op. 2. D. 26. L. 4–5.
- 20 Central state archive of RK. Ф.1308. Оп.1. Д.319. Л.5.

Э.А. Бабаев

*Институт рукописей Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджан
(E-mail: babayevvin90@mail.ru)*

О древних тюркских племенах, принявших христианство

В статье рассматриваются исторические особенности процесса принятия христианства древними тюркскими племенами. В частности, определено, что о распространении христианства в Средней Азии сведения были еще до IV в. Контакты тюрков с представителями христианской веры происходили больше через восточную церковь. На первом месте по распространенности шла ортодоксальная церковь. Помимо этого, здесь распространялось также и несторианство. Тюрки с христианством впервые столкнулись в пределах Парфии (250–224-е годы до н.э.). Подчеркнуто, что, поскольку парфийское христианство было близко к принятию откровения Христа, оно отвергалось представителями западной церкви. Отмечено, что после смерти Иисуса Христа, в особенности начиная с 70-х годов, Парфийское государство начало принимать христиан-несранийцев, изгоняемых из Рима, стало покровительствовать им. Это и стало причиной стремительного распространения христианства среди тюрков.

Ключевые слова: древние тюрки, христианство, церковь, религия, хазары, кыпчаки, ортодоксальная церковь, несторианство.

Введение. Среди универсальных и больших религий, с которыми сталкивались тюрки в своей истории религии, было и христианство. Данные о наличии в Средней Азии христиан были зафиксированы уже до IV в. Контакты тюрков с христианами больше осуществлялись в рамках восточной церкви. Здесь все происходило в рамках ортодоксальных течений. В то же время несторианство как течение уже стало постепенно набирать силу именно из Средней Азии [1; 275]. Сторонники этого течения не смогли закрепиться в Анатолии, постепенно перемещаясь в Иран и Среднюю Азию. Начиная с 762 г. центром несторианского католикосата стала Византия, а с 422 г. указанный выше срок центром этого течения считался город Мерв. Несторианцы просто до 530 г. сумели сохранить свое влияние в указанном регионе [2; 86].

Тюрки впервые услышали о христианстве в Парфии (250-е годы до н.э.). Поскольку парфийское христианство по своей сути было близко к пониманию Иисуса Христа как откровения, то они всегда отвергались западным христианством. После смерти Христа, в особенности после 70-х годов, Парфия приняла христиан-несранийцев, в массовом порядке изгоняемых из Рима, и стала покровительствовать им. Это способствовало стремительному распространению христианства на территории Парфии. Эта страна стала пристанищем также для различных гностико-монотеистических течений (николаиты, маркионитство, сифианедокетизм, офиты, авелиты, манихейство, павликиане) [3; 29]. Если обратить внимание на исторические корни и процесс формирования самой религии, то можно увидеть связь, с одной стороны, с древней иудейской религией, а с другой — с мировоззрением и философией античных времен. Наряду с этим на формирование христианства повлияли и другие религиозные традиции, в частности митраизм.

Основные представители христианства в Парфии и Арране. Предполагается, что одним из апостолов пророка Иисуса был Тадай (*Фадай*) скифо-парфянского происхождения. Фадай, чье имя лишь единожды употребляется в синоптическом Завете, пришел в Иерусалим из Урфы, вначале став учеником святого Иакова, затем — святого Иисуса. Именно святой Иисус включил его в состав 12-ти апостолов. Отмечается, что между 44–60-ми годами Фадай жил в Парфии и проповедовал христианство. И после смерти Фадея в Парфии в Ардебиле (родина иракских туркманов) знатные семьи питали к нему симпатию и сочувствие. Поехавшие для получения христианского образования в Урфу Титиан (110–180) и Бардесан (154–222) принадлежали к парфийской знати Ардебилля. Титиан и Бардесан, верившие в единство между христианством и гностицизмом, считаются основателями сирийской религиозной литературы. Книга «Жизнь Иисуса», написанная Титианом на сирийском языке, на протяжении длительного периода воспринималась со стороны сирийцев как «Сирийская библия». Титиан и Бардесан оказали сильное влияние на Ману [3; 29].

Как бы ни были привязаны тюрки к своему традиционному Богу (Танры) и к своим обычаям, до исламской веры они сталкивались со множеством других верований, главным из которых является христианство. Начиная с самых ранних времен существования Хазарского Каганата христианство

прежде всего распространилось, и укрепилось здесь, в Арране. Сабары, проживавшие на Северном Кавказе и являвшиеся частью племени хазаров, в результате проповеднической деятельности Кардуса, представлявшего христианский Арран, в 507 г. также приняли христианство. Арранские христиане сыграли большую роль в распространении христианства среди хазаров. В итоге их напряженной миссионерской деятельности большинство хазар, проживавших в городе Версан, приняли христианство. Еще один епископат был создан в Игиле, который стал центром христианства у хазаров [13; 31]. Все это говорит о наличии здесь здоровой толерантной среды. Исследователи подчеркивают, что здесь в конце восьмого века стало распространяться ортодоксальное христианство, причем после посещения Игиля знаменитым византийским епископом Кириллом по приглашению Хазарского Каганата [5; 84].

О личности Христа. Личность Павла. Еврейские священники, недовольные деятельностью пророка Иисуса, решили вскоре убить его и обратились для этого к наместнику Палестины, расположенной тогда в Римской империи. Целью же было желание доказать, что Иисус в самом деле не был Спасителем, спасшим Израиль. Ведь поработанный человек не мог быть Спасителем. Спасителем мог быть лишь человек, спасший народ. Для достижения этих целей они вскоре объявили, что Иисуса они поймали, осудили и заклеили на кресте. Подобное изложение событий, наличие даже свидетелей основательно повлияли на христианскую традицию [6; 17], однако некоторые последователи Христа не верили в его смерть.

Некоторые утверждали, что распятие Христа на кресте видели только определенные люди — это всего лишь дань воображению. На самом же деле он не был казнен. Близкие к этим высказываниям были и другие утверждения — о том, что пророк Иисус и в самом деле не был распят, поскольку уже до этого он взшел на Небо, а на его месте казнили другого человека [7; 23]. Отметим, что во II в. н.э. с подобными рассуждениями была найдена в Египте апокрифическая библия под названием «Второй трактат великого Сифа». Во многих апокрифических евангелиях пророк Иисус был изображен как обычный, земной человек, ведущий обычный образ жизни [7; 70].

Среди тех приглашенных, сыгравших большую роль в распространении религии, был также еврей Павел (Шауль). Вначале он читал проповеди в Антиохии, затем на всем полуострове Малой Азии [8; 47]. Эта религия не сохранила своей первоначальной формы, своеобразно толковалась и представлялась в новом свете. Так, Павел понимал, что религия, созданная еврейским пророком Иисусом, представителем еврейского народа, не может оставаться в первоизданном виде и распространяться среди других народов Римской империи.

Причина заключается в том, что все эти народы обладали древней историей и культурой и не могли воспринять еврейскую культуру и стиль мышления в первоизданном виде. И потому Павел начал выступать с рядом идей, которые сам ввел в это учение. Фактически он приспособил учение Христа к греческому и римскому образу мысли. Именно он впервые стал создавать обожествленный образ Иисуса. В целом в представлении Павла после смерти Иисуса пророк предстал в образе умершего, но потом воскресшего сына Божьего, который мог очищать чужие грехи. Есть еще такой интересный факт в творчестве Павла: он считал нормальным не подчиняться еврейским законам. В этом плане исследователи считают, что настоящим основателем христианской религии стоит считать не Иисуса, а самого Павла. Из-за подобных новшеств, внесенных Павлом в религию Христа, между еврейскими христианами и Павлом произошли столкновения [9; 173]. Вместе с тем, с другой стороны, идолопоклонники-римляне хорошо восприняли идею убитого, а затем воскресшего Христа. Причина в том, что у них самих подобных верований было предостаточно. Еще с древних времен они верили в смерть и воскрешение своих богов, у которых были свои дочери и сыновья.

Впоследствии первые христиане-евреи распались на ряд сект [10; 13], в Израиле их называли назорейми. Они считали Иисуса не богом, а пророком, а Павла называли человеком, искажившим учение Христа [11; 101].

Были еще представители иудействующих христиан-эбионитов. Некоторые из них считали Иисуса человеком, родившимся от земных людей, другие же — что Иисус родился от святой Марии посредством зачатия от святого духа. Следовательно, и они не считают, что Иисус существовал всегда, а точку зрения Павла они напрочь отвергали [12; 132].

Еще одно направление — докеты; их последователи считали, что Иисус в телесном виде в этом мире не существовал. Именно поэтому он не мог воскреснуть [13; 17].

Христианство среди кыпчаков и гуннов. В XI в. в Грузии в регионе под названием Артвин-Чылвыр кыпчаки, жившие в государстве Атабеков (1155–1517) и создавшие, собственно, его,

в массовом порядке стали принимать христианство. В середине XI в. гунны, перекочевавшие из Восточной Монголии на берега Сыр-Дарьи и положившие тем самым конец государству Огуз-Ябгу, приняли несторианство [13; 29]. Все это подтверждает тот факт, что среди тюрков христианство было довольно широко распространено, в особенности следует указать на восточное христианство, которое достигло Глубинной Азии, а несторианство было принято многими тюрками. Даже есть факт о том, что один тюркок из Хорасана длительное время возглавлял несторианскую церковь.

Вне этого течения среди тюрков на севере Черного моря и вплоть до Балканов также были факты принятия христианства. Это были христиане, создавшие проблему для ортодоксальной и вслед за тем византийской церкви, т.е. представители гуннов, болгар, печенегов, узов и куман-кыпчаков.

Распространение христианской религии было высшей миссией византийской церкви и являлось составной частью политики византийского государства. Наличие тюрков на Балканах представляло угрозу для Византии. Эта страна стремилась противопоставить тюркские государства друг другу. Причем в византийской армии служило много тюркок-христиан, войска располагались на территории Анатоли и Каппадокии.

Победа в мирьякефалонском сражении Византии, в итоге которой реализовалась ее религиозная политика, в немалой степени была одержана за счет тысяч тюркок-христиан, принимавших участие в сражении на ее стороне. В то же время известно, что миссия, направленная против тюркского единства, проводилась параллельно подобной миссии, проводимой римской католической церковью. В итоге все это обеспечило распространение христианства среди тюркских племен и народов [14; 171].

В городе Александрия (Египет) известный ученый-математик Гипатия была зверски убит толпой по наущению и с участием христианского епископа Кирилла. После этого события в Европе было запрещено свободомыслие, и все были вынуждены принять христианство [15; 179].

Христианство среди сельджуков. Христианство было широко распространено среди парфийских тюрков. Еще в четвертом веке Библия была переведена на тюркский язык. Христианство из Азербайджана и Анатолии перешло и в Монголию. Сформировались группы христиан-несторийцев в Средней Азии. В развалинах Суяб, принадлежащих восьмому веку, нашли христианскую церковь и христианское кладбище. Даже Закария Казвини писал о том, что огузы, подчиняющиеся Великому сельджукскому государству, являются христианами. Заки Валиди Тоган отвергает наличие христиан среди огузов, а Аль-Бируни пишет, что в стране огузов (вокруг Сыр-Дарьи) есть отпечатки на скале рук и колен пророка Иисуса, скала же почитается как священная.

Имена сельджукских беков (Михаил, Израиль, Моисей, Иосиф) взяты из Библии [3; 29]. Естественно, в христианизации тюркских этносов на Балканах была велика роль византийской пропаганды. Традиционно вначале делалась попытка христианизации главы государства, затем уже шло массовое охристианивание широких народных масс. При этом Византия играла на противоречиях, которые существовали между тюркскими племенами. К примеру, если не ладили между собой узы и печенеги, а впоследствии и сами печенеги между собой, то византийский император Константин, взяв под свою защиту печенегского бека Кегеньи, поднявшего восстание против Печенегского Каганата, окрестил его. Вот таким способом становились христианами те, чьи предводители были крещены [16; 278].

В VII и VIII вв. вся Азия стала площадкой для распространения новых убеждений и верований. На Западе стремительно развивался ислам, на Востоке — буддизм, на севере же находило себе место несторианство и манихейство, которые вытеснялись из Ирана. В Турецком Каганате пропаганда христианства приносила незначительные плоды, поскольку тюрки свое мировоззрение возвели в ранг государственной религии. Однако распад Каганата и война, неверие в идеологию победы, стремление людей избежать кровавой бойни приводили к успешной христианизации среди населения. Карлуки и басмиллы были продолжателями тюркских родов, басмиллы приняли в свой состав остатки каганства. Именно здесь христианство имело большой успех, вплоть до двенадцатого века. Среди поколений басмилов и аргынов сохранялись традиции христианской веры. Отметим, что христианство было распространено также и среди уйгуров [17; 164]. Вместе с тем причина того, что христианство полностью не завладело этими территориями, заключается в том, что идея единого Танры, как вера, видимо, больше соответствовала укладу жизни и обычаям этих этнических групп. Видимо, этой вере больше соответствовал ислам, почему ислам и имел такой успех впоследствии.

Кыпчаки на Кавказе и христианство. Одной из тюркских групп, принявших христианство, были также кыпчаки. По числу верующих христиан группа эта была второй после мусульман. Первые христиане среди кыпчаков стали появляться на Кавказе, на севере Черного моря и на Балканах.

Источники свидетельствуют о том, что часть кыпчаков, появившись на Кавказе, приняли христианство посредством грузин, а до конца XVI в. они создали ортодоксальное государство Атабеков, куда входила и часть Восточной Анатолии, вплоть до подчинения османской власти и принятия ислама. Принятие кыпчаками, проживавшими на севере Черного моря и на Балканах, христианства продолжалось до последней четверти XI в. Кыпчаки, жившие длительное время на севере Черного моря, в период после монгольского ига под влиянием миссионеров, прибывавших к русским племенам в Крым из Дженовы и Венеции, также принимали христианство.

Часть из них, будучи уже католиками, все-таки приняли ортодоксальную христианскую веру. С другой стороны, начиная с последней четверти XI в. некоторые кыпчакские племена, осевшие на Балканах, также приняли христианство. Как уже отмечалось ранее, те из тюркских племен, которые приняли христианство, ассимилировались с окружающими народами, в отличие от племен, принявших ислам. Это встречается и у кыпчакских племен. У тех, кто не принял ислам, а принял христианство, этническая самоидентификация была утрачена. Сегодня в Венгрии, Румынии, Болгарии и Чехии живут представители тюркского этноса, которые утратили свои этнические корни [18; 183]. На сегодняшний день христианство сохранили как религию и одновременно не утратили своей идентичности чуваша и гагаузы. У гагаузов, которых насчитывается 250-300 тысяч человек, священные книги переведены на тюркский язык. У них есть верования и обычаи, отличные от христианских. Эти этнические группы сумели сохранить свои обычаи и традиции и внедрить их в христианскую веру. Чувашей около миллиона человек и они, так же как и гагаузы, сохранили элементы тюркской культуры [19; 81]. Было определено, что язык хазаров очень близок к чувашскому языку. Сегодняшний чувашский язык является представителем языков древних булгаров и хазаров [20; 35].

Выводы. Процесс христианизации тюркских этнических групп проходил на протяжении длительного времени, оказав значительное влияние на их дальнейшую судьбу. Решающим фактором здесь были внутригосударственные и межгосударственные отношения, захватнические войны, которые велись в соответствующих регионах, а также миссионерская деятельность представителей христианских конфессий, прежде всего византийских. Кроме того, имели значение уровень жизни населения, миграция и уровень образования. Борьба за влияние шла между католической, ортодоксальной и несторианской церквями.

Список литературы

- 1 Эрл Гюнгор. Тюрки в истории. — Стамбул, 1992 (на тур. яз.).
- 2 Трижарский Э. Тюрки и смерть / Э.Трижарский; пер. Хафиз Эр. — Стамбул, 2012 (на тур. яз.).
- 3 Наджаф А. Память верований / А.Наджаф. — Баку, 2014 (на азерб. яз.).
- 4 Китапчы З. Исламские верования среди северных тюркских племен / З. Китапчы. — Конья, 2005 (на тур. яз.).
- 5 Кафесоглу И. Древняя тюркская религия / И.Кафесоглу. — Анкара, 1980 (на тур. яз.).
- 6 Асалов А. Мифология / А.Асалов // Научный архив Института литературы Национальной академии наук Азербайджана, 1999 (на азерб. яз.).
- 7 Мировые религии: Энцикл. справ. — Баку, 2003 (на азерб. яз.).
- 8 Гюнай У., Гюндор Г. История турецкой религии / У.Гюнай, Г.Гюндор. — Стамбул, 1998 (на тур. яз.).
- 9 Мелетинский Е. Поэтика мифа / Е. Мелетинский. — М.: Наука, 1976.
- 10 Осмонова Н. Тенгрианство как культ, религия и идеология кочевников Центральной Азии / Н.Осмонова. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: // http://siteistok.host.net.kg/CC/vol_.
- 11 Стеблева И. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы / И.Стеблева. Тюркологический сборник. — М., 1972.
- 12 Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. респ. тип, 1999.
- 13 Бутанаев В. Культ богини Умай у хакасов / В.Бутанаев // Этнография народов Сибири. — Новосибирск: Наука, 1984.
- 14 Анзерлиоглу Ю. Караманские ортодоксальные тюрки в исторических памятниках / Ю.Анзерлиоглу // Тюркская культура и исследования Гаджи Бекташа Вели. — Анкара, 2009. — № 51 (на тур. яз.).
- 15 Ру Жан Поль. Первобытные верования тюрков и моголов / Ру Жан Поль; пер. на турецк. А.Казанджигила. — Истанбул, 1994.
- 16 Гюндор Г. Религия и верования у древних тюрков. Тюркская энциклопедия / Г.Гюндор. — Анкара: Новотурецкое изд-во, 2002. — Том 3. (на тур. яз.).

- 17 Гумилев Л. Древние тюрки / Л.Гумилев; пер. на азерб. В.Кулиева, В.Габибоглу. — Баку, 1993.
 18 Гекбель А. Социокультурные и религиозные структуры у кыпчаков. Тюркская энциклопедия / А.Гекбель. — Анкара: Новотурецкое изд-во, 2002. — Том 3. (на тур. яз.).
 19 Тюмер Г., Абдурахман К. История религий / Г.Тюмер, К.Абдурахман. — Анкара, 2002. (на тур. яз.)
 20 Бартольд В.В. Лекции по истории тюркских народов Средней Азии / В.В.Бартольд. — Анкара, 1975 (на тур. яз.).

Э.А. Бабаев

Христиан динін қабылдаған ежелгі түрік тайпалары туралы

Мақалада ежелгі түрік тайпаларымен христиан динін қабылдау үдерісінің тарихи ерекшеліктері қарастырылды. Нақты айтсақ, Орта Азиядағы христиан диннің таралуы туралы мәліметтердің IV ғасырға дейін бар болғаны анықталды. Христиан динінің өкілдерімен түріктердің байланыстары көбінесе шығыс шіркеу арқылы жүргізіліп отырды. Таралу бойынша бірінші орынды алып отырған – ортодоксалды шіркеу. Сонымен қатар несториандық та таралып отырған. Түріктер христиан динімен алғашқы рет болып Парфия жерінде (б.з.д 250–224 жж.) танысқан. Парфиялық христиан діні Исаның уағыздарына жақын болғандықтан, батыс шіркеу өкілдерімен қабылданбады. Әулие Исаның өлімінен кейін, әсіресе 70-шы жылдардан бастап, Парфий мемлекеті Римнен қудаланған несранийлік христиандарды қабылдап, оларға өз қамқоршылығын жүргізе бастады. Бұл түріктердің арасында христиан диннің жылдам таралуына себеп болды.

Кілт сөздер: ежелгі түріктер, христиан діні, шіркеу, дін, хазарлар, кыпшақтар, ортодоксалды шіркеу, несториандық.

E.A. Babayev

About the ancient Turkic tribes who adopted Christianity

The article reviews the historical features of the process of adoption of Christianity by the ancient Turkic tribes. In particular, it was determined that the spread of Christianity in Central Asia took place before the fourth century. Contacts of the Turks with the representatives of the Christian faith happened prevalently through the Eastern church. The Orthodox church was the most popular. Nestorianism's presence was strong as well. The Turks' first encounter with Christianity happened within Parthia (250–224 BC). Since the Parthian Christianity was close to accepting the revelation of Christ, it was rejected by representatives of the Western church. After the death of Saint Jesus Christ, especially since the 70s, the Parthian state began accepting Christian Nasrani tribes expelled from Rome and began to patronize them. This was the reason for the rapid spread of Christianity among the Turks.

Keywords: ancient Turks, Christianity, church, religion, Khazars, Kipchaks, orthodox church, nestorianism.

References

- 1 Erol Giunhor (1992). *Tiurki v istorii [Erol Gungor Turks in history]*. Stambul [in Turkish].
- 2 Trizharskii, E. (2012). *Tiurki i smert [Turks and death]*. (E.Hafiz, Trans.). Stambul [in Turkish].
- 3 Nadzhaf, A. (2014). *Pamiat verovanii [Memory of beliefs]*. Baku [in Azerbaijan].
- 4 Kitapchi, Z. (2005). *Islamskie verovaniia sredi severnykh tiurkskikh plemen [Islamic beliefs among the Northern Turkic tribes]*. Konya [in Turkish].
- 5 Kafesoglu, I. (1980). *Drevniaia tiurkskaia relihiia [Ancient Turkic religion]*. Ankara [in Turkish].
- 6 Asalov, A. (1999). Mifolohiia [Mythology]. *Nauchnyi arkhiv Instituta literatury Natsionalnoi akademii nauk Azerbaidzhana – Scientific archive of Institute of literature of National Academy of Sciences of Azerbaijan* [in Azerbaijan].
- 7 *Mirovye relihii [World religions]*. (2003). Baku [in Azerbaijan].
- 8 Gunai, U., Gundor, G. (1998). *Istoriia turetskoi relihii [History of Turkish religion]*. Stambul [in Turkish].
- 9 Meletinskii, E. (1976). *Poetika mifa [Poetics of myth]*. Moscow: Nauka [in Russian].
- 10 Osmonova, N. *Tenhrianstvo kak kult, relihiia i ideolohiia kochevnikov [Tengrism as a cult, religion and ideology of nomads of Central Asia]*. *siteistok. host.net. kg*. Retrieved from http://siteistok. host.net. kg/CC/vol_ [in Russian].
- 11 Stebleva, I. (1972). *K rekonstruksii drevnetiurkskoi relihiozno-mifolohicheskoi sistemy [The reconstruction drevnetyurk. relig.-mifol. system]*. Moscow [in Russian].
- 12 *Altai i Tsentralnaia Aziia: kulturno-istoricheskaiia preemstvennost [Altai and Central Asia: cultural and historical continuity]*. (1999). Gorno-Altai: Horno-Altaiaskaia respublikanskaia tipohrafiia [in Russian].

- 13 Butanaev, V. (1984). Kult bohini Umai u khakasov [Cult goddess Umay have Khakas people]. *Etnohrafiia narodov Sibiri – Ethnography of peoples of Siberia*. Novosibirsk: Nauka [in Russian].
- 14 Anzerliogly, U. (2009). Karamanskie ortodoksalnye tiurki v istoricheskikh pamiatnikakh [Karamansk Orthodox Turks in historical monuments]. *Tiurkskaia kultura i issledovaniia Hadzhi Bektasha Veli – Turkic culture and research of Haji Bektash Veli, 51*. Ankara [in Turkish].
- 15 Ru Zhan Pol. (1994). *Pervobytnye verovaniia tiurok i mogolov [Ru Zhan Pol Primitive religion of the Turks and the Mughals]*. (A. Kazandzhigila, Trans.). Istanbul [in Turkish].
- 16 Gundor, G. (2002). *Relihiia i verovaniia u drevnikh tiurok. Tiurkskaia entsiklopediia [Religion and beliefs of ancient Turks. Turkic encyclopedia]*. Ankara: Novotureckoe izdatelstvo, 3 [in Turkish].
- 17 Gumilev, L. (1993). *Drevnie tiurki [Ancient Turks]*. (V. Kuliev, V. Gabiboglu, Trans.). Baku [in Azerbaijan].
- 18 Gekbel, A. (2002). *Sotsiokulturnye i relihioznye struktury u kypchakov. Tiurkskaia entsiklopediia [Socio-cultural and religious structure of Kipchaks. Turkic encyclopedia]*. Ankara: Novotureckoe izdatelstvo, 3 [in Turkish].
- 19 Tumer, G., Abdurrahman, K. (2002). *Istoriia relihii [History of religions]*. Ankara [in Turkish].
- 20 Bartold, V.V. (1975). *Leksiii po istorii tiurkskikh narodov Srednei Azii [Lectures on the history of Turkic peoples of Central Asia]*. Ankara [in Turkish].

УДК 316.485.6

Л.И. Никовская¹, В.С. Батури²

¹Институт социологии РАН, Москва, Россия;

²Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова, Казахстан
(E-mail: baturin_vs@mail.ru)

Роль и особенности применения медиации в сфере правоотношений

Статья посвящена исследованию особенностей применения медиации в сфере правоотношений. Отмечается, что тот ажиотаж, который на сегодня поднимается вокруг нее, весьма далек от ее реальной значимости. Обращается внимание на подлинные причины возросшей востребованности применения медиации именно в сфере правоотношений. Акцент сделан на двух основных вариантах ее использования. Первый – просто как дополнительное средство к существующим формам судопроизводства, а второй – в качестве до- и внесудебного разбирательства. Россия, к примеру, при опоре на достижения конфликтологии, предпочтению отдала второму варианту. В Казахстане же, где конфликтологии пока еще не уделяется должного внимания, сфера применения медиации полностью оказалась под юрисдикцией законов. К числу медиаторов, в первую очередь, отнесены судьи, адвокаты, чья профессиональная деятельность далека от специфики деятельности медиатора. К тому же, похоже, что большинство так называемых «профессиональных» медиаторов имеют весьма смутное представление о конфликтологии как науке и том месте, которое отводится в ней медиации. В итоге делается вывод, что для сохранения мира, укрепления общественного согласия в стране при разрешении различных споров (конфликтов) более важным является не столько владение различного рода процедурными техниками, как правило, заимствованными из-за рубежа, сколько умение на научной основе не доводить жизненные ситуации до настоящих конфликтов.

Ключевые слова: конфликтология, Закон «О медиации», конфликт, институт посредничества, спор, медиация, медиатор, гуманизация уголовной политики, система правосудия.

В жизни иногда возникают ситуации, парадоксальность которых состоит в том, что большинство определений одного и того же понятия одновременно содержат в себе как бы несколько различных логических акцентов. А порождаемая вследствие этого поливариативность и многосмысленность значений данного понятия создаёт весьма устойчивую иллюзию, явно завышающую универсальность теоретической и практической значимости того, что им пытаются обозначить. Подобное, похоже, на сегодня демонстрирует собой медиация, в связи с тем ажиотажем, который складывается вокруг нее в плане оказания с ее помощью различного рода примиренческих услуг.

За сравнительно небольшой промежуток времени о медиации, являющейся всего лишь только одной из разновидностей оказания посредничества в разрешении различного рода коллизий, на которые так богата социальная жизнь, например, в Казахстане, заговорили даже как о некоем новом социальном институте. Сегодня она иногда определяется то в качестве нового правового института, то в качестве нового института гражданского общества и т.д.

Ради справедливости следует отметить, что столь повышенный интерес к медиации в ряде случаев может быть и вполне оправдан. Однако зачастую даже те, кто непосредственно способствовал привлечению к ней столь пристального внимания, равно как и те, кто уже стал причастен к медиативной деятельности, как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе, в большинстве своем, похоже, имеют весьма смутное представление о ее природе, сущности, о ее действительном потенциале, границах ее применения и т.д. Наглядным подтверждением тому может служить то раз-

личие в понимании как сущности, так и сфер непосредственного применения медиации, которое нашло отражение на практике, например, в России и Казахстане.

Ка известно, в Казахстане о медиации открыто заговорили большей частью после выхода в свет Закона «О медиации». В нем четко определена область и очерчены границы ее применения. «Сферой применения медиации являются споры (конфликты), возникающие из гражданских, трудовых, семейных и иных правоотношений с участием физических и (или) юридических лиц, а также рассматриваемые в ходе уголовного судопроизводства по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, об уголовных проступках, если иное не установлено законами Республики Казахстан, и отношения, возникающие при исполнении исполнительного производства» [1].

Важнейшей предпосылкой, определившей именно судебную сферу разрешения нарушений правоотношений, в том числе и уголовного характера, в качестве главного ориентира для ее использования послужил Указ Президента страны «О Концепции правовой политики Республики Казахстан» от 20 сентября 2002 г. В нем, в частности, отмечается, что демонстрацией отражения тенденции гуманизации уголовной политики в уголовном судопроизводстве в государстве будет более «...широкое внедрение института примирения путем расширения перечня преступлений, попадающих под возможность освобождения от уголовной ответственности через процедуру медиации, возмещения потерпевшему имущества и морального вреда, а также причиненного вреда здоровью» [2].

Здесь следует особо подчеркнуть, что появление самого данного Указа было обусловлено стремлением Казахстана соответствовать принципам правового строительства, применяемым в этой сфере в современном цивилизационном пространстве. И поэтому в плане гуманизации существующей в нем системы правосудия медиации отводилась роль своеобразной технической процедуры, помогающей обеспечению расширения возможностей именно вне- и досудебных форм урегулирования правонарушений, разрешаемых ранее только в судебном порядке. Что, собственно, и нашло свое дальнейшее подтверждение на практике.

Использование медиации в данном ее предназначении было обусловлено не только задачами, стоящими перед государством в сфере «гуманизации уголовной политики». Одновременно это явилось своеобразной упреждающей реакцией Казахстана на противодействие целому комплексу проблем, с которыми уже давно пришлось столкнуться практически всем правовым государствам, являвшимся для него образцом в деле обустройства своей собственной системы правосудия.

Общеизвестно, что в США и ряде европейских стран, относящихся к разряду правовых и демократических государств, давно зрела проблема, которая, в конце концов, приняла поистине неразрешимый характер. Ее *первопричина* состоит в том, что в правовом государстве каждый его член априори имеет право именно на судебную защиту своих прав и свобод. И это рассматривается в качестве одного из важнейших демократических завоеваний. Как следствие, в общественном сознании прочно укрепилось понимание того, что добиться утверждения справедливости можно именно только через суд.

Здесь особое внимание следует обратить на *истоки* появления самой данной первопричины. Дело в том, что правовое нормирование всех видов социальной деятельности, равно как и всех типов общественных взаимоотношений в рамках государства, в истории осуществлялось, осуществляется и, похоже, еще долго будет осуществляться в условиях доминирования только одного организационного принципа. И именно он определяет логику соотношения между такими важнейшими системообразующими понятиями любого типа правоотношений, как свобода, обязанности, права. Поскольку в обществе на протяжении всей его истории практически во всех сферах его жизни доминирует отношение дихотомии — «господство – подчинение», то наиболее востребованным оказался только один вариант их логической перевязки между собой.

Права – свобода – обязанности, так выглядит логика последовательности этой их взаимосвязи. И, как следствие, в итоге — их взаимообусловленность и взаимозависимость друг от друга. Именно вследствие данной логики в обществе в различных вариантах стала доминирующей такая система права, когда все виды свободы, ее характер, содержание и т.д. регламентируются только с помощью соответствующих законов. А рамки дозволения пользоваться всевозможными видами социальной свободы определяются только посредством того или иного набора прав, предписываемых в законодательном порядке. К примеру, право на свободу слова, свободу совести, свободу собраний и т.д.

Отсюда, *любое ограничение свободы, идущее вразрез с законом, считается противоправным. А нарушение прав является противозаконным. И все это в целом трактуется как правонарушение.*

Поэтому любое злостное, или только частичное покушение кого-либо на чьи-либо права, или любое другое деяние, реально или вероятно таящее в себе подобного рода угрозу, автоматически может быть представлено в качестве посягательства на чью-то свободу. И наоборот, ограничения кого-либо в свободе осуществления им своей индивидуальной жизнедеятельности могут трактоваться как правонарушения. На практике это означает, что любой подобный случай автоматически предполагает возможность его рассмотрения и разрешения именно только *в форме судебного* разбирательства на предмет установления степени нарушения предписаний того или иного закона.

И только государство выступает гарантом практической реализации данной возможности каждому из своих членов, предстающих в лице либо физических, либо юридических субъектов. А существующая в государстве судебная система является той единственной инстанцией, которая вправе определять любые деяния на отсутствие или наличие в них состава преступления. В случае же установления последнего судом им же, на основе соответствующего закона, виновному определяется соответствующая мера наказания.

Не вдаваясь во все тонкости осуществления правосудия, отметим только, что вся процедура судопроизводства, и по составу ее функциональных участников, и по регламенту, регулируемому ее внутренней организацией, и по срокам осуществления, и т.д., с самого начала и вплоть до вступления в силу приговора суда в отношении установленного преступника, с учетом рассмотрения всех видов соответствующих апелляций на судебные решения, четко прописаны и до предела *формализованы*. А любые попытки отступления от этого, веками отработанного процессуального священнодействия уже сами могут быть квалифицированы как противозаконные действия и тогда могут рассматриваться в качестве определенного вида правонарушения.

Поскольку в организации современной системы правоотношений государство все и вся стремится взять под юрисдикцию закона, то неисполнение закона, как известно, априорно предполагает возможность подвергнуть нарушителя определенному наказанию, вплоть до уголовного. А все это, в свою очередь, создает весьма благоприятную почву для распространения уголовного права и на сферы правоотношений, разрешение спорных ситуаций в которых может вовсе обходиться и без мер государственного принуждения. Что, в конечном итоге, создает иллюзию всевластности уголовного права.

Таким образом, в общественном сознании, особенно на постсоветском пространстве, зачастую именно уголовное право отождествляется с правом вообще, а любое правонарушение отождествляется с преступлением, заслуживающим уголовного наказания. И это не удивительно. Ведь «...выходя из недр тоталитарного общества, современное демократическое общественное сознание находится только в начале пути своего формирования, что отражается и на состоянии гражданского сознания, его амбивалентности и противоречивости» [3; 153].

Интенсификация жизни общества во всем многообразии ее проявления, особенно в условиях глобализации, неотвратимо ставила правовые государства перед все более обостряющейся проблемой. Суть последней сводится к тому, что отработанная в них система судопроизводства в связи с обвальным наплывом дел, в силу своей громоздкости и излишней заформализованности, стала испытывать значительные перегрузки. А это не могло не сказаться на снижении эффективности ее деятельности и негативно отразиться на ее имидже в целом. И выход из этой ситуации был подсказан историей зарождения и логикой функционирования самой судебной власти.

Ведь в любом судебном разбирательстве суд всегда участвует как третья сторона, в качестве своего рода посредника. А институт посредничества всей своей сутью и по истории своего происхождения, и по сферам применения, и по своему потенциалу значительно превосходит возможности любого государственного судопроизводства. Так, например, уже римляне использовали различные термины для обозначения понятия «посредник», в том числе и mediator [4].

Поэтому в сложившейся ситуации обращение к использованию альтернативных государственному судопроизводству иных форм посреднических услуг при разрешении многих спорных жизненных ситуаций оказалось весьма действенным и эффективным. Сфера применения этих услуг стала стремительно развиваться. И теперь уже сами государства стали всячески содействовать развитию различных подвидов института посредничества, подключив, например, медиацию непосредственно к сфере урегулирования даже уголовных правонарушений.

Наглядным свидетельством тому может служить появление целого ряда международных документов (Совета Европы, деклараций и резолюций ООН), рекомендующих странам внедрение медиативных технологий на практике уже даже на законодательном уровне. Так, например, в одном

из документов Совета Европы прямо указано: «Медиация в уголовных делах должна быть возможна на любой стадии уголовного судопроизводства» [5].

Несомненно, столь высокая оценка достоинств медиации во многом стала возможной благодаря и еще одному обстоятельству — теоретическим и практическим достижениям развития такой молодой науки, как конфликтология. Именно благодаря конфликтологии значительно расширилось научное представление о природе проявления конфликтности вообще и особенностях ее перерастания в действительные конфликты, что, в свою очередь, послужило надежной основой для систематизации уже имеющегося исторического опыта по оказанию посредничества при разрешении острых жизненных ситуаций. А главное, открыло широкие возможности для поиска иных, новых, научно обоснованных путей и способов управленческого воздействия и на конфликтные ситуации, и на сами конфликты во всем многообразии форм их проявления. За короткое время возник даже целый рынок оказания посреднических, примиренческих услуг, со своим спросом и предложением. И он становился реальной *альтернативой* даже существующей судебной форме разрешения жизненно важных проблем.

Несомненно, это во многом способствовало тому, что в 80-е годы прошлого века «... возникают конфликтологические центры в США и других странах мира. А в 1986 г. в Австралии по инициативе ООН создается Международный центр разрешения конфликтов. В России первый центр по разрешению конфликтов был создан в Санкт-Петербурге в начале 90-х годов [6; 12].

Вместе с расширением возможностей использования института посредничества в целом дальнейшее развитие получает и медиация. Использование ее потенциала получило даже широкое международное признание. Как видно из рекомендаций того же Совета Европы, «государства-члены все более и более стремятся использовать медиацию в уголовных делах как гибкую, доступную, нацеленную на разрешение существа конфликта и вовлечение в его разрешение сторон меру, расцениваемую в качестве дополнения к традиционному уголовному процессу или как альтернатива ему» [5].

Здесь, как видно, уже четко обозначены два конкретных варианта использования медиации. Первый — как просто дополнительное средство к традиционному существующим формам судопроизводства, а второй — даже в качестве «альтернативной меры» по отношению «к традиционному уголовному процессу».

Похоже, что именно эти два варианта и определили собой тот характер отношения и особенности практического использования медиации, которые стали характерны, к примеру, для России и Казахстана.

Россия, как показали последующие события, отдала предпочтение второму варианту. Вслед за открытием центра по разрешению конфликтов в Санкт-Петербургском государственном университете на философском факультете открывается кафедра конфликтологии. В вузах страны стали читаться курсы по данной дисциплине. Образовательная программа по конфликтологии была включена в Общероссийский классификатор специальностей образования. По этой программе подготовку бакалавров и магистров стал осуществлять целый ряд вузов России. В первую очередь, эту подготовку *стали осуществлять на философских факультетах.*

Большое значение теоретическому и практическому развитию конфликтологии в стране стали придавать на государственном уровне. К этому процессу уже с самого начала была подключена академическая наука. Создается Международная ассоциация конфликтологов, при ней — Центр конфликтологии (в прошлом — Центр конфликтологии ИСРАН и РАН). С 1991 г. стало выходить серийное издание «Социальные конфликты», с 2003 г. — ежеквартальный журнал «Конфликтология» и т.д. В стране стали проводиться Международные конгрессы конфликтологов.

В последние годы под эгидой Института социологии РАН, Исследовательского комитета по публичной политике, конфликтам и гражданскому обществу РАПН, Института «Справедливый мир», Фонда имени Фридриха Эберта и при содействии Института экономики РАН, Института проблем рынка РАН, Института США и Канады РАН регулярно проводятся Всероссийские научно-практические конференции и симпозиумы с международным участием. Они, по существу, превратились в заседания своего рода Интеллектуального Истринского клуба. Его площадка стала тем местом, где объектом рассмотрения, в контексте мирового и российского опыта, является широкий спектр проблем, связанных с глобализационным и, конечно же, конфликтным по своему характеру этапом развития современного цивилизационного пространства.

Все это в целом свидетельствует о серьезном, научно обоснованном подходе к конфликтологии в целях наиболее эффективного практического использования ее потенциала в самых различных сфе-

рах жизни современного общества. Конечно же, не все в этой сфере идет должным образом, тем не менее определенные достижения уже налицо.

Именно данный характер отношения к конфликтологии в целом, несомненно, не мог не оказать своего решающего влияния на разработку и принятие в России, к примеру, Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», где уже в первой статье четко определено, что он «разработан в целях создания правовых условий для применения в Российской Федерации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица — медиатора (процедуры медиации), содействия развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений» [7].

В законе же и определена сущность самой процедуры медиации — это «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения». Это в корне отличается от понимания сущности медиации, трактуемой в Законе «О медиации», принятом в Казахстане буквально на следующий год после того, как названный выше закон был принят в России.

На первый взгляд, это отличие является и не столь уж значительным. Оно состоит в более расширенной трактовке смысла самого понятия «медиация», достигаемой за счет употребления словосочетания «спор (конфликт)». Кстати, в рассматриваемом российском законе понятие «конфликт» не употребляется вообще.

Похоже, что поводом для казахстанских разработчиков данного закона послужила их опора на наиболее привлекательно звучащие трактовки медиации, которые создают весьма устойчивую иллюзию общепонятности того, что они обозначают. Такие, к примеру: медиация — «одна из технологий альтернативного урегулирования споров (англ. *alternative dispute resolution, ADR*) с участием третьей, нейтральной, беспристрастной, не заинтересованной в данном конфликте стороны — медиатора» [4].

Конечно же, понятия «спор» и «конфликт» далеко не однозначны. Но конфликт, зачастую, применяется в качестве своеобразного собирательного понятия, куда наряду с действительными конфликтами относят жизненные коллизии, имеющие к ним весьма далекое отношение. Этим понятием, как правило, именуют и всевозможного рода вербальные споры, и дискуссии, и межсоседские тяжбы, и т.д. Но вряд ли любое противостояние, даже демонстрирующее определенный конфликтогенный потенциал, может представлять собой действительный конфликт.

Ведь *конфликт* в его наиболее зрелой форме — это «вид *противодействия (противоборства) самостоятельных субъектов, совершающийся при полном игнорировании человеческого в другом человеке*» [8; 80].

Конечно же, подобного рода конфликты, как *противоборства*, связанные с проявлением открытого произвола, насилия, несущие угрозу жизни или причинение вреда здоровью, или посягательство на свободу, на имущество другого (других) и т.д., представляют опасность не только его непосредственным участникам. Одновременно они заключают в себе реальную угрозу существованию любого типа сообщества как целостному образованию. И тогда уже само сообщество, а в лице государства тем более, вынуждено вступать в непримиримую борьбу с ними. И не только на стадии их проявления в подобной форме. Важнее сделать все для того, чтобы не доводить любую жизненную конфликтогенную ситуацию до подобной стадии, чему, собственно, и призван служить в целом институт посредничества. Как показывает имеющийся на этот счет опыт, это можно сделать не обязательно мерами только одного государственного регулирования.

Признание законом на государственном уровне наличия альтернативы государственному судопроизводству, а значит, возможности *до-* и *внесудебного* разбирательства, реально предоставляет участникам любой жизненной коллизии возможность выбора. При этом сам ход реализации этого выбора, вплоть до принятия окончательного решения по существу спора, остается за самими его участниками.

Когда же технологии и средства посредничества применяются в качестве дополнения к традиционному судебному разбирательству правоотношений (как, например, в Казахстане), то это, несомненно, создает определенные трудности в самоопределении тех, кто хотел бы воспользоваться их возможностями. А когда, к тому же, человек встречается с ситуацией, при которой, как определено законом, «для проведения медиации в суде первой инстанции дело передается другому судье. По ходатайству сторон медиация может быть проведена судьей, в производстве которого находится

дело. Для проведения медиации в суде апелляционной инстанции дело передается, как правило, одному из судей коллегиального состава суда» [9], то шансы на его обращение к услугам медиатора вряд ли возрастут.

К тому же, согласно казахстанскому Закону «О медиации», все те, кто привлекается к деятельности медиаторов, даже на так называемой «профессиональной» основе, похоже, имеют весьма смутное представление о конфликтологии как науке и том месте, которое отводится в ней медиации как одному из видов осуществления посреднических услуг. Наглядным тому свидетельством могут служить, к примеру, «Правила прохождения обучения по программе подготовки профессиональных медиаторов в сфере урегулирования споров (конфликтов)», утвержденные на государственном уровне, появившиеся в 2011 г., вслед за выходом самого этого закона.

В частности, «Общий курс медиации», предусмотренный этими правилами, из 48 часов на изучение весьма популистски звучащей темы «Понятие и классификации конфликтов» отводит 2 часа. И из 17 тем она числится под номером 14 [10]. Отсюда и соответствующее понимание сущности и роли конфликтов, что находит свое отражение в авторских программах, по которым готовят подобного рода «профессионалов-медиаторов».

Так, например, в одной из них представление о конфликтах дано в такой сохраненной авторской редакции: «Конфликт: понятие, классификация, управления; Навыки медиатора по управлению конфликтом, структура, анализ и техники» [11]. А формирование подобного рода навыков «по управлению конфликтом» осуществляется на основе механического заимствования и копирования различного рода зарубежных методик. Но ведь медиатор обязан только помогать сторонам самостоятельно выработать определенное соглашение по выходу из конфликтной ситуации, а отнюдь не «управлять конфликтом»! И его главная цель — «помочь принятию решения за счет организации конструктивного диалога и совместной деятельности конфликтующих сторон» [12; 85]!

Не мудрено, что свидетельством личного «профессионального» приобщения к медиации тех, под чьим руководством все это происходит, выступают ни к чему не обязывающие сертификаты, а тем более их количество.

Поэтому вряд ли стоит особо удивляться тому, что отсутствие должного профессионального отношения к развитию конфликтологии в республике оборачивается таким уровнем далеко не профессионального подхода к решению важнейших жизненных проблем. А для исправления положения дел в этой сфере явно недостаточно усилий только отдельных одиночек-специалистов или энтузиастов, заинтересованных в становлении действительно профессионального сообщества медиаторов.

К сожалению, в республике в стороне от этих проблем до сих пор остается профессиональное сообщество философов, социологов, политологов, психологов. Отсюда сфера применения института посредничества, во всем многообразии форм его проявления, является излишне юридизированной, так как границы и само содержание этого применения, как правило, находятся под юрисдикцией закона. И законы в этой сфере принимаются, традиционно, по команде «сверху», без должной на то подготовки не только тех, кто должен непосредственно заниматься медиацией. Но самое главное — в полном неведении об этом находятся те, ради кого, собственно, и принимаются эти законы, не говоря уже о том, что в процессе принятия этих законов даже не возникает вопроса о необходимости прохождения ими определенной конфликтологической экспертизы. Но поскольку требования закона исполняются в режиме правового разрешения — «все, что не разрешено — запрещено», то эти законы обречены на постоянные изменения, уточнения, доработку и т.д.

Всю палитру нюансов жизни общества вряд ли можно регламентировать только при помощи государственного законодательства. Динамику социальных процессов современного цивилизационного пространства отличает ярко выраженный турбулентный характер. Она обусловлена открытым или завуалированным столкновением различного рода как личностных, так и социально детерминированных потребностей, интересов, целей, воли, идей и т.д. И задача любого государства состоит в недопущении того, чтобы эти столкновения, даже при всем их конфликтогенном потенциале, обернулись насилием, разрушением, войнами. А для этого необходима консолидация совместных усилий и государства, и институтов гражданского общества, и сообщества профессионалов. И здесь без должной опоры на научные достижения такой науки, как конфликтология вряд ли удастся обойтись.

В этой связи создание Центра профилактики социальной напряженности и медиации под эгидой Ассамблеи народа Казахстана — это не просто веление времени. Это важнейшее условие дальнейшего мирного сосуществования страны, укрепления общественного согласия между всеми его членами, независимо от их этнической принадлежности и социального статуса.

Только вот при этом важным все-таки является не столько техническая оснащенность методиками, способами и определенными навыками разрешать уже возникшие «споры (конфликты)», сколько обладать стратегическим видением и способностью не доводить любые жизненные ситуации, при всем накале бушующих в них страстей, до настоящих конфликтов.

Список литературы:

- 1 Закон Республики Казахстан «О медиации» (с изм. и доп. по состоянию на 31.10.2015 г.). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927376.
- 2 Указ Президента Республики Казахстан от 20 сентября 2002 года № 949. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: powes.ru/izdatelstvo/iurist/178-...
- 3 Никовская Л.И. Гражданское общество и гражданское сознание (ценностно-мотивационный аспект) / Л.И.Никовская // Вестн. Института социологии. — 2015. — № 12. — С. 140–155.
- 4 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Медиация.
- 5 Рекомендация № R 99-19 Комитета Министров государствам — членам Совета Европы, посвященная медиации в уголовных делах [Электронный ресурс]. — Режим доступа: pandia.ru/tekst/78/061/28407.php.
- 6 Емельянов С.М. Практикум по конфликтологии / С.М.Емельянов. — СПб.: Питер, 2005. — 400 с.
- 7 Федеральный закон от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (с изм. от 2, 23 июля 2013 г.). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: base.garant.ru/12177508.
- 8 Конфликтология XXI века // Пути и средства укрепления мира: материалы Второго Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 3-4 октября 2014 г. — СПб., 2014. — 440 с.
- 9 Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изм. от 08.04.2016 г.). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: bestprofi.com/home/document/...23.04.16.
- 10 Об утверждении Правил прохождения обучения по программе подготовки... [Электронный ресурс]. — Режим доступа: adilet.zan.kz/rus/docs/P1100000770копия.
- 11 О компании ООО «Центр медиации и альтернативного разрешения споров». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: elmediazia.kz.
- 12 Никовская Л.И. Сложносоставной конфликт как инструмент анализа трансформации и кризиса / Л.И.Никовская // Полис. Полит. Исследования. — 2009. — № 6. — С. 83–94.

Л.И. Никовская, В.С. Батурин

Құқықтық қатынастардағы медиацияны қолданудың ролі мен ерекшеліктері

Мақала құқықтық қатынастар саласында медиацияны қолдану ерекшеліктерін зерттеуге арналған. Қазіргі уақытта осы мәселенің төңірегінде болып жатқан дүрлікпе жағдайлар оның шынайы мазмұнынан әлдеқайда алыс. Авторлар нақ осы құқықтық қатынастар саласында медиацияны қолдану талабының үдеп келе жатқандығының шынайы себептеріне назар аударып отыр. Медиацияны қолдануда оның екі түрлі нұсқасына назар аударылуда. Біріншісі – сот ісінің бұрынғы түрлеріне тек қосымша құрал ретінде ғана. Екіншісі – сот қарауына дейін және сот қарауынан тыс қолданылады. Ресей, мысалы, конфликтологияның жетістіктеріне сүйену арқылы екінші нұсқаға басымдылық беріп отыр. Ал конфликтология әлі де болса толық зерттелмеген Қазақстанда медиацияның қолданылу саласы толығымен заңның құзыретіне кіріп отыр. Осыдан медиаторлардың қатарына, ең алдымен, кәсіби қызметі медиатор қызметінің ерекшелігінен алыс сот, қорғаушылар жатқызылады. Сонымен бірге «кәсіби» аталып жүрген медиаторлардың көбісінде ғылым ретіндегі конфликтология туралы және ондағы медиацияның ролі туралы түсініктері толық емес. Сонымен, қорытындылай келсек, әлемді сақтап қалу үшін, елдегі қоғамдық келісімді нығайту үшін, әртүрлі талас-тартыстарды (қақтығыстарды) шешу үшін тәртіп бойынша шет елден келген әртүрлі процедуралық техникаларды менгеру ғана маңызды емес, сондай-ақ өмірде кездесетін оқиғалар мен ахуалдарды ғылыми негізде нағыз қақтығыстарға дейін жеткізбеу шеберлігі мен іскерлігі де аса маңызды болып саналады.

Кілт сөздер: қақтығыстану, «Медиация туралы» заң, қақтығыс, келістіру институты, талас, медиация, медиатор, қылмыстық саясат гуманизациясы, әділдік жүйесі.

Role of mediation and its application features in the sphere of legal relations

The article is devoted to the study of the application features of mediation in the sphere of legal relations. It is noted that the excitement rose around it for today is very far from its real significance. Author highlights true reasons for the increased demand for the use of mediation in the sphere of legal relations. The emphasis is on two main options for its use. The first – as a simple and additional instrument to existing forms of legal proceedings. And the second – as extrajudicial and pretrial detention. For example, Russia which relied on the achievements of conflictology gave preference to the second option. In Kazakhstan, where conflictology has not yet been given due attention, the scope of mediation application has been completely under the jurisdiction of laws. Hence, the mediators are judges and lawyers whose professional activities are far from the specifics of the mediator's activity. In addition, it seems that most of the so-called «professional» mediators have a vague idea of conflictology and its meaning as a science. As a result, it is concluded that in order to preserve peace, strengthen public consent in the country, in resolving various disputes (conflicts) more important is not so much the possession of various kinds of procedural techniques mostly borrowed from abroad but a skill not to bring life situations to real conflicts on a scientific basis.

Keywords: conflictology, law «About mediation», conflict, mediation mechanisms, dispute, mediation, mediator, humanization of criminal policy, justice system.

References

- 1 Zakon Respubliki Kazakhstan «O mediatsii» [Law of the Republic of Kazakhstan «On mediation»]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927376 [in Russian].
- 2 Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 20 sentiabria 2002 hoda № 949 [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated September 20, 2002 No. 949]. *from nowes.ru*. Retrieved from [nowes.ru/izdatelstvo_iurist/178- ...](http://nowes.ru/izdatelstvo_iurist/178-...) [in Russian].
- 3 Nikovskaya, L.I. (2015). Hrazhdanskoe obshchestvo i hrazhdanskoe soznanie (tsennostno-motivatsionnyi aspekt) [Civil society and civic consciousness (value-motivational aspect)]. *Vestnik Instituta sotsiologii – Bulletin of the Institute of Sociology*, 12, 140–155 [in Russian].
- 4 *en.wikipedia.org*. Retrieved from en.wikipedia.org/wiki/Mediatrics [in Russian].
- 5 Rekomendatsiia № R 99-19 Komiteta Ministrov hosudarstvam — chlenam Soveta Evropy, posviashchennaia mediatsii v uholovnykh delakh [Recommendation No. R 99-19 Committee of Ministers to member states of the Council of Europe on mediation in criminal matters]. *pandia.ru*. Retrieved from pandia.ru/tekst/78/061/28407.php [in Russian].
- 6 Yemelyanov, S.M. (2005). *Praktikum po konfliktologii [Workshop on conflictology]*. Saint Petersburg: Piter [in Russian].
- 7 Federalnyi zakon ot 27 iulia 2010 h. N 193-FZ «Ob alternativnoi protsedure urehulirovaniia sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii)» [Federal Law of July 27, 2010 N 193-FZ «On the Alternative Procedure for the Settlement of Disputes with the Participation of the Mediator (mediation procedure)»]. *base.garant.ru*. Retrieved from base.garant.ru/1217750 [in Russian].
- 8 Konfliktologhiia XXI veka [Conflictology of the XXI century]. (2014). Proceedings from Ways and means of strengthening peace: *Vtoroi Sankt-Peterburhskii mezhdunarodnyi konhress konfliktologov. Sankt-Peterburh (3-4 oktiabria 2014 hoda) – The Second Saint Petersburg International Congress of Conflictologists. Saint Petersburg*. (440 p.). Saint Petersburg [in Russian].
- 9 Hrazhdanskii protsessualnyi kodeks Respubliki Kazakhstan [Civil Procedural Code of the Republic of Kazakhstan]. *bestprofi.com*. Retrieved from bestprofi.com/home/document/...23.04.16 [in Russian].
- 10 Ob utverzhdenii Pravil prokhozheniia obucheniia po prohramme podgotovki [On the approval of the Rules for training under the training program]. *adilet.zan.kz*. Retrieved from adilet.zan.kz/rus/docs/P110000770copy [in Russian].
- 11 O kompanii OOO «Tsentr mediatsii i alternativnogo razresheniia sporov» [About the LLC «Company Center for Mediation and Alternative Dispute Resolution»]. *elmediazia.kz*. Retrieved from elmediazia.kz [in Russian].
- 12 Nikovskaya, L.I. (2009). Slozhnosostavnoi konflikt kak instrument analiza transformatsii i krizisa [Complex conflict as a tool for analysis of transformation and crisis]. *Polis. Politicheskie issledovaniia – The policy. Political studies*, 6, 83–94 [in Russian].

B.J. Zhusupova

*Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan
(E-mail: zhusupova2013@mail.ru)*

Metamorphism in the myth-making

The article raises the problem of the essence of the main historical types of worldview - myth, religion, philosophy and science through their cognitive function. For early societies, myth and myth creation were the main and only ways of thinking and the type of ancient culture. So, the myth is primitive, undeveloped, despite the fact that all subsequent types of worldview contain religion, philosophy and science in it. However, the leitmotif of the article is the idea that even in the modern era of scientific and technological progress, humanity remains within the framework of the mythological worldview, the main attributes of which are imagination, anthropomorphism, subjectivism, relativity. According to the author's point of view, religion, philosophy and science are manifestations of metamorphism in myth-making, since in cognitive questions they are fundamentally different from the mythological worldview. And this puts the problem of the relationship between man and the surrounding world in the ontological and epistemological aspects in a new way.

Keywords: cognitive, science, human myth? Religion knowledge philosophy modernity ancient metamorphism.

Man and the world ... Man in the world ... World in man ... The world of man ... Even for the philistine such questions require a special concentration of thought, maximum imagination, certain efforts and tension in the development of their own positions and judgments. As for the special «breed», the «caste» of people, in the Indian culture called «brahmanas», in the Greek – «philosophers», in Arabic - «hakim», for which deep reflection is their main nature, the essence is not just questions, Requiring a response, but, rather, on the contrary, the installation of a new questioning as the main guide of human life.

Man and the world in which he dwells and dwells? Perhaps this is a general illusion or the Great Buddhist Void? Or is a person still in peace unable to penetrate it? This explains the Kantian question posed by him after the philosophical scandal of Hume and Berkeley and declared the main philosophical question: What can I (the person) know (about the world)? What is the essence of the worldview?

From a scientific standpoint, the worldview of mankind originated in antiquity and evolved according to the continuity of its historical types - mythology, religion, philosophy and science. There is no doubt that the criterion of such periodization is the chronological and degree of development of the rational factor of culture.

According to the majority of researchers, it was the mythological picture that initiated all the others in the spiritual history of mankind. This means that in the mythological worldview in an incomplete, embryonic state, all the following types of worldview are already such as religion, philosophy and science.

At first glance, such a judgment is quite convincing, if one does not take into account the fact that the mythological way of thinking, the mythological picture of the world is far from being solved. It is really mysterious, being covered by a «deep veil» of prescription. How much we will be able to understand what exactly reflected and expressed the myth in the life of ancient people, what was caused by its necessity and regularity, what degree of its simplicity or, on the contrary, complexity, how the myth relates to different genres and types of artistic creativity - open questions for today day. No doubt, it is these issues that led to the emergence of many original and interesting philosophical and culturological schools in the study of myth in the face of such representatives as M. Muller, E. Taylor, V. and J. Grimm, J. Fraser, M. Eliade, B. Malinovsky, E. Cassirer, K. Levi-Strauss, L. Levy-Bryull, Z. Freud, K. Jung, J. Campbell, E. Durkheim, E. Meletinsky, S. A. Tokarev and many others.

Despite the many questions posed by mythology, it is still possible to single out certain known features of the mythological worldview.

To begin with, let's compare it with a fairy tale. At first glance, the myth and the tale are even identical. They have a lot in common:

- rich imagination, imagination;
- an interesting adventure story;
- educational, instructive effect;

- artistic figurative style of presentation;
- often oral folk narration.

Children perceive myths as fairy tales and are interested in them with interest. But already intuitively, we understand that in the semantic context, the myth is more serious than fairy tales. After all, the main characters of the myth are the gods. And it shows that in myths there is one of the important questions for the first intelligent beings: who created the world? And this question sounds in the myth almost rhetorically: who? Gods ... So, in the myth already indirectly, in a hidden form there is a philosophical search for the foundations, the substance of being. True, in philosophy this question sounds somewhat different: from what the world arose? Maybe from the Spirit, and maybe from matter. However, these issues are the same order, the questions of finding the beginning of the world. Polytheism of myth eloquently speaks about the existence of higher beings over man - and this is the path to religion.

Thus, in the myth, indeed, all the types of world outlook that follow him-all religious, philosophical, even scientific, are contained.

Conclusion: myth is more serious than fairy tales, so it is the world outlook of the era, its quintessence. This is undoubtedly the first attempt of a reasonable person to understand the surrounding world order. A fairy tale is a special kind, a genre of creative creativity of a domestic, heroic or mystical character, fulfilling important social functions, but for which there is a lack of pretension to deep reflection, historical narrative, unconcealed fiction of the plot. The myth, on the other hand, is overwhelmingly historical, based on actual historical events.

As an example, we can cite the famous ancient Greek myth of the minotaur. Minotaur - half-hearted, half-human - lives in a labyrinth and punishes Athenians for their sins before the Cretan king Minos. According to one version of this famous myth, the Athenians were supposed to send seven girls and seven young men to the monster as a gift. When the turn came to Theseus, who was in love with the daughter of King Minos Ariadne, he decided to kill the minotaur. To help her beloved Ariadne gave him a magic ball of threads, through which he found a sleeping monster, fought with him, won and could safely get out of the tangled maze.

It would seem that the plot is fictional. But thanks to the excavations of the English archaeologist Arthur John Evans, who is known as a major discoverer and explorer of the Crete-Minoan civilization, many palace constructions were constructed on the island of Crete, built in the form of numerous complex labyrinths, and on the walls of these palaces - images of bulls. Hence the scientist made a logical conclusion that the idea of the labyrinth in the myth is not accidental, and the ancient Cretans, in all likelihood, considered the bull to be a totemic animal. As a result, it turns out that the myth of the minotaur was based on real historical events.

If we turn to another well-known Homers mythological story from Illyada, which tells of the capture of ancient Achaeans by Troy, until the end of the XIX century it was believed that this famous plot is the fruit of Homer's artistic fiction. But in 1870 a German traveler, an archeologist - self-taught Heinrich Schliemann unearthed an ancient fortified settlement in Asia Minor - Troy.

All this again shows that the myth is not a fairy tale, it is more serious in terms of semantic orientation. In addition to the fact that the myth indicates many real historical events transmitted in an artistic style and style, it reflects the very first type of world outlook in the history of mankind that characterizes the consciousness of an ancient person and his relation to the surrounding world, especially the natural world.

Hence the well-known conclusion about the myth. Myths are the oldest legends of various ancient peoples, representing an artistic narrative about the origin of the world, important natural and social phenomena, the mystery of the birth of man and mankind, the exploits of gods, kings and heroes, their victorious battles and bitter defeats.

In connection with the domination of the Eurocentric cultural view, which has developed in the humanities and declares the «matrix» of European culture precisely the ancient (ancient Greek, Roman) culture, ancient mythology became very popular for us. Therefore, mainly proceeding from the knowledge of ancient mythology, we shall single out the main features of the mythological consciousness.

Rich imagination, bright imagination. This brings together a myth and a fairy tale. This determines their artistic, imaginative, colorful style of presentation. If we allow a comparative analysis of the imagination of an ancient and modern man, then, for sure, it will still be brighter for an ancient person, since in the modern era of scientific and technological progress the ability to fantasize «is drained» by schematism, all-conquering rationalism, linearity of modern man's thinking.

The richness and brilliance of the imagination of ancient people were due, in the opinion of the majority of scholars, to the lack of scientific views of the world, and thus compensated for ignorance in explaining the natural processes that were frightening and at the same time admiring the first people, forcing them to worship it. Therefore, as features of the mythological worldview is ignorance of the essence of natural phenomena and processes.

But it is necessary to understand that in this matter everything is not so simple, as in modern science there are still many «white spots», «unexplained phenomena», «riddles», such as the Egyptian pyramids, statues - giants on the Chilean Easter Island, megalithic structures Stonehenge in England or a boomerang is a tool of the primitive hunter. As is known, the property of a boomerang is to return to the hunter if it does not hit the target, which is due to a special angle of curvature. If official science claims that primitive people use natural hunting tools, directly taken from nature, then, according to the same scientists, the boomerang is not ready in the finished state, it is made. And for this, complex aerodynamic calculations are required. Hence the question naturally arises: how could primitive people do all this? On this score, in modern science there are many interesting hypotheses, according to one of which primitive people visited extraterrestrial beings who «gave» a boomerang.

Therefore, if the majority of scientists claim that for the ancient people there was an ignorance of the laws of the universe and the construction of the world, inability and impossibility to explain the natural processes, and this ignorance compensated mythological thinking with its inherent vivid fantasy and imagery, then, nevertheless, there is another point of view, according to which the ancient man knew much more than we can imagine, but this knowledge was for some reason lost.

Polytheism. In mythological thinking, the idea of multiple gods, personifying various natural phenomena, natural objects, processes, as well as all kinds of human activities, character traits and many other things that surrounded a person, played an important role in his life. In the scientific and philosophical literature, in this regard, there is a widespread view that everything related to the polytheistic ideas of people is usually attributed to the mythological worldview, and the idea of monotheism (one God) - to the religious one. And this testifies to the greater development of the religious consciousness that has come to replace myth-making. The view, called Promonotheism, according to which the worldview of mankind began with the belief in one God, did not gain popularity in the scientific community. For most researchers of human history and culture, the idea is acceptable that the earliest, first historical form of the world outlook was precisely polytheism, which is a sign of mythological ideas. All ancient peoples, representatives of the first civilizations, as the facts of history show, were pagans.

Another important feature of mythological thinking, no doubt, is syncretism. *Syncretism* is a contradictory combination, the chaos of various ideas, thoughts, worldviews, reflecting the whole naturalistic vision of the world by an ancient man, his inability to «sort everything out by hand», to separate the phenomena of the surrounding world between himself and himself. Thus, myths reveal the absence of a systemic exposition, order in the comprehension of the world, the mixing of mythological, religious, philosophical and, in part, scientific notions. All of them, as if in a folded, «embryonic» state, are present in the myth first, and then necessarily arise from each other. So, in the myth, we are talking about the Gods, which makes it related to religion, the search for the initials in the person of the Gods is carried out, which brings the myth together with philosophy, and also there are some scientific principles. And all this later from the myth will be unfold.

Syncretism of mythological thinking can be traced very clearly in ancient mythology, where nature, Gods and people are in the closest relationship, there is no clear line between them. Gods personify different forces of nature. At the same time, the conceptions of the Gods are anthropomorphic, zoomorphic. People themselves are a part of this nature, the Cosmos. Hence the cult of the human body. The ancient Gods live on Olympus (on earth), among people, closely interact with them, give birth to common children (the example of Hercules is a demigod, a half-human). It is very difficult to distinguish between Gods and people, since the Gods have all human traits, including negative ones. Remember the myths about greedy, envious, cunning Gods. There is no clear «demarcation» line between man and animals (the example of the Minotaur, Centaur as a half-man, half-horse). It is this undivided, mixed, cohesive, rationally unformed, more figurative image of the world, and is syncretism.

Anthropomorphism is the humanizing of the surrounding world, the endowment with human properties and traits. Being in the «captivity» of mythological representations, the ancient person involuntarily transferred his own qualities, features to the natural world, in no way separating or distinguishing himself from it. Everything is humanized first of all by the Gods. Let's remember the ancient Gods - they are in the image of people, their bodies are athletic, because the ancient Greeks cultivated physical, natural beauty. It is no coin-

cidence that Greece became the birthplace of the Olympic Games. The cosmos, according to the ideas of the Greeks, is something harmonious, perfect, in the sense of natural perfection. Man as a particle of this Cosmos must correspond to it, possessing physically («fusus» - from the Greek «nature») a developed body. Gods as beings more perfect in relation to people, first of all, are perfect physically. Recall, an ancient sculpture, depicting the overwhelming majority of the Gods with bodies of athletic build.

Anthropomorphic myth is manifested in the number of Gods - there are as many of them as people. Among them there are major and minor, subordinate to the main. The gods possess the whole spectrum of human qualities, not excluding the negative ones (compare with religious concepts of God as a standard of perfection and ideality). There are myths about bad Gods, cruel, treacherous, etc. The following attributes of the anthropomorphism of the mythological consciousness testify to it.

Animism (from the Latin word «anima» - «soul» - the inspiration of natural forces, the endowment of the soul of the surrounding world.) Apparently, the ancient man reflected in this way: if I have a soul, then the soul has everything that surrounds me: water, and Earth, and air, and the sun, and stars, etc. There are a lot of spirits, «gods» to be reckoned with around the man, for example, the spirit of fire, the spirit of the wind, the spirit of the ocean, the spirit of light, the spirit of lightning, the spirit of war and many Others of different peoples. This ideological position echoes polytheism.

Hylozoism - the revitalization of the world around a person. The logic is the same: if I am alive, the whole nature is alive: water, wind, mountain, stars, etc. Modern people distinguish between living and non-living nature, highlighting the signs of the living: reproduction, breathing, metabolism, irritability, Selection, etc. And in the early stages of human society people, according to scientists, believed that the whole nature is alive, organic.

Further enumeration of the attributes of the mythological world view is an occupation, undoubtedly, interesting and fascinating. But the aim of our research is to raise the question of how far we have moved away from myth-making in modern life, living in the realities of the 21st century, in which science dominates in a complex intertwining with religion and philosophy. In our opinion, no fundamental break with the mythological worldview has so far occurred. Just in the depths of the ceaseless myth-making metamorphosis took place, which created religion, philosophy and science.

Religion is completely mythologized, since it retains the main mechanism of myth - religious faith and religious feeling. As for the mind, for him the world of God is fundamentally incomprehensible, being, according to I. Kant's expression, a «thing in itself», or «noumenon» - that beyond all rational knowledge. Hence: in God you can only believe. In his transcendental philosophy, the thinker who committed the Copernican revolution in the sphere of epistemology emphasizes the ontological limitations of human nature, introduces the concepts of «thing-in-itself», «antinomy», indicates the design of any knowledge by subjective forms, and, most interestingly, raises the question of the interdependence of morality and science. In the Age of Enlightenment, Immanuel Kant came to the understanding that science is the destroyer of false omniscience, but in order to realize and preserve this, honesty is required as a person's moral position. This philosophy was called by the philosopher as genuine enlightenment, which unlike naive enlightenment, on the one hand, tears a person out of traditional superstitions, and on the other, relieves optimistic hopes for the absolute strength of the theoretical mind, from the fanatical belief that reason can solve any problem Human life. And most importantly, the scientific mind did not give itself cause for such self-confidence.

The radicalism of Kant's revolution in the field of epistemology and epistemology also lies in the fact that instead of the category of «reflection» on which the entire building of classical epistemology rests, the philosopher introduces the category «imagination.» But this, as we have already explained, is an attribute of mythological consciousness and thinking.

Then there is a relevant question: How far have we moved away from mythmaking? Moreover, Kant is not the only philosopher of the New European philosophy who begins to doubt the absolute capabilities of the human mind. So F. Bacon thought in his famous theory of ghosts, D. Hume and D. Berkeley, having made a scandal in this respect in European philosophy. It is pertinent to note that such thinkers expressed such views at the peak of the classical Newton-Laplacian science, for which there is optimism about the possibilities of the human mind.

Beginning with the New Time, the problem of uncertainty is mainly attached to epistemological status. D. Hume declares the limitations of the cognitive capabilities of the subject and shows the impossibility of objective knowledge of the world in general. From the point of view of the famous Scottish philosopher - the skeptic, the world surrounding man is a complex of subjective human perceptions. Phenomena and things are a reflection of the diverse impressions of a person, and images imaged by impressions cause the birth of ide-

as that are complex and simple. The formation of simple ideas is influenced by the impressions themselves, and the formation of complex ideas is influenced by the combination of ideas. Hence, knowledge must begin with experience (D.Hume - continuer of the empirical traditions of J. Locke and J. Berkeley) as a process of obtaining personal experiences of experience. D.Hume stresses also the role of human instincts, in the process of cognition, allowing to reveal its truth.

The universal connection, the causality between the phenomena, according to D. Hume, are the results of the human «habit» of thinking this connection, in order to «discover» the cause-effect relations, which in reality do not exist objectively.

Thus, beginning with modern times, philosophical problems are rethought, overestimated, «making a bank» from ontological to epistemological and epistemological. This is often called an epistemological coup. The names of the works of the brightest representatives of modern times testify to this: «The experience of human reasoning» by J. Locke, «Rules for the guidance of the mind» by Descartes, «The new experience of the human mind» Leibniz, «The treatise on the principles of human knowledge» Berkeley, «Criticism of pure reason «Kant», A Treatise on Human Nature «Hume. The «vector» of uncertainty, skepticism in cognition shifts from an ontological to an epistemological characteristic. In other words, the uncertainty in cognition, in the opinion of a considerable number of philosophers of this period, is caused by the inability of the human mind to discover the laws of the universe.

Why did it happen? What caused such a crisis of rationalism in epistemology and epistemology? In our opinion, one of these reasons was the cherished desire of philosophers and scientists inspired by the success of the sciences to obtain an absolute Knowledge of the structure and essence of the universe, absolute World Science or Mirovest. If you extrapolate this to Indian philosophy (Vesta - knowledge, knowledge), then it actually pops up in the part that all of our suffering is from desires. In general, it happened - in the philosophy of knowledge there was a scandal, arranged by the British J. Berkeley and D. Jum. However, such optimism regarding absolutization, rationalization, total control of the world by man is clearly manifested in the establishment of a capitalist society with its rationalistic paradigm of life.

On the other hand, it seems that man is always guided by simple ideas corresponding to the logic of common sense, which paradoxically seems to border on genius (it is no coincidence that «all ingenious is simple»). And, as a rule, such simple ideas matured at the peak of the rise of human thought in order to bring them back to their own origins. Moreover, simple ideas, as a rule, are always far directed.

It is on the «crest» of the scientific progress of modern times that a very simple idea arose that the world of the existence of mankind is diverse and endless. And the instrument of his cognition - the human mind and feelings - is finite and the same for all people. Hence the question: does the person have enough time and money to know the infinite world. What are the possibilities of human feelings and reason? What is intuition? What is instinct? And anyway, who is this person? What is its nature?

One of the first to think about this is Rene Descartes, even more vividly expresses such a strategy David Hume in the Treatise on Human Nature: «Undoubtedly, all sciences are more or less related to human nature and that, however remote from the latter Some of them appeared, they nevertheless return to it one way or another. Even mathematics, natural philosophy and natural religion depend to a certain extent on the science of man, because they are the subject of people's knowledge and the latter judge them with the help of their strengths and abilities» [1; 49].

Hume proposed the original concept of the «mixed image of man»: man is

1. the entity is reasonable,
2. public property,
3. an active entity that manifests itself in various activities.

«So», concludes Hume, «nature apparently indicated to humankind a mixed way of life as the most suitable for him, secretly warning people of excessive infatuation with every single inclination in order to avoid losing the ability to engage in other activities and entertainments» [1; 54].

The «mixed way of life» of a person is manifested in his versatile activity, in his versatile nature, and therefore it is impossible and unambiguous to interpret it unequivocally. It is unrealistic and even inhuman to go too far in calling for the improvement of the human mind, for social activity, for moral renewal, since human capabilities and powers are limited. In the interpretation of human essence, a certain amount of skepticism is necessary.

Hume's epistemology is based on this very skepticism. Continuing it, the philosopher concludes that if it is impossible to establish objective causality, the inferences obtained in the process of induction or deduction are probably reliable and unreliable. The criterion of their truth is a scientific experiment, which, as

mentioned above, tests not the objective relationship of phenomena, but the relationship between ideas. In other words, the position of epistemological uncertainty in Hume's concept is due to his skepticism with regard to the role of reason in the cognitive process. Hume believes that our knowledge is conditioned by experience and habits that do not include thought processes, since experience is a false intelligence, and ordinary knowledge is the result of the absence of reason. In his book *On Knowledge*, D.Yum writes: «... we completely undermine the authority of human cognition. Thus, we have only the choice between false intelligence and the absence of reason in general» [1; 58].

Another English philosopher, empiricist J. Berkeley, asserts solipsistically about the illusory and immateriality of the cognized world.

Kant's doctrine that the mind has its own boundaries, denies the skeptical agnosticism of D.Hume, but at the same time destroys the scientist's scholarly audacity, his unreasonable claims to prophesy and the management of people. «What can I know? - this question for the philosopher had not only a methodological, but above all an ethical component, which keeps scientists from scientific self-conceit». That temperament, as well as talent, «wrote Kant in the *Critique of Pure Reason*, «need some relations in discipline, and everyone will readily agree with this. But the idea that the mind, which, in fact, must prescribe its discipline to all other aspirations, itself needs more discipline, can, of course, seem strange; And in fact, he still avoided such humiliation precisely because, seeing the solemnity and serious bearing with which he speaks, no one suspected that he was frivolously playing with imaginative creations instead of concepts and with words instead of things» [2; 113].

The triumph of the human mind in the age of the Enlightenment led to the fact that even universal regulators of human behavior were scientifically built in situations of human choice. Kant especially opposed the scientific attempts to prove the existence of God and the immortality of the soul, which was practiced not only by theologians, but also by philosophers (recall Descartes). According to Kant, these justifications can not be not only demonstrative, but also lead to antinomies - uncertainties-insolubilities.

The crisis of rationalism is at the end of the XIX-beginning of the XX century and especially at the end of the twentieth century. This is already in the twentieth century, the famous philosopher M. Mamardashvili wrote that «the evolution of philosophy occurs when something is really disturbed in this conquered bliss, in this ontological rootedness of man. This is evidenced, in particular, by the development in the twentieth century of the idea of physical uncertainty, statistical research methods, monstrous development, the strengthening of the symbolic side of modern physical theory, the appearance in it of an increasing number of concepts that can not be given visual physical significance. And as a result, a person begins to feel that he is dealing with a world that almost excludes the very possibility of his understanding. And from here - on the surface of public consciousness, the idea of a crisis of physics appears, that physics has become allegedly «inhuman». And the question arises (in any case, in the vein of this issue there is a rethinking): and is there a ready world of laws and predestined essences? [3; 59].

Immanuel Kant was one of the first to call the question of cognition of the world the main philosophical question, the cornerstone, methodological, in the degree of depth and importance superior to the ontological one. Having put forward his famous questions, he is known to have committed the Copernican revolution in the pre-Kantian dogmatic philosophy, which he called even «despotic» before the rise of skepticism [4]. What can I know? Hence: what should I do? And in the end: what can I hope for? And by and large: what is a person? And these Kantian questions - as a return to the great Socrates: «Know yourself!».

In the Preface to his famous work *Critique of Pure Reason*, Kant writes: «I mean by this not the criticism of books and systems, but the criticism of the ability of the mind in general with respect to all knowledge to which it can strive independently of all experience, therefore, the solution of the question The possibility or impossibility of metaphysics in general, and the determination of sources, as well as the scope and boundaries of metaphysics on the basis of principles» [4]. «Thus, it turns out that ontology-gnoseology in the dilemma of the concept «ontological» and «epistemological», on the one hand, shows ambivalence, but on the other, however, the primacy of the epistemological exists. And in this connection an equally important aspect emerges in the epistemological problems: the development of cognitive methodology». In other words, what are the faculties and limits of the human mind (understanding) beyond the boundaries of which is the world in which man lives? How to know the world given to us through our sensations? How to know the world, framed by our reason?

So, how far the world has progressed in matters of gaining knowledge about the world. The situation is familiar. An ancient and civilized man ... What distinguishes them? What does it have in common? There are questions about the world order. But, strangely enough, the answers are also related. Myths are born ...

References

- 1 Юм Д. Трактат о человеческой природе / Д. Юм // Собрание сочинений: в 2 т. — Т. 1. — М.: Мысль, 1996. — 744 с.
- 2 Кант И. Критика чистого разума. Предисловие к первому изданию / И. Кант // Собрание сочинений: в 6 т. — Т. 3. — М.: Мысль, 1966. — 742 с.
- 3 Мамардашвили М.К. Введение в философию из книги «Философские чтения» / М.К. Мамардашвили. — СПб.: Азбука-классика, 2002. — 832 с.
- 4 Жусупова Б.Ж. Диалектический синтез в методологии научного познания / Б.Ж. Жусупова // Междунар. журн. экспериментального образования. — 2016. — № 7. — С. 106–110.

Б.Ж. Жүсіпова

Миф шығармашылығындағы өзгерістер

Мақалада когнитивті қызмет арқылы дүниеқозқарастың негізгі тарихи түрлерінің мәселесіндегі мәні көтерілді — мифтің, діннің, фәлсафа мен ғылымның. Көне қоғамда миф, миф шығармашылығы ойлаудың басты, жалғыз ғана құралы және ежелгі мәдениеттің түрі ретінде болған. Сондықтан миф қарапайым, дамымаған, бірақ, бұған қарамастан, оның ішінде бүктелген жағдайда дүниеқозқарастың кезектегі түрлері жатыр — дін, фәлсафа және ғылым. Дегенмен, мақаланың өзегін келесі түрде көруге болады: қазіргі кезде ғылыми-техникалық прогресіндегі адамзат дәл мифологиялық көзқарастың (қиял, антропоморфизм, субъективизм, қатыстылық) шеңберінде қалып отыр. Автордың көзқарасы бойынша, дін, фәлсафа және ғылым миф шығармашылығындағы өзгеріс көрсеткіші ретінде есептеледі, себебі когнитивті мәселелерде негізінде мифологиялық көзқарастардан айырмашылығы жоқ. Сонымен, бұның бәрі онтологиялық және гносеологиялық қырларындағы адам мен қоршаған әлем арақатынас мәселесін жаңаша қояды.

Кілт сөздер: когнитивтік, ғылым, адам, миф, дін, танып білу, фәлсафа, қазіргі заман, ежелгі заман, өзгеріс.

Б.Ж. Жусупова

Метаморфизм в мифотворчестве

В статье поднимается проблема сущности основных исторических типов мировоззрения – мифа, религии, философии и науки через их когнитивную функцию. Для ранних обществ миф, мифотворчество были главными и единственными способами мышления и типом древней культуры, а значит, миф примитивен, неразвит, несмотря на то, что в нем в свернутом состоянии содержатся все последующие типы мировоззрения, как-то: религия, философия и наука. Однако лейтмотивом статьи является мысль о том, что даже в современную эпоху научно-технического прогресса человечество остается в рамках именно мифологического мировоззрения, главными атрибутами которого являются воображение, антропоморфизм, субъективизм, относительность. Согласно точке зрения автора, религия, философия и наука являются проявлениями метаморфизма в мифотворчестве, так как в когнитивных вопросах принципиально от мифологического мировоззрения не отличаются. И это по-новому ставит проблему взаимоотношения человека и окружающего мира в онтологическом и гносеологическом аспектах.

Ключевые слова: когнитивный, наука, человек, миф, религия, познание, философия, современность, древность, метаморфизм.

References

- 1 Hume, D. (1996). Traktat o chelovecheskoi prirode [A Treatise of Human Nature]. *Sbornik sochineni – Collection of essays*. (Vol. 1-2; Vol. 1). Moscow: Mysl [in Russian].
- 2 Kant, I. (1966). Kritika chistoho razuma. Predislovie k pervomu izdaniiu [Critique of Pure Reason. Preface to the first edition]. *Sbornik sochineni – Collection of essays*. (Vol. 1-6; Vol. 3). Moscow: Mysl [in Russian].
- 3 Mamardashvili, M.K. (2002). *Vvedenie v filosofiiu iz knigi «Filosofskie chteniia» [Introduction to the philosophy of the book «Philosophical reading»]*. Saint Petersburg: Azbuka-Klassika [in Russian].
- 4 Zhupupova, B.Zh. (2016). Dialekticheskii sintez v metodologii nauchnogo poznaniia [Dialectical synthesis in the methodology of scientific knowledge]. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimentalnogo obrazovaniia – International Journal of Experimental Education*, 7, 106–110 [in Russian].

P.P. Soloshchenko, B.K. Dyussalinova, S.G. Karakonissova

*Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan
(E-mail: p_soloschenk@mail.ru)*

The philosophical interpretation of time in the context of acmeological research

The article reveals the importance of philosophical interpretation of time for acmeological research. The significance of this topic is determined by the interest of modern society in creating the conditions for a full development of the person. The article confirms the need for a full use of philosophical methodology of studying time category to determine the subjective and objective factors affecting the achievement of «acme» by a person himself. The interaction of philosophy and Acmeology allows putting new questions concerning the nature and essence of time both as an attribute of human activity and as a phenomenon of human consciousness.

Keywords: time, time rhythms, activity, social activity, philosophical reflection, acmeology.

Modern Acmeology is a science that is located at the intersection of natural and social sciences and humanities. As Acmeology is a young science, so it seeks to synthesize the research results obtained in already existing sciences related to human development in the stage of maturity and, especially, in achieving the highest level in this development by himself. The maturity of a person and its acme achieved in the adulthood is «a multidimensional constellation of different human characteristics, which covers a significant stage of his life and always shows how he established himself as an individual person and as an actor as well. However, it is never a static form and, on the contrary, is different with more or less variability» [1; 10]. Human status of maturity does not occur suddenly and immediately on him. All previous human life works and not only his natural predisposition but the conditions of his physical and spiritual upbringing and socialization in its various aspects as well. Therefore, thinking about the optimal human development in all its major capacities, Ananiev B. G. who was one of the founders of Acmeology, «set a task not only to Psychology, but also to the whole human study (and to society as a whole) to develop such a strategy of the organization of every person's life, its substantive content and methods of instrumentation, the implementation of which would allow him to objectify himself successfully in the maturity stage in all respects» [1; 10].

During acmeological research conducted by B.G.Ananiev and his disciples, it was found that the mixed story of human development characteristics in the adulthood stage is not an obstacle to the fact that person's activity and his both external and internal activities as an individual and as a subject would in the end take a man out to the highest level of his development and reaching the top in it. The higher, more many-sided and richer his top is, the more socially important his doings and innovatively original the results of his activities are in getting acme. The achievement of acme depends on the «history» of human development, his previous adulthood and, at last, on the nature of those microacme, to the level of which he raised in this «history» from early childhood.

Making sense of all accumulated when studying the adult men and noting a rather frequent underdevelopment of the qualities needed for a person to establish himself as a bright personality and extraordinary subjects of knowledge, communication and labor, B.G.Ananiev formulated the main task which is to solve the new branch of human study - Acmeology. «While using a comprehensive and systematic approach in the study of the phenomenology laws and mechanisms of development, it must determine objective and subjective factors and conditions in the dynamics and in the relationship with each other necessary for each mentally and physically normal person to establish himself at the stage of his adulthood as a worthy citizen of his country in the capacities of its defender, spouse, parent, and top-class professional in his chosen field of work» [1; 11].

Thus, it becomes clear why one of the most advanced branches of philosophical and acmeological research is the study of time category as «the human development space» [2; 147] and «the space capacity-building activities of the subject» [3; 104]. It should be noted that if the study of time as a universal attributional properties of existence, forms of natural and social, material and productive, historical and cultural existence got enough development in philosophy, while the time in the context of a particular human being, life personality and personal consciousness about his mission and calling just begin constitute itself into a philosophical discourse.

The interaction of Acmeology and philosophy allows to put new questions as to how the individual time should be considered as a development of the specific nature of a particular subject or it should be attributed to the objective characteristics according to the subject-object relationship. The solution of these issues suggests the study of individual time categories, which is determined both as a human motivation and his activities. Time phenomenon is newly correlated with the problem of consciousness. How do we realize the time; what is the source of our ideas of the time; what is the ratio of the present, past and future in the human mind; whether an individual is able to control the time of his vital activity deliberately?

The relevance of the study of these issues is determined by the fact that the need for profound social changes in our country highlights the problem of human social activity and his responsibility for the results of his activities. A conscious attitude towards the time as the individual and social resources of the development becomes an essential requirement of social practice. Moreover, instability and ambiguity of the processes occurring both in our and planetary society, actualizes the problems of social time by the social subject in their minds on the basis of his historical and cultural experience. Ultimately, it is the factor of time that in the conditions of the constant increase of social development's pace becomes largely a key point in searching the new ways of human history and which are possible on the basis of advanced situational issues of present social and political, spiritual and moral development of human and society [See.: 4; 11-16].

The decisive role in the formation of social relations belongs to the autonomous subjects or conscious subjects of social, cultural and historical creativity. Only they can ultimately be the engines and real creators of time. And, on the other hand, only they can be a real obstacle in mastering themselves as a creative principle which builds objective social and cultural forms of human existence. Today, the degree of personal readiness to be independent and responsible subject of the individual and social activities that is able to control and direct an objective process of historical development is extremely important. The ability to be a conscious creator of one's own life is shown in a person's ability to coordinate temporal rhythms of natural, social and existential being. It requires to refuse forms of life that have lost its effectiveness, to redirect one's actions and behavior according to new ideas about the goals and objectives of individual and social life, or to restore the principles of one's life purpose violated by a man himself.

Realization of oneself as an independent and responsible personality is the aspiration towards autonomic beginning of all from all of one's own being as from reasonably assimilated reasons. This is the beginning of personality's separation and the opposition of his strength to the strength of people around. As a result, this consciousness sets a new drive to the universal transformation. The essence of the process is in creating a new development of general steps of the world in the centre which is defined by consciousness. In this regard, special mind corresponds to each action which is effective for this action. Therefore, cognition begins when the person enters into an uncertain situation. And the mind is formed as the ability to refer current knowledge to each time «unique, unintended, unexpected and individual chapters of accident» [5; 25].

We constantly affect the time and its modification through conscious activity. That is the wisdom of our actions. It must be understood not as there is no time outside of our consciousness and, therefore, time is a subjective form of consciousness. We say that time is created by conscious beings in that only where there is a separate individualized action we can speak about the duration of the existence of something. Where there is no separate action, there is no individual and, therefore, only a common process lasts. But a separate and isolated action exists only where there is a consciousness that distinguishes it from universal action. In this case, there is a subject of the action separated by this consciousness and corresponding time created by him. If there is no consciousness, there is only a single undifferentiated action around the world. There is no separate temporal existence but there is total force of the world expressed in a uniform passing of time of the whole world.

We find the same division in each operating system. As certain elements of the system are conscious subjects, so they create their own time. Part of time of the system is subject to them in the form of the dependent events' sequences. The rest of the system's time is compulsory for members of the system, because it is imposed externally, or is the result of external mechanical resultant not coordinated their work for each member. Accordingly, we have internal and external under its control or forced time for each member of the system. It is possible to watch their distinction for a man as a living element. For me, there is a time that fascinates me irresistibly and is, as a resultant of all the forces of the world acting on the earth and in the solar system. As such a resultant, time is a consequence of forces not depending on me and, therefore, it becomes compulsory for me and other beings which are in the same conditions. It is perceived by me and other participants of this interaction as an irresistible force, because it precisely depends not on my efforts only but on the totality of forces acting in the world. This is the basis for the generality of time for members of the same

system and a characteristic of its supraindividual property. It looks like it takes everybody in its stream. But in parallel with it, there is another time that depends on us. In the sphere of my own action, I have the ability to choose and I can create a certain sequence of events according to my values and in a limited branch. This ability to change attitudes of things gives me the opportunity to control time, because it is nothing more than the order of these relations for us. The time arising inside of me is imposed but it is my own time and, accordingly, is within my consciousness.

The first level of human consciousness is psychological time. It is a system of conscious and unconscious physiological rhythms associated with natural forms of time, as well as temporal characteristics of mental activity. Biological and psychic rhythms are synthesized in this structure: rhythm of cell functioning, sequence of perceptual processes, diurnal rhythm of the organism, rate of individual development of the body, continuous psychological self-identification. The inclusion of these real biopsychic time parameters in the conscious management of individual life's process will allow increasing the lifetime, reducing the risk of susceptibility to stressful conditions and using the physiological capabilities of the organism with the maximum degree of expediency. Temporal social demands often come into conflict with natural rates and person's pace as a psychophysical system. In other words, natural human velocities and, first of all, socially given requirements towards the time of socially necessary labor are faced in activities and often come into conflict. However, this contradiction is «taken» not only at social but at individual and psychological level as well. Psychic activity, self-regulation and regulation of practical actions while gradually generalizing, get the character of an ideal activity, that is, intellectual modeling practical activity. An ideal activity is built in mental, individual self-organization and when improving, becomes a theoretical method for the implementation of practical activities, which primarily leads to saving time spent on work that is determined by external necessity [See.: 6; 127, 128].

The second level is connected with the formation and development of the individual's life position in the overall complex process of individual's socialization and the realization of the world around by him and his place in it. Personal time is connected with social and historical time and provides interpenetration of temporal parameters of subjective activity and rhythms of culture and society. Personal time turns out to be just as social as social time, that is, personal, as history «is not the field where the human existence is but the most fundamental condition and way of getting and realization of his essence» [7; 43]. At this level, there is a contradiction between the objective, socially required, normative time and time of the personal idea of what is due. Here again we draw our attention to the ability of consciousness to control time. Consciousness integrates the ability of psyche to reflect time including the experience of time, its own dynamic features and, finally, its ability to regulate activities in time. This ability of consciousness (integrating all mechanisms and temporal features of psyche) becomes the basis of the personal level of regulation and organization of time. The personal ability of the organization of time arises as a synthesis of situational temporal possibilities of psyche and, first of all, as a synthesis of temporal regulation of activity. Personality as a subject of activity regulates the time of its implementation coordinating it with the time of its mental processes (thinking, memory), states (sleep, wakefulness, tiredness, efficiency, etc.), its temperamental nature and age (specificity adolescence or old age), the level of personal goals and aspirations and the level of ideal models and programs.

A person with a high level of conscious motivation sets time, speed of activities' implementation by himself starting from movements to the daily, weekly work and mode, etc. At each moment of activity the personality sets a certain sequence of operations in time, shows the ability to concentrate maximum efforts, stresses at a decisive moment of activity, the ability to hold the aim in a strong-willed manner delayed in time and abstracting from situational short-term stimulation, the ability to set individually comfortable and objectively required activity's tempo. Consciousness, solving the problem of regulation time matches the mental processes and state with temporary-target activity center (approximately or simultaneously including the mechanisms of memory, thinking, perception) and coordinates the objective and subjective speed in space activities. Personality is a subject not only of the time and space continuum of activity, but also a subject of increasing efficiency, capacity and intensity of his activity. If the psyche structures activities into a particular time continuum which has a beginning, length, speed and completion, then a person structures his life in his own way by placing a certain occupation, activities, events into a lifetime, giving the required time on it objectively and subjectively and maintaining a creative attitude towards the labor throughout life [See.: 8; 144-150].

The third level of human consciousness' time is the existential form of time expressing perception of time series and rhythms of its own existence. The experience of uniqueness and inherent value of human ex-

istence comes in this form of time in conjunction with the problem of human life's finiteness, belonging to supra and introduction to the transindividual. It is time that is up to a man, as a man, in the end, is a becoming (opening) being «towering and deepening the trinity: beginnings – reality – prospects» where time turns into a «miracle of a man opening himself to everything from the outside of himself» [9; 182, 183]. Finding of oneself in a time perspective is the main purpose of human existence. Heidegger M. says about it: «Only because presence is defined as temporality, it makes for itself possible the indicated ability be the whole in the determination to stand up. The temporality is revealed as a sense of self-care» [10; 326].

The existential level of human consciousness' time finds itself in the process of mastering time culture by the individual. «That is why the person is not only there but also preserves himself only in the constant expansion of his activity, in expanding the scope of his relationship with other people and things. These relations are mediating» [11; 235]. Thus, the conscious time management by each individual becomes a necessary prospect of changes in social relations limiting the individual time infinity with space frames of present social conditions. The significance of social progress is in «the transformation of every living human into a personality» [11; 236] who develops comprehensively and harmoniously due to the ability drawn from the very childhood to determine the path of his life and the ability «to find his own (human) time in social (someone else's) space» [9; 181].

Thus, the modern philosophical idea of time is directly connected with the type of behavior, lifestyle, time advance in the hierarchy of life values. Only creative activity aimed at ensuring a better future, fills a person's time with real events and provides joy in the present and the importance of the past. The realization of this phenomenon becomes the basis for creating the personality's culture irreducible to the possession of knowledge, external forms of behavior and work activities. The effective and practical manifestation of the need for perception of time finding oneself in the world comes to the fore in the structure of person's value system. «A man who didn't crush a real life with total «image» of absolute correctness and guaranteed substantiality, is actually met every day with a different universe, which is inexhaustible and incomplete by no being» [12; 172]. The man doesn't just realize and evaluate the most complex spectrum of time when carrying out his activity that transforms the world (from natural and biological rhythms through the time of personal existence and to the time of history and culture) but also develops his own time of «becoming subjectivity». «This becoming and incomplete self-formability is the normal state of man!» [12; 173]. It is important to direct immediately all the efforts of social and humanitarian thought, especially its pedagogical component, to the upbringing of «creative and authorial participation of a man in the history and in the universal evolution in general» [12; 176].

The search for new variants of time management by conscious human efforts should be sought, in our opinion, in social activity oriented to the following points of philosophical conceptualization, proposed by Batishchev G. S.: a) be humanitarily adequate, i.e. facing the multidimensional complexity of the human subjective world without harming it with its schematism or «the monism of substantive ordering»; b) be pedagogically adequate, i.e. realizing incomplete human essential formation and perfection; c) be environmentally appropriate, i.e. responding radically and self-critically to the challenge of a global environmental threat; d) be axiologically adequate, i.e. to contain in itself and direct man's search for his universal purpose in the Universe as a co-worker of comogenesis, his boundless and inexhaustible objective dialectics» [13; 318, 319].

Thus, time goes to us not as an external objectivity towards the person but as a subject-object phenomenon, as a connection of our consciousness with the external world which helps us, with some measure of completeness, to explain to ourselves the processes which happen in nature and society and to orient oneself in them. The man and his consciousness is an essential component of the phenomenon of time which should be taken into account in the most careful way in all ongoing and planned social transformations.

References

- 1 Бодалев А.А. Б.Г. Ананьев и его теория вчера, сегодня, завтра / А.А.Бодалев // Акмеология. — 2007. — № 3. — С. 5–12.
- 2 Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль // К.Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1960. — Т. 16. — С. 101–155.
- 3 Батулин В.С. Свободное время как основа формирования человеческого капитала / В.С.Батулин, Э.Г. Шуматов // Вестн. Караганд. ун-та. Сер. История. Философия. — 2011. — № 2(62). — С. 98–106.
- 4 Капица С.П. Об ускорении исторического времени / С.П. Капица // Новая и новейшая история. — 2004. — № 6. — С. 3–16.

- 5 Ильенков Э.В. *Философия и молодость* / Э.В. Ильенков // *Философия и культура*. — М.: Политиздат, 1991. — С. 18–30.
- 6 Головаха Е.И. *Психологическое время личности* / Е.И. Головаха, А.А. Кроник. — Киев: Наук. думка, 1984.
- 7 Алексина Т.А. *Нравственный смысл жизни в аспекте личностного времени* / Т.А. Алексина, А.П. Донченко // *Философские науки*. — 1985. — № 3. — С. 42–49.
- 8 Леонтьев А.Н. *Деятельность. Сознание. Личность* / А.Н. Леонтьев. — М.: Политиздат, 1975.
- 9 Колумбаев Б.Е. *Третий человек: поиск, установление, преодоление человеческого в человеке* / Б.Е. Колумбаев. — Алма-Ата: Казахстан, 1992.
- 10 Хайдеггер М. *Бытие и время* / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Библихина. — М.: Ad Marginem, 1997.
- 11 Ильенков Э.В. *Что же такое личность?* / Э.В. Ильенков // *С чего начинается личность*. — М.: Политиздат, 1979. — С. 183–237.
- 12 Батищев Г.С. *Деятельностный подход в плену субстанциализма* / Г.С. Батищев // *Деятельность: теории, методология, проблемы*. — М.: Политиздат, 1990. — С. 169–176.
- 13 Батищев Г.С. *Не деянием одним жив человек* / Г.С. Батищев // *Деятельность: теории, методология, проблемы*. — М.: Политиздат, 1990. — С. 317–329.

П.П. Солощенко, Б.К. Дюсалинова, С.Г. Караконисова

Акмеологиялық зерттеулер шеңберіндегі уақыттың философиялық пайымдалуы

Мақалада акмеологиялық зерттеулер үшін уақыттың философиялық түсінігі ашылды. Бұл тақырыптың өзектілігі қазіргі қоғамдағы адамның толыққанды дамуына жағдай жасау қызығушылығымен белгіленеді. Мақалада адамға өзінің «акме» сатысына жетуге ықпал жасайтын субъективті және объективті факторларды білу үшін уақыт категориясын зерттеуде философиялық әдіснаманы жан-жақты қолдану керектігі туралы айтылды. Философия және акмеологияның өзара ынтымақтастығы адам қызметінің атрибуты ретінде де, адам санасының феномені ретінде де уақыттың табиғаты мен мәні туралы жаңа сұрақтарды қоюға мүмкіндік берді.

Кілт сөздер: уақыт, уақыт ырғағы, белсенділік, әлеуметтік белсенділік, философиялық рефлексия, акмеология.

П.П. Солощенко, Б.К. Дюсалинова, С.Г. Караконисова

Философская интерпретация времени в контексте акмеологических исследований

В статье раскрывается значение философского понимания времени для акмеологических исследований. Актуальность данной темы определяется заинтересованностью современного общества в создании условий для полноценного развития человека. В статье утверждается необходимость всестороннего использования философской методологии изучения категории времени для выяснения субъективных и объективных факторов, влияющих на достижение человеком своего «акме». Сотрудничество философии и акмеологии позволяет поставить новые вопросы относительно природы и сущности времени и как атрибута человеческой деятельности, и как феномена человеческого сознания.

Ключевые слова: время, ритмы времени, активность, социальная активность, философская рефлексия, акмеология.

References

- 1 Bodalev, A.A. (2007). B.G. Ananiev i eho teoriia vchera, sehodnia, zavtra [B.G. Ananiev and his theory yesterday, today and tomorrow]. *Akmeolohiia – Acmeology*, 3, 5–12 [in Russian].
- 2 Marx, K. & Engels, F. (1960). *Zarabotnaia plata, tsena i pribyl* [The wage, price and profit]. (2d ed., Vol. 16). Moscow: Politizdat [in Russian].
- 3 Baturin, V.S. & Shumatov, E.G. (2011). Svobodnoe vremia kak osnova formirovaniia chelovecheskoho kapitala [Free time as the basis of human capital formation]. *Vestnik Karahandinskoho universiteta. Seriia Istoriia. Filosofiiia – Vestnik of the Karaganda University. History. Philosophy*, 2(62), 98–106 [in Russian].
- 4 Kapitsa, S.P. (2004). Ob uskorenii istoricheskoho vremeni [The acceleration of historical time]. *Novaia i noveishaia istoriia – Modern and Contemporary History*, 6, 3–16 [in Russian].
- 5 Pyenkov, E.V. (1991). *Filosofiiia i molodost* [Philosophy and youth]. *Filosofiiia i kultura – Philosophy and culture*, 18–30. Moscow: Politizdat [in Russian].
- 6 Golovakha, E.I., Kronik, A.A. (1984). *Psikholohicheskoe vremia lichnosti* [Psychological time of personality]. Kiev: Naukova Dumka [in Russian].

- 7 Alexina, T.A., Donchenko, A.P. (1985). Nravstvennyi smysl zhizni v aspekte lichnostnogo vremeni [The moral meaning of life in a personal aspect of time]. *Filosofskie nauki – Philosophical sciences*, 3, 42–49 [in Russian].
- 8 Leontiev, A.N. (1975). *Deiatelnost. Soznanie. Lichnost [Activities. Consciousness. Personality]*. Moscow: Politizdat [in Russian].
- 9 Columbayev, B.E. (1992). *Tretii chelovek: poisk, ustanovlenie, preodolenie chelovecheskoho v cheloveke [The Third Man: search, setting, overcoming of human in human]*. Alma-Ata: Kazakhstan [in Russian].
- 10 Heidegger, M. (1997). *Bytie i vremia [Being and time]*. (B.B.Bibikhina, Trans.). Moscow: Ad Marginem [in Russian].
- 11 Ilyenkov, E.V. (1979). Chto zhe takoe lichnost? [What is personality?]. *S cheho nachinaetsia lichnost – Where a person starts from*. Moscow: Politizdat [in Russian].
- 12 Batishchev, G.S. (1990). Deiatelnostnyi podkhod v plenu substantzializma [Activity approach in substantialism]. *Deiatelnost: teorii, metodologii, problemy – Activity: theory, methodology, problems*. Moscow: Politizdat [in Russian].
- 13 Batishchev, G.S. (1990). Ne deianiem odnim zhiv chelovek [A man is alive not only due to his act]. *Deiatelnost: teorii, metodologii, problemy – Activity: theory, methodology, problems*. Moscow: Politizdat [in Russian].

ПСИХОЛОГИЯНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

ACTUAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY

УДК 316.334.3:321

В.И. Велиева

*Бакинский государственный университет, Азербайджан
(E-mail: valvel71@gmail.com)*

Особенности становления гражданского самосознания у представителей молодого поколения

Показана ведущая роль семьи, образовательного и культурного ценза родительской референтной группы как факторов влияния на формирование гражданского самосознания в молодом возрасте. Наивысший уровень гражданской активности наблюдается у тех респондентов, чьи семьи также характеризуются активной гражданской позицией, участвуют в общественной и политической жизни общества. Можно резюмировать, что в молодом возрасте огромное значение на формирование патриотических чувств и гражданских настроений оказывают различные государственные культурные и социальные проекты, где молодежь не только приобщается к культурным и патриотическим источникам, но и сама активно получает возможность участвовать в различных акциях и мероприятиях. Непосредственная активность как форма проявления совместного с родителями, учителями, сверстниками, общественными и государственными деятелями участия в различных общественных акциях также рассматривается респондентами как мощный психологический фактор, оказывающий влияние на формирование активной гражданской позиции молодежи.

Ключевые слова: активная гражданская позиция, молодежь Азербайджана, психологические основы формирования гражданской активности молодежи.

Одним из важнейших приоритетов современной политической и общественной жизни Азербайджана является построение развитого гражданского общества, что невозможно выполнить, не формируя гражданского самосознания у жителей страны и, в первую очередь, у представителей молодого поколения.

Формирование развитого гражданского самосознания молодежи рассматривается как важная прикладная образовательная задача, поскольку именно от умонастроений и ценностных ориентаций молодого поколения зависит в будущем не только социальная и экономическая стабильность общества, но и благополучие, процветание нации и государства в целом. Поэтому проблема изучения ментальной детерминации процессов формирования и трансформации структурных компонентов гражданского самосознания современной азербайджанской молодежи рассматривается как актуальная исследовательская задача.

Отметим, что в наиболее общем варианте гражданское самосознание можно рассматривать как гражданский образ себя и отношение к себе как к гражданину общности. Несмотря на то, что гражданское самосознание начинает формироваться в раннем детстве под воздействием социальных и культурных факторов, на примере поведения лиц с референтным статусом (родители, родственники, учителя, школьные друзья, кумиры, публичные люди и пр.), как психологическая характеристика личности гражданское самосознание не является константным, т.е. раз и навсегда сложившимся новообразованием.

Формируясь на протяжении детства и юношества, а также апробируясь в молодом возрасте как система гражданских ориентиров и регуляторов, обеспечивающих полноценную инкультурацию

и социализацию молодежи в любой общественно-политической системе, гражданское самосознание подвержено разнообразным изменениям содержательного, структурного и динамического характера на протяжении всей взрослой жизни человека. К системообразующим условиям в данном случае относится не только субъективный опыт инкультурации, но и опыт конструктивного переживания критических жизненных ситуаций.

Являясь структурным компонентом индивидуального и общественного сознания, гражданское самосознание репрезентирует комплекс отношений между индивидом, обществом и государством. Гражданское самосознание имеет широкий спектр проявления: от узкоутилитарных и прагматических взаимоотношений в системе «субъект» — «общество» до проявления патриотических чувств и состояния безусловной ценности государства как Родины [1, 2].

Как личностное структурное образование гражданское самосознание рассматривается в виде ценностно-смыслового комплекса, системы субъективных социальных представлений и политических ориентаций, естественно изменяющихся под воздействие жизненных обстоятельств и опосредующих включенность субъекта в систему разнообразных жизненных (политических, социальных, профессиональных) отношений. Основными структурными компонентами гражданского самосознания личности являются ценности и порождаемые ими смыслы, потребности гражданской и политической активности в обществе.

К основным же функциональным характеристикам относятся: регуляция общественной и политической активности, детерминация нравственных представлений и морально-этических ценностей, активация личностного роста, определение профессионального выбора и направлений дальнейшего профессионального развития. Поскольку гражданское самосознание, как и любая другая форма самосознания личности, является частью модели ее жизненных отношений, образ жизни личности и ее гражданское самосознание можно рассматривать с позиций идентичности структурных характеристик.

Так же как и социальные поведенческие паттерны, обслуживающие их ценностно-смысловые характеристики с течением времени под воздействием определенных культурно-бытовых и социально-исторических условий способны автоматизироваться, воплощаясь в типичные для личности, комплементарные ее ментальным структурам сознания, автоматизированные, социально адаптивные модели гражданского поведения.

Как известно, в современной психологии гражданское самосознание рассматривается в виде сложного, полидетерминированного, иерархически организованного ценностно-смыслового структурного образования, которое состоит из признаваемых в рамках определенного социокультурного сообщества общественных ценностей и убеждений.

К обуславливающим жизнедеятельность субъекта гражданским ценностно-смысловым образованиям различного уровня иерархической локализации мы относим: глубинные ментальные структуры сознания личности, систему ведущих жизненных ценностей и смыслов, порождаемых опытом переживания критических жизненных ситуаций, а также систему актуальных оперативных ценностно-смысловых ориентиров, обслуживающих текущую деятельность субъекта по ситуации.

Так же как и Л.С.Выготский, который рассматривал динамическую смысловую систему как единство аффективных и интеллектуальных процессов сознания [3; 3, 4], представляется целесообразным понимать ценностно-смысловую структуру гражданского самосознания как относительно устойчивую и иерархически организованную систему, включающую в себя смысловые структуры разного уровня, которые функционируют как единое целое [4, 5].

Отметим, что гражданское самосознание определяет для каждого человека социальные потребности и гражданские настроения, порождает жизненные и политические смыслы [6; 23-45]. Гражданское самосознание — это своеобразная функциональная основа для формирования политической и социальной зрелости личности в молодом возрасте, для проявления ее самостоятельности в социальных суждениях и политических действиях [7, 8].

Вследствие этого, вслед за Ю.Б.Швалб, И.Н.Некрасовой, И.Т.Левыкиной, В.И.Толстых [9-12] в структуре гражданского самосознания, как и в структуре образа жизни личности, можно выделить содержательно-смысловые и эмоционально-динамические структурные характеристики. При этом к основным содержательным модусам объективации гражданского самосознания можно отнести систему субъективных отношений личности к себе как к гражданину общества, к другим, как к согражданам, а также систему представлений относительно своих возможностей влиять на окружающую социальную жизнь и преобразовывать ее в соответствии со своей гражданской позицией [9; 276, 277].

Несмотря на то, что субъектный опыт социализации и инкультурации признается исследователями основным регуляторным компонентом, детерминирующим объективацию, формирование и возможную дальнейшую трансформацию гражданского самосознания личности, тем не менее ценностно-смысловым ядром гражданского самосознания, запечатленным в форме ментальных структур сознания личности, является ментальный родовой опыт как набор паттернов социального взаимодействия, выносимых из семьи.

В качестве системных образующих условий автоматизации социально адаптивных моделей гражданского поведения авторы выделяют эмоциональные переживания, систему эталонных оценочных нравственных понятий и чувств (национальная гордость, патриотизм, верность идеалам свободы и процветания родного края, социальная толерантность и ответственность, гуманистические ценности, любовь к отечеству), а также этнический (национальный) менталитет той культурной общности, к которой принадлежит человек. Психологическим условием автоматизации определенного типа гражданского поведения выступает константность внешних культурных, политических и социально-экономических условий жизнедеятельности личности, психологическим инструментом — человеческий поступок как форма объективации индивидуального социального выбора (например, проявить определенную гражданскую позицию, участвовать в общественной акции, принять политическое решение и т.п.) [12].

Таким образом, можно обобщить, что в наиболее благоприятном варианте гражданское самосознание — это набор нравственных ценностных эталонов и представлений — ориентиров, на основе которых формируются гражданские убеждения и представления личности как патриота своей страны. В крайне неблагоприятном же варианте всегда приходится сталкиваться с ценностно-смысловой аномией личности как ее моральным и культурным распадом, что неизбежно приводит к политической и социальной маргинализации личности [13].

Таким образом, современная молодежь видит два пути прогрессивного преобразования общества как реализацию ценностей и смыслов своего гражданского самосознания: гражданское участие «снизу», как пример патриотического служения своей родине, и гражданское участие «сверху», как пример участия в политическом обустройстве и государственном управлении. Следует отметить, что субъективный выбор респондентами стратегии реализации ценностей гражданского самосознания во многом определяется ментальными характеристиками жизни респондентов.

Так, те респонденты, которые выбирали стратегию гражданского участия «снизу» характеризовались такими статусными, материальными и культурными характеристиками, которые значительно отличались от тех респондентов, которые выбирали стратегию гражданского участия «сверху», и обе эти группы качественно отличались по своим ментальным характеристикам от тех респондентов, кто характеризовался пассивной гражданской позицией, диффузной гражданской идентичностью или гражданской идентичностью в стадии моратория.

Выводы. Главными акцентами такой работы следует обозначить следующие направления организации образовательной и воспитательной работы с учащейся молодежью:

- знание, любовь и уважительное отношение к истории родного края, истории государственно-сти, ее лидерам и видным общественным деятелям;
- уважение к национальным традициям, изучение национальной культуры, приобщение к истории народа посредством почитания духовных и культурных традиций собственного народа;
- формирование чувства национальной гордости на примерах осмысления славных традиций истории, современных экономических достижений и политических реформ, проводимых в своей стране;
- осознание этнической уникальности себя как представителя нации, как субъекта ее исторического развития;
- верность семье и семейно-родовым традициям, желание защищать духовные традиции и приумножать экономические и промышленные достижения как основу для обеспечения стабильности каждой отдельной семьи, каждого отдельного человека как члена общности;
- в качестве элементов операционализации содержательно-смыслового компонента гражданского самосознания можно выделить: этноментальную и гражданскую самоидентичности, систему ведущих жизненных ценностей и смыслов, автоматизированные модели социального поведения;
- в качестве элементов операционализации эмоционально-динамического компонента гражданского самосознания можно выделить: чувство принадлежности к этнической общности, степень выраженности этноцентризма, проявляющейся в определенной эмоционально-динамической направленности этнических аттитюдов и этнических стереотипов поведения.

Список литературы

- 1 Ерохина Ю.А. Социальные детерминанты формирования гражданского общества в условиях современности / Ю.А. Ерохина // Труды членов Ставропольского отделения Российского философского общ. — Вып. 1. — М.: Ставрополь: РФО, СГУ, 2004. — 148 с.
- 2 Некрасова И.Н. Методологічні проблеми дослідження ментальних трансформацій в умовах соціальної нестабільності / И.Н. Некрасова // Соціальна Психологія. — 2009. — № 6(38). — С. 54–68.
- 3 Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии / Б.С. Братусь // Вопросы психологии. — 1997. — № 5. — С. 3–14.
- 4 Выготский Л.С. Развитие высших психических функций / Л.С. Выготский. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. — 492 с.
- 5 Леонтьев Д.А. Психология смысла / Д.А. Леонтьев. — М.: Смысл, 2003. — 487 с.
- 6 Здравомыслов А.Г. Потребность. Интересы. Ценности / А.Г. Здравомыслов. — М.: Мысль, 1986.
- 7 Зайцев И.В. Проблема формирования политической идентичности: опыт социально-психологического исследования / И.В. Зайцев // Социология и социальная работа. Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И.Лобачевского. Сер. Социальные науки. — 2007. — № 2(7). — С. 40–46.
- 8 Некрасова И.Н. Этническая ментальность как регулятор жизненной перспективы в молодом возрасте // Сб. науч. тр. Института психологии им. Г.С.Костюка АПН Украины / И.Н. Некрасова; под. ред. С.Д.Максименко и др. — Киев: Гнозис, 2008. — Ч. 2. — С. 79–88.
- 9 Швалб Ю.М. О соотношении категорий «жизненный путь» и «образ жизни, личности» / Ю.М. Швалб // Актуальні проблеми психології. — Т. 7. — Вип. 24.
- 10 Левыкин Т.И. Социальное благополучие — интегральный показатель уровня и качества жизни / Т.И. Левыкин. — М.: Наука, 1987. — 281 с.
- 11 Толстых В.И. Образ жизни: понятие, реальность, проблемы / В.И. Толстых. — М.: Политиздат, 1975. — 184 с.
- 12 Некрасова И.Н. Трансформация образа жизни: психологический механизм и показатели субъективной готовности / И.Н. Некрасова // Соціальна Психологія. — 2012. — № 4(56). — С. 54–68.
- 13 Маркин А.В. Функции отклоняющегося поведения в условиях информационной аномии: моногр. / А.В. Маркин. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2006. — 159 с.

В.И. Велиева

Жас ұрпақ өкілдеріндегі азаматтық өзіндік сананың қалыптасу ерекшеліктері

Мақалада жастық шақта азаматтық өзіндік сананың қалыптасуына ықпал ететін факторлар ретінде отбасының, ата-аналық референттік топтың білім беру және мәдени цензіннің рөлі көрсетілген. Отбасылары белсенді азаматтық ұстанымда болған, қоғамдық және саяси өмірге белсенді қатысқан респонденттердің де азаматтық белсенділігі жоғары болып келеді. Жастық шақта патриоттық сезімдер мен азаматтық көңіл-күйлердің қалыптасуына әртүрлі мемлекеттік мәдени және әлеуметтік жобалар ықпал етеді деп қорытынды жасауға болады. Олар арқылы жастар мәдени және патриоттық бастауларға қосылғанмен қатар, әртүрлі акциялар мен шараларға қатысуға мүмкіндік алады. Ата-аналармен, мұғалімдермен, құрдастармен, қоғамдық және мемлекеттік қайраткерлерімен бірге әртүрлі қоғамдық акцияларға қатысу формасы ретінде белсенділік респонденттермен жастардың белсенді азаматтық ұстанымды қалыптастыратын әсерлі психологиялық факторы ретінде қарастырылды.

Кілт сөздер: белсенді азаматтық ұстаным, азербайджан жастары, жастардың азаматтық белсенділігін қалыптастыратын психологиялық негіздер.

V.I. Veliyeva

Specific features of formation of civic self-consciousness of young generation

The article reveals the leading role of the family, the educational and cultural qualification of the parent reference group as the factors of influence on the formation of civic consciousness at a young age. The highest level of civic activity is observed among those respondents whose families are also characterized by active civic positions and actively participate in the public and political life of the society. It can be summarized that various state cultural and social projects during which young people not only become attached to cultural and patriotic sources but also actively get the opportunity to participate in various actions and events, have a huge impact on the formation of patriotic feelings and civic moods. Direct activity in a form of participation in various public activities together with the parents, teachers, peers, public and state figures is also considered by respondents as a powerful psychological factor that influences the formation of an active civic stand of young people.

Keywords: active civic position, Azerbaijani youth, psychological basis of formation of civic activity of the youth.

References

- 1 Erohina, Yu.A. (2004). Sotsialnye determinanty formirovaniia hrazhdanskogo obshchestva v usloviakh sovremennosti [Social determinants of civil society formation in modern conditions]. *Trudy chlenov Stavropolskogo otdeleniia Rossiiskogo filosofskogo obshchestva – Proceedings of the members of Stavropol branch of Russian philosophical society, 1*. Moscow; Stavropol': RFO, SHU [in Russian].
- 2 Nekrasova, I.N. (2009). Metodolohichni problemi doslidzhennia mentalnikh transformatsii v umovakh sotsialnoi nestabilnosti [Methodological problems in study of mental transformations in conditions of social instability]. *Sotsialna Psikhologhiia – Social psychology, № 6(38)*, 54–68 [in Ukrainian].
- 3 Bratus, B.S. (1997). K probleme cheloveka v psikhologii [To problem of man in psychology]. *Voprosy psikhologii – Questions of psychology, 5*, 3–14 [in Russian].
- 4 Vygotskij, L.S. (1960). *Razvitie vysshikh psikhicheskikh funktsii [Development of higher mental functions]*. Moscow: Izdaelstvo APN RSFSR [in Russian].
- 5 Leontiev, D.A. (2003). *Psikhologhiia smysla [Psychology of meaning]*. Moscow: Smysl [in Russian].
- 6 Zdravomyslov, A.G. (1986). *Potrebnost. Interesy. Tsennosti [Need. Interests. Values]*. Moscow: Mysl [in Russian].
- 7 Zajcev, I.V. (2007). Problema formirovaniia politicheskoi identichnosti: opyt sotsialno-psikhologicheskogo issledovaniia [Problem of formation of political identity: experience of socio-psychological research]. *Sotsiologhiia i sotsialnaia rabota. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I.Lobachevskogo. Serii Sotsialnye nauki – Sociology and social work. Bulliten of N.I.Lobachevskii Nizhegorodsk universitet. Series Social science, 2(7)*, 40–46 [in Russian].
- 8 Nekrasova, I.N. (2008). Etnicheskaia mentalnost kak rehulator zhiznnoi perspektivy v molodom vozraste [Ethnic mentality as a regulator of life prospects at a young age]. *Sbornik nauchnykh trudov Instituta psikhologii imeni G.S.Kostiuka APN Ukrainy – Collection of scientific papers of G.S.Kostyuk Institut of psychology of APN of Ukrain, Part 2*. S.D.Maksimenco (Ed.). Kiev: Hnozis [in Russian].
- 9 Shvalb, Yu.M. O sootnoshenii katehorii «zhiznnyi put» i «obraz zhizni lichnosti» [On the correlation of categories «life» and «lifestyle identity»]. *Aktualni problemi psikhologii – Actual problems of psychology, Vol. 7, 24* [in Russian].
- 10 Levykin, T.I. (1987). *Sotsialnoe blahopoluchie - integralnyi pokazatel urovnia i kachestva zhizni [Social welfare is the integral indicator of life quality of life]*. Moscow: Nauka [in Russian].
- 11 Tolstyh, V.I. (1975). *Obraz zhizni: poniatie, realnost, problemy [Lifestyle: Concept, reality, problems]*. Moscow: Politizdat [in Russian].
- 12 Nekrasova, I.N. (2012). Transformatsiia obraza zhizni: psikhologicheskii mekhanizm i pokazateli subiektivnoi hotovnosti [Transformation of life: psychological mechanisms and subjective indicators of readiness]. *Sotsialna Psikhologhiia – Social Psychology, 4(56)*, 54–68 [in Russian].
- 13 Markin, A.V. (2006). *Funktsii otkloniaushchehosia povedeniia v usloviakh informatsionnoi anomii [Functions of deviant behavior in the conditions of informational anomie]*. Moscow: YUNITI-DANA: Zakon i pravo [in Russian].

D.A. Zhanserikova, S.K. Abildina, B.A. Amirova

*Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan
(E-mail: dibis68@mail.ru)*

Parental role in children's adaptation to school

Receipt of child to school-this is a fundamentally new phase in his life. The first year at school is not only one of the most difficult stages in a child's life, but also a kind of probation for parents: it was during this period that requires maximum participation in the life of the child, as well as the absence of psychologically savvy approach, parents themselves often become perpetrators of school stress in children. Special attention is required from parents. In the family should be a good, moral atmosphere of respect for each other. Parental influence is currently the strongest, most effective. From parents, to teach depends a great deal of autonomy, organisation, accuracy. Particular attention should be paid to the proper daily routine first-grader. The first year at school is a difficult period. Sometimes parents can provoke school stress, wanting immediate success, not taking into account psychological characteristics of the child. The initial training period for first-graders is difficult enough because it causes the restructuring of all lifestyles and activities. This article discusses the successful adaptation of the child to the school, she's positively connected with such characteristics of interaction between parent and child, which contribute to the effectiveness of these relations and create favourable conditions for the harmonious development of the personality of the child.

Keywords: preparing for school, adaptation, parental influence, stress, interaction, the personality of the child, psychological features.

Entering school, children fail to pursue a new social status at once. It takes a long period of primary school adaption which includes preschool childhood and school life. All newcomers at school, face various difficulties and later cause serious problems for schoolchildren in learning process. Children embark on a new social stage of development, with entering the school life, which requires having quite difficult psychological adjustment.

Difficulties can arise for some reasons: lack of experience at school; insufficient preparation by parents; individual characteristics of the child: isolation, shyness, aggression, etc. The readiness for school is not only writing and reading abilities, as some parents understand, but it is also physical, mental, psychological, moral readiness for learning.

The first year of school is not only one of the most difficult stages in the child's life, but also a kind of probationary period for the parents. Firstly, their participation in the child's life is required for this period. Secondly, at the beginning of training all their defects are clearly noticeable. Thirdly, parents have good intentions, but due to absence of psychological approach they cause problems of child's stresses at school.

At the same time, the foundation of the child's attitude to school and learning builds in the 1st grade. In order to pass this stage of children's lives more successful for their parents need to know and take into account mental and physiological state of children arising from the beginning of training in the school [1].

The period of development, acceptance of the educational situation under favorable conditions lasts for 2 months (the entire first quarter, and sometimes the entire first year). Loving and caring parents, relying on a highly valued child opportunity «to be schoolchild» should help him to explore the complex of school situations and educational activities:

You cannot «abandon» a child in this difficult situation, expecting that he independently will manage with it, but the other extreme is also harmful - interception, choking child's initiative.

Parents' support can be provided by way of increased interest in the subtleties of school commandments, in giving the collection of a portfolio,

«Outbreak of conformism», the desire to finish everything exactly «as teacher said», is associated with the very special value of rules and norms for a new schoolchild and must be accepted with understanding.

Plaints and concerns about the imperfection of teachers and school programs should be postponed until better times.

It is necessary to pay attention on the character of those values, anxieties and emotional accents which are transmitted to a child in a free communication: «You haven't been scolded today, have you?» – the value of obedience, «And who else got a five in the class?» – The value of prestige, «Isn't it blowing from windows?» – Everyday values, etc [1].

The years of primary school is characterized by the most intensive human formation at this period a child learns not only to work but also to live with rich and spiritual life. This period psychologists call sensitive, because it is the most favorable for the development and the formation of personality.

Many pedagogically neglected children with a sick nervous system come in the first grade and causes can be different:

- Weak overall development
- Lack of communication with parents
- Conflicts in the family
- One child in the family, inferior communication
- Excessive love for the child

Wonderful children grow up in families where parents really love each other and their children and find time for all family members. Such children can be seen right away and in their souls there are peace and quiet, and they believe in good in teachers and people.

Sometimes parents who are obsessed with love for children try not to cloud the joy of childhood, and try to insure the child not only from real, but also from imaginary accidents. They do not notice that their love can be harmful for growing child: parents deprive children of independence, thereby form selfishness. There are also some parents who try to fulfil any whim of a child, until the child goes to the first grade. Studying is the first labor, first responsibility, but not all parents try to inspire their children about the significance of it [2].

The problems that pupils face are often the result of errors admitted by parents in the upbringing; in most cases the reason is in irrational organization of the day, low level of independence, lack of cognitive processes. Usually fatigue and overwork of students, and also sharp decline of efficiency is a consequence of irrationality-organized mode of school day. It is believed that parents should watch the right organization of the daily regime of first-graders.

First of all, they should help to organize the regime of the school day. At every age period, the child's organism has its own features that should be considered. A first grader cannot hold attention for a long time; that is evidenced by the development of general anxiety. 15-20 minutes after preparing homework or starting a lesson, the child begins to be distracted, trying to return him to classes will soon be unsuccessful, since this reaction develops independently of the child's will, the child needs switching from one activity to another [3].

However, parents often do not differ from children by their organization, they are can be chaotic in business, which unwittingly accustom their children, others are too busy with work. In both cases, most of the time, free from school, the child dedicates to the so-called rest: watching TV, searching the computer, or just staggering down the street without a deal. All work which was accumulated during the day carry over to the evening when the parents return from work.

One of the daily problems of each first grade schoolchild is related to homework, schoolchild from the first grade must acquire the technique of independent work, to assimilate rational methods of labor organization.

However, many parents, instead of explaining to the child how correctly prepare a task only control its implementation, or substitute the child for work showing him mistakes, telling the correct answer, or simply doing all the work instead of children. Such «help» makes the whole process useless preparation of homework.

No less harm is brought by the other extreme, when parents believe that child with entering in school should automatically get independence and responsibility, school duties are eliminated from monitoring the performance. Such an educational orientation of adults is not promotes the formation of arbitrariness, responsibility, self-organization and self-control. Moreover, the underdevelopment of autonomy, suppression by adults of child's initiatives, or removal from support of his actions leads not only to delay in development, but also to personal deformity of the child, increased anxiety, all possible fears, self-doubt, aggression.

Aggressive behavior of children is a call for help, for demonstration of attention to the child's inner world, in which too much destructive emotions has accumulated and the child cannot manage with them. The family can demonstrate aggressive behavior and provide its fastening. In such family, family members are more likely to behave aggressively to each other and to others, the family approves of the child's aggressive behavior. Herewith a father demonstrates aggressive behavior and the mother is not demanding towards the child. In this case, the parents of aggressive children do not try to ruin the reasons of children's aggressive behavior. The main methods of education in such families are physical punishment and threats, lack of encouraging, deprivation of love and care [4].

A large number of studies have convincingly shown the addiction to negative relationships in the «parent-child» system, emotional deprivation in the family and child aggression. It is established, for example, that if a child has negative relations with one or both parents, trends of development of positive self-esteem and self-concept do not find support in parents' assessment. Or if the child does not feel parents' support and care, then the probability of delinquent, unlawful behavior increases substantially, relations with fellows worsen, aggressiveness towards own parents is appearing.

According to attachment theory, small children vary in degree feelings of security in their relationship with their mother. Reliably attached child has a reliable, stable and sensitive attitude from mother's side. Such child trusts other people, has well-developed social skills, is inclined to constructive communication, and non-aggressive. Unreliably bound or worried about his attachment child is not talkative, resists control, is inclined to manifest physical aggression. Impulsive behavior, affective outbursts are related to such children. In addition, there is positive dependence between the severity of punishment and the level of aggression children. It extends to cases where punishment is a reaction of parents on the aggressive behavior of the child, being an educational measure, directed to reducing aggression. It was found that those children who were subjected to strict punishment from the parents' side, showed a big aggression in their behavior and, accordingly, were characterized by classmates as aggressive [5].

Without the participation of parents, the independence of the younger schoolchildren in the organization of their workplace, in doing housework, in preparing their clothes and portfolio for tomorrow cannot be organized. Cultivation of independence is responsible and gradual work. It is often easier to do something by yourself, than wait until the child does. Sometimes the child's actions represent a real danger for him. Then the parents warn him: «Do not do it yourself, it's dangerous (hard), I'll do it for you». This wrong installation leads to «learned helplessness», the child's refusal in the future from any independent actions, unbelief in one's own strength. For what a parent should look after if he wants to help a child to learn? The most important task of parents during of studying process of a child is not to become a doubling teacher, but to remain parents accepting, understanding and loving their child, regardless of his school successes or failures.

Therefore, first of all, the parent should watch the level of child's independence in domestic affairs (including in the school homework). If before starting school the child has not acquired the techniques of independent dressing (for example, tying laces), putting them to bed, cleaning their «territory», brushing their teeth before going to bed, and etc., this is the first concern of the parent. Moreover, individual cases or actions of the child by this time can already carry out independently, without supervision of the adult and on own initiative. From the 1st of September, the preparing the table for doing homework; collection of portfolio, preparation of school uniform with the help of parents (or clothes and shoes, in which tomorrow the child will go to school) [5].

A couple may have difficulties with a small child; if they can't manage with those problems, they will grow into a crisis when the child goes to school. On this stage of the problem, arise «partially because of what is going on within the complex family organization, but also because the child is increasingly employed outside the family». The family system often experiences pressure (in the form of feedback) from the external systems - neighbors and schools. The family should learn how to communicate with these new systems for themselves. Rules, or boundaries, should allow contact with a non-family environment in order for the child to acquire his own experience in establishing relations. It is necessary to set new rules: How to help child with homework. Who should do this? How does it relate to school assessments? What should I expect from a child in school or at home? From that, as far as it is possible to agree on these and many other issues, depends the success of the family in this phase of the life cycle. With the removal of the people and the approach of middle age, parents also undergo physical and emotional changes. In addition, they usually experience stress and in connection with complicating their job duties at work.

At this stage, the couple has already formed certain patterns of communication. In some cases, they can interfere with a child's success in the outside world. Difficulties arise usually in the case when there is a split in the parent dyad. A typical problem is the union of one parent with a child against another parent. From the point of view of the father, the mother may be «too soft», while, according to the mother's opinion, the father is «too harsh». Such a perception can lead to, that every parent tries to save the child from another. The mother is overprotective child, experiencing frustration, and the father tries to stay away to finally «do not spoil the child». When the father tries to control the child (at a distance), the mother intervenes and softens the blow (undermining his father's efforts). This cycle repeats, none of the parents at the same time can affect the child, and both are angry at each other. If there is no other way of communication between parents, the child's bad behavior contributes to their unification (involvement in conflict) [6].

Often happens that simultaneously with the arrival of the child in school parents are engaged in their own affairs, for example, the search for a new job. Mothers, before busy with the child at home, return to their old job or find a hobby. Since the mother's time is getting shorter, it may be necessary that the father took over part of the household duties. Both can face a large emotional stress. If we agree on these issues. It is possible, there is a crisis (for example, depression, peptic ulcer, alcoholism, problems with study), which affects every member of the system. Parents, who do not achieve their goals in life, often devote themselves to children. Such parents tend to deny their own problems, focusing on the problem of child. In such cases, the child often has trouble in school. He vividly perceives the conflict and feels the need for affinity with one of the parents. The child may have somatic symptoms, signaling the need to be at home with them. Parents unite to overcome the crisis and push their differences to the background. Thus, the symptoms help the child stay in the center of attention, and help parents to avoid discussing their own problems and marital relationships. Psychotherapy can help parents not to pay attention to symptomatic complaints of the child (for example, a headache) and return him to normal life (that is, send to school) [7].

In the younger school age, there is an increase of the problems of mother and child relations. At the same time, the weight of intrapersonal problems and problems of interaction with people is reduced, and problems in learning are growing. This means that with the child's entry into the school, difficulties of parents with children are mainly associated with training activities. At this time, parents disturbed by the manifestations of the child's psychological immaturity, regressive tendencies, in his behavior, obstructive with learning and showing responsibility. At the same time complaints of antisocial behavior appear, reflecting the child's protest against pressure and new requirements.

The researchers in the field of child-parent relations highlight reflexivity as one of the most important personal qualities of a mother, with a reference to a constructive parenthood. In their opinion, the reflexivity allows to adequately take into account individual age characteristics of the child, awareness of the responsibility for his/her development, proceeding from the understanding of self-importance, determines the willingness to consciously seek the most effective style of individual education [8].

Entering to school is a turning point in the life of the child, changing in general hierarchy of his/her claims to recognition. Entering to school is a transition to a new lifestyle and working conditions, a new position in society, and new relationships with adults. The environment and changing social conditions distinguish personal development of the child. A new social status of a child is characterized by passing from the existence of the free from the constant duties, to the obligatory socially significant activity: he/she must learn. Now he/she is obeyed to a system of strict, mandatory for all school and school of general social rules. A changing of place in the system of public relations - the transition of the status of a pupil, a schoolchild, creates a psychological situation openness of the child.

That is why the concept of «the readiness of a child to school» is a complex, multifaceted and covers all areas of the child's life. Thus, the essence, the structure and components of the child's readiness to learn define its basic criteria and parameters.

References

- 1 Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте / Д.Б. Эльконин // Вопросы психологии. — 1981. — № 4. — С. 6–20.
- 2 Выготский Л.С. Развитие личности и мировоззрения ребенка / Л.С.Выготский // Психология личности. — 1992. — № 1. — С. 161–165.
- 3 Общение детей в детском саду и семье / под ред. Т.А.Рониной, Р.Б.Стеркиной. — М.: Педагогика, 1990. — 260 с.
- 4 Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых / М.В.Осорина. — СПб.: Питер, 1998. — 320 с.
- 5 Лисина М.И. Общение, личность и психика ребенка / М.И.Лисина. — М.: Инс-т практ. психологии, Воронеж: НПО «Модэк», 1997. — 230 с.
- 6 Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И.Божович. — М., 1989. — 345 с.
- 7 Внешняя среда и психологическое развитие ребенка / под ред. Р.В.Тонковой-Ямпольской и др. — М.: Медицина, 2001. — 207 с.
- 8 Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения / М.И. Бобнева. — М.: Право, 2009. — 260 с.

Д.А. Жансерикова, С.К. Әбілдина, Б.Ә. Әмірова

Балалардың мектепке бейімделуінде ата-ананың ролі

Баланың мектепке баруы оның өміріндегі жаңа кезеңдердің бірі болып саналады. Мектепте оқудың бірінші жылы бала өміріндегі тек маңызды кезеңдердің бірі ғана емес, сонымен қатар ата-аналар үшін де сынақ мерзімі болып есептеледі, себебі нақты осы кезеңде олардан балалар өміріне белсене араласуды талап етеді. Сонымен бірге мектептегі балаларда кездесетін стресстік жағдайлардың туындауына ата-аналардың бұл мәселелерге психологиялық сауатты тұрғыдан келмеуінің әсері болуы мүмкін. Бұл жағдай ата-аналар тарапынан ерекше назарды талап етеді және отбасында мейірімді, бір-біріне сыйластық ахуалы орнауы қажет. Нақты жағдайда ата-ана әсері өте күшті. Баланы дербестікке, ұйымдастырушылыққа, тиянақтылыққа тәрбиелеу ата-аналарға байланысты. Әсіресе ерекше назарды бірінші сынып оқушысының күн тәртібінің дұрыс орындалуына аудару керек. Мектептегі бірінші жыл — күрделі кезең. Кейде ата-аналар балалардың психологиялық ерекшеліктерін есепке алмай, тез жетістікке жету ниетімен, мектептегі стресстік жағдайды өздері де туғызуы мүмкін. Бірінші сынып оқушылары үшін оқудың алғашқы кезеңі жеткілікті дәрежеде қиын, себебі бұл олардың өмір салты мен іс-әрекетінің қайта құрылуын талап етеді. Мақалада баланың мектепте оқуға жетістікпен бейімделуі қарастырылды, бұл бала мен ата-ананың өзара әрекеті сипаттары мен олардың қарым-қатынастарына тиімді әсер етіп, баланың жеке тұлғасының үйлесімді дамуы үшін жағымды жағдай жасайды.

Кілт сөздер: мектепте оқуға дайындық, бейімделу, ата-ана әсері, стресс, өзара әрекет, бала тұлғасы, психологиялық ерекшеліктер.

Д.А. Жансерикова, С.К. Абиьдина, Б.А. Амирова

Роль родителей в адаптации детей к школе

В статье рассмотрен особый период в жизни ребёнка — поступление в школу. Начальный период обучения для первоклассников достаточно труден. Он вызывает перестройку всего образа жизни ребёнка. Первый год обучения в школе является и своеобразным испытательным сроком для родителей: именно в этот период требуется их максимальное участие в жизни ребёнка. В семье должна царить добрая, нравственная атмосфера уважения друг к другу. От родителей зависит многое, в том числе приучение ребёнка к самостоятельности, организованности, аккуратности, к правильному распорядку дня первоклассника. Отмечено, что, желая сиюминутных успехов, родители могут спровоцировать школьный стресс, не учитывая психологических особенностей ребёнка. В статье рассматривается успешность адаптации ребёнка к школе, связанная с такими характеристиками взаимодействия родителя и ребёнка, которые способствуют эффективности этих отношений и создают благоприятные условия для гармоничного развития личности ребёнка.

Ключевые слова: подготовка к обучению в школе, адаптация, родительское влияние, стресс, взаимодействие, личность ребёнка, психологические особенности.

References

- 1 Elkonin, D.B. (1981). К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте [To the problem of the periodization of mental development in childhood]. *Voprosy psikhologii – Questions of psychology*, 4, 6–20 [in Russian].
- 2 Vygotsky, L.S. (1992). Razvitiie lichnosti i mirovozzreniia rebenka [Development of the personality and world outlook of the child]. *Psikhologiiina lichnosti – Psychology of personality*, 1, 161–165 [in Russian].
- 3 Ronina, T.A., Sterkina, R.B. (Eds.). (1990). *Obshchenie detei v detskom sadu i seme [Communication of children in kindergarten and family]*. Moscow: Pedagogika [in Russian].
- 4 Osorina, M.V. (1998). *Sekretnyi mir detei v prostranstve mira vzroslykh [Secret world of children in the world of adults]*. Saint Petersburg: Piter [in Russian].
- 5 Lisina, M.I. (1997). *Obshchenie, lichnost i psikhika rebenka [Communication, personality and psyche of the child]*. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii; Voronezh: NPO «Modek» [in Russian].
- 6 Bozhovich, L.I. (1989). *Lichnost i ee formirovanie v detskom vozraste [Personality and its formation in childhood]*. Moscow [in Russian].
- 7 Tonkova-Yampolskaya, R.V. et al. (Eds.). (2001). *Vneshniaia sreda i psikhologicheskoe razvitiie rebenka [External environment and psychological development of the child]*. Moscow: Meditsina [in Russian].
- 8 Bobneva, M.I. (2009). *Sotsialnye normy i rehuliatitsiia povedeniia [Social norms and regulation of behavior]*. Moscow: Pravo [in Russian].

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT AUTHORS

- Abdrakhmanova, K.K.** — Candidate of history science, Associate professor of the Department of archeology, ethnology and Kazakhstan history, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Abildina, S.K.** — Doctor of pedagogical sciences, Associate professor of the Department of pedagogy and methods of primary education, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Amirova, B.A.** — Doctor of psychological sciences, Professor of the Department of psychology, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Babayev, E.A.** — PhD student of the Institute of Manuscripts of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku.
- Baturin, V.S.** — Doctor of philosophical sciences, professor of the Department of philosophy and theory of culture, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Beisenbekova, N.A.** — Candidate of history science, Associate professor of the Department of archeology, ethnology and Kazakhstan history, Director of the research center of «Tulgatanu», Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Dyussalinova, B.K.** — Senior lecturer of the Department of philosophy and theory of culture, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Dzhumabekov, D.A.** — Candidate of history science, Associate professor of the Department of Kazakhstan history and Assembly of peoples of Kazakhstan, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Gnedash, A.A.** — Candidate of political sciences, Associate professor of the Department of state policy and public administration, Kuban State University, Russia.
- Karakonissova, S.G.** — Master of culturology, Senior lecturer of the Department of philosophy and theory of culture, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Karsakova, G.B.** — PhD student of the Department of National history and Assembly of peoples of Kazakhstan, Sh. Ualikhanov Kokshetau State University, Kazakhstan.
- Kassenov, E.B.** — Candidate of historical sciences, Associate professor of the Department of General Educational Disciplines, «Bolashak» Academy, Karaganda, Kazakhstan.
- Nikovskaya, L.I.** — Doctor of sociological sciences, Professor, Chief research associate of the Institute of Sociology RAS, Moscow, Russia.
- Orynbekova, R.J.** — Master student of 1 course, Department of archeology, ethnology and Kazakhstan history, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Popov, J.G.** — Candidate of technical science, Local lore specialist, Saint Petersburg, Russia.
- Rezvushkina, T.A.** — Master of sociology, Senior lecturer of the Department of political sciences, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Saktaganova, Z.G.** — Doctor of history science, Professor of the Department of archeology, ethnology and Kazakhstan history, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Shotbakova, L.K.** — Candidate of history science, Associate professor of the Department of archeology, Ethnology and Kazakhstan history, Researcher of the research center of «Tulgatanu», Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Sizdikova, J.S.** — Doctor of history science, Professor, Head of the Department of Central Asian Countries and Caucasus, Institute of Asian and African Studies, M.V.Lomonosov Moscow State University, Russia.

-
- Smagulova, G.M.** — Candidate of history science, Associate professor of the Department of world history and international relations, Researcher of the research center of «Tulgatanu», Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Soloshchenko, P.P.** — Master of philosophy, Senior lecturer of the Department of philosophy and theory of culture, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Stambulov, S.B.** — PhD, Associate professor of the Department of world history and international relations, Researcher of the research center of «Tulgatanu», Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Syzdyk, B.K.** — Candidate of law sciences, Associate professor, Senior researcher of the Institute of Economic and Legal Researches, Karaganda Economic University of Kazpotrebsoyuz, Kazakhstan.
- Uskembayev, K.S.** — Candidate of history science, Associate professor of the Department of archeology, ethnology and Kazakhstan history, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Veliyeva, V.I.** — PhD, Associate professor of the Department of psychology, Baku State University, Azerbaidjan.
- Zhanserikova, D.A.** — Candidate of psychological sciences, Associate professor of the Department of psychology, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Zhusupova, B.J.** — Master of philosophy, Senior lecturer of the Department of philosophy and theory of culture, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.